

КУЛЬТУРА МИРА

в традициях и обычаях
народов Северного Кавказа

Назрань – 2013

УДК
ББК
К ...

**Издано в рамках межрегионального образовательного проекта «Я – гражданин!»,
реализуемого Общественным фондом социального развития «Генезис» (Ингушетия)
при финансовой поддержке Международного фонда предотвращения
конфликтов (Великобритания)**

ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа. – Назрань,
2013. – 200 с.

Книга представляет собой сборник авторских очерков ведущих ученых-историков Северного Кавказа о проявлениях культуры мира в опыте общения и традициях народов Северного Кавказа. Основной целью издания является не только расширение знания подрастающих поколений о своём родном крае, но и раскрытие огромного миротворческого потенциала традиций и обычаев народов Северного Кавказа. Книга адресована подросткам, молодежи, учителям, работающим в сфере гражданского образования и воспитания в духе культуры мира, а также все тем, кто проявляет интерес к идеям миротворческого и гражданского образования, к истории и этнографии Северного Кавказа.

УДК
ББК

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Книга, которую вы держите в руках издана в рамках проекта «Я – гражданин!», реализуемого Общественным фондом социального развития «Генезис» при финансовой поддержке Международного фонда предотвращения конфликтов (Великобритания). По названию проекта можно догадаться, что в его основе лежит гражданское образование – целенаправленное педагогическое воздействие на самосознание подростков путем передачи системы знаний; развития чувства любви к Родине, интереса к истории своего народа, законам государства; воспитания у них чувства ответственности за свои поступки, за судьбу страны; формирования способности к гражданскому действию (гражданской активности). Среди прочего, гражданское образование ставит своей целью воспитание школьников на основе социокультурных и исторических достижений многонационального народа Российской Федерации, народов других стран, а также культурных и исторических традиций родного края. И в этой связи особое значение приобретает культура мира – понятие, включающее в себя идеи прав человека, ответственность граждан, поддержку мира и ненасилие, плюрализм культур, толерантное отношение к различиям.

«Для чего все это нужно? Культура мира? Толерантность? Все это западные идеи, которые не годятся для наших условий, нашего менталитета!» – часто слышали мы за долгие годы работы нашей организации в области миротворческого и гражданского образования на Северном Кавказе. Между тем и наш собственный, и мировой опыт убедительно доказывали: мир и согласие в многонациональном и поликультурном обществе могут быть достигнуты и сохранены лишь основе соблюдения принципов культуры мира, которые являются универсальными для всех людей на Земле вне зависимости места проживания, расы, национальности и вероисповедания. А изучение истории и этнографии народов Северного Кавказа неоспоримо подтверждает: идеи культуры мира являются глубоко родственными для культуры народов Кавказа. Они изначально, в самобытной форме, присутствовали в списке моральных и нравственных приоритетов наших предков. И осознание общности духовных ценностей народов Кавказа с общемировыми духовными ценностями должно способствовать формированию толерантного сознания и поведения у подрастающих поколений. Из понимания и осознания этих фактов и родилась идея создания книги «Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа».

Наша книга уникальна, потому что является первой в своем роде. Ее создавала целая плеяда ведущих ученых нашего края – историков и этнографов. А основная ее ценность в том, что в ней раскрывается и освещается колоссальный опыт народов Северного Кавказа в деле миротворчества, в самом широком смысле слова. Речь идет, прежде всего, о традиционных формах и механизмах предотвращения/разрешения конфликтов, примирения, налаживания добрососедских отношений, о примерах проявления толерантности и оказания взаимопомощи. Опыт наших предков будет призван помочь нам в решении современных проблем, в частности, в привитии подрастающему поколению ценностей культуры мира, сопереживания, уважения других культур на конкретных примерах из истории своих народов.

Мы, сотрудники Общественного фонда социального развития «Генезис» (Ингушетия), на протяжении целого ряда лет лелеяли мечту выпустить эту книгу. И потому хочется выразить огромную благодарность всем, кто помог этой мечте сбыться: Международному фонду предотвращения конфликтов (Великобритания), выделившему средства, уважаемым авторам и, конечно, нашему научному редактору Дзараховой З.М.-Т., не жалевшей ни времени, ни сил на то, чтобы этот коллективный труд обрел достойное материальное оформление.

«Сейте разумное, доброе, вечное!» – написал однажды великий поэт Н.А. Некрасов. Мы надеемся, что эта книга сумеет выполнить его призыв, что вы, дорогие читатели, найдете на ее страницах пищу для ума и души, откроете для себя что-то новое и захотите к лучшему изменить свои отношения с другими людьми!

Дзейтова Марета
Председатель Совета
Общественного фонда социального
развития «Генезис» (Ингушетия)

ВВЕДЕНИЕ

«Как сладкую песню Отчизны моей, люблю я Кавказ», – писал великий поэт М. Лермонтов.

Северный Кавказ – один из самых многонациональных регионов в стране. На протяжении тысячелетий он был историческим перекрестком, на котором сталкивались многие племена и народы. «Ни высокие хребты, ни глубокие ущелья и глухие леса, ни бурные реки не являлись непреодолимой преградой для общения местного населения с другими народами. Самые разные люди, стоявшие на разных ступенях культурного и общественного развития, говорившие на разных языках, пили воду из одних и тех же источников и устанавливали контакты, обменивались опытом, обогащали друг друга своими хозяйственными и другими достижениями, торговали, роднились, порой вступали в конфликты и враждовали, но чаще укрепляли связи куначеством – бескорыстной дружбой и побратимством», – пишет ингушский краевед Ш. Дахкильгов.

Северный Кавказ представлен народами, говорящими на кавказских языках (адыги, абазины, абхазцы, ингуши, чеченцы, дагестанские народы), тюркских языках (балкарцы, карачаевцы, кумыки), на языке иранской языковой группы (осетины), но при всем языковом разнообразии культура этих народов как материальная, так и духовная, во многом родственна. Особенно это относится к словесному искусству – устному народному творчеству.

В традициях и обычаях народов этого региона привлекают внимание сдержанное благородство, самобытные традиции и обычаи, создавшие в процессе многовекового развития специфические механизмы взаимодействия и общения.

У народов Кавказа не было и нет врождённой ненависти друг к другу. Конфликтные ситуации старейшины разных народов разрешали на основе морально-этических норм и справедливости, без ссылки на национальность. Все были воинственны, но не агрессивны.

Исторический и культурный опыт предков имеет огромный ресурс нравственного характера в воспитании культуры мира и сопереживания на примере опыта своих предков.

Настоящее издание представляет собой попытку собрать под одной обложкой рассказы ученых-историков о проявлениях культуры мира в опы-

те общения и традициях народов Северного Кавказа для того, чтобы расширить знания подрастающих поколений о своём родном крае.

Знание этнокультурного многообразия и единства народов, знакомство с миротворческим содержанием традиций и обычаев предков, будет способствовать лучшему взаимопониманию, формированию положительных этнических стереотипов у тех, за кем будущее нашей страны.

Мы надеемся, что эта книга станет настольной для молодёжи, желающей лучше понять духовную жизнь и культуру народов Северного Кавказа, как основу сохранения мира и стабильности в этом регионе.

**Дзарахова З.М.-Т.,
доктор исторических наук,
научный редактор**

АДЫГ. ҚАБАРДИНЦЫ

ТЕКУЕВА МАДИНА АНАТОЛЬЕВНА

доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии,
этнологии и истории КБР Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М.Бербекова

Кто такие адыги? Адыгами называют себя кабардинцы, черкесы, шапсуги, адыгейцы. Очень близки им по языку, культурным традициям и образу жизни убыхи, абазины, абхазы. В исторических источниках авторы не местного происхождения называют их общим именем «черкесы».

Территория расселения адыгских народов простиралась от Северного Причерноморья и бассейна реки Кубань до верховьев рек Малки, Терек, Черек, Баксана. Сегодня основная масса их проживает в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии.

Потомки адыгских мухаджиров, вынужденно переселившихся на Ближний Восток в результате поражения в Кавказской войне, составляют многочисленные диаспоры адыгов в Турции (2,5-3 млн. человек), в Иордании, Сирии, Ливии, Израиле, Египте, а также в некоторых странах Европы и США.

Адыгское общество на протяжении своей истории развивалось в тесном взаимодействии с разнообразным социально-политическим окружением: в древности – это античные Греция и Рим, в раннем средневековье – Византия, в XII – XIII вв. – генуэзские колонии в Причерноморье, кочевники степного Предкавказья, государства Закавказья, и всегда бок о бок – балкаро-карачаевцы, ингуши, чеченцы, осетины, народы Дагестана.

Сосуществование адыгов с окружением, весьма разнородным в этнокультурном и политическом отношении, способствовало формированию у них развитой *дипломатической культуры*, в рамках которой сложились определенные различия во взаимоотношениях адыгов с ближайшими соседями по Северному Кавказу и с крупными державами, имевшими свои интересы в регионе.

Международные отношения регулировались в форме, характерной для феодальных договоров, в рамках традиционных институтов – аталычества и куначества, а также посредством династических браков. Первые два С. Броневский называл главным звеном «политических соотношений между кавказскими народами».

Помимо международных контактов адыгам, существовавшим до середины XIX в. в феодальном обществе, в состоянии постоянной междоусобицы, необходимо было выработать правила ведения войны и заключения мира между родственными племенами и конкурирующими князьями. В XVIII в. академик Гюльденштедт писал в своих путевых заметках об ады-

гах: «Князья ведут войну между собой, утесняют друг друга и часто объявляют себя союзниками совсем противной стороны».

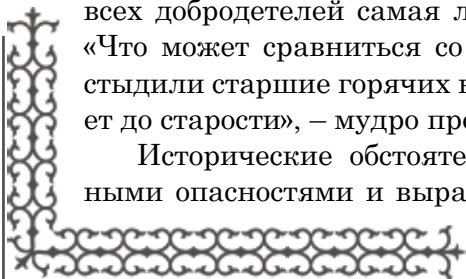
В 1751 г. в примирении враждующих кабардинских князей принимали участие русские офицеры, получившие от дворян сообщение о положении дел: «А ныне де как владельцы, так и уздени, один одново не слушают и никакого согласия между их всех нет. Не только друг друга слушать и молодым старших почитать, но сын отца, брат брата не слушают и не почитают как во владельцах, так и в узденях».

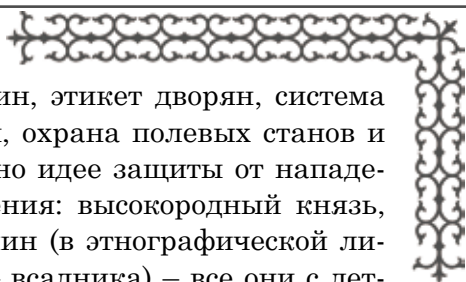
Военный образ жизни. Какая первая ассоциация возникает при упоминании этнонимов (названий племен и народов) «адыг», «черкес»? Мы представляем себе воинственных всадников, независимых и храбрых, для которых война – смысл жизни. На самом деле война стала их неизбежным занятием, потому что приходилось защищать свою землю от бесчисленных нападений. Но именно от того, что наши народы познали все бремя войны, знали цену безвозвратной утраты, могли оценить радость мирной жизни, они выработали кодекс рыцарской чести, предполагающий уважение к противнику, этикет, сдерживающий горячие нравы, и систему ценностей, ставящих мир и согласие выше войны и конфликта.

Корреспондент лондонской газеты «Таймс», автор книги «Год среди черкесов» еще в 1840 году удивлялся тому, что «в стране, где каждый мужчина вооружен, царит непривычный покой и порядок, а ссоры, стычки, кровавые столкновения крайне редки». Многие авторы прошлого, характеризуя черкесов, отмечали, что по «нраву они мягки и миролюбивы», и только желание сохранить свою независимость развило в них воинственность. Это потому, что в культуре адыгов гармония возможна там, где люди относятся с интересом и уважением к особенностям других народов, к чужому мнению, где в человеке воспитывается внутренняя культура – уважение к себе, своему роду, своей Родине, к прошлому, и понимание, что на те же чувства имеет право каждый. Теперь это все вкладывается в одно понятие «толерантность». Если же разобрать его на составляющие принципы, то рассказ наш о традициях миротворчества, народной дипломатии, обычаях примирения (кровников, враждующих сторон, обиженных и обидчиков), гостеприимстве, уважении к противнику, снисхождении к пленнику и т.д., окажется бесконечным.

Адыгов с детства приучали к сдержанности: важнейшими качествами настоящего мужчины были терпимость, хладнокровие, выдержка. «Из всех добродетелей самая лучшая – сдержанность», – учили детей. «Что может сравниться со счастьем быть сдержанным в гневе», – стыдили старшие горячих юнцов. «Умеющий сдерживать гнев доживает до старости», – мудро предупреждали аксакалы.

Исторические обстоятельства наполнили жизнь адыгов военными опасностями и выработали у них особый способ существова-

ния, когда традиции воспитания мужчин, этикет дворян, система пространственной организации селений, охрана полевых станов и станов табунщиков – все было подчинено идее защиты от нападения врагов. Независимо от происхождения: высокородный князь, трудяга-крестьянин или рыцарь-дворянин (в этнографической литературе так называют конного воина – всадника) – все они с детства учились владеть оружием, ценить идеалы свободы, вырабатывать воинские духовные качества: терпение, скромность, смелость, жертвенность. Повседневная жизнь адыгов, сопровождаемая романтикой исторических преданий, протяжным напевом героических песен, строгим этикетом в словах и поведении, была ориентирована на войну и выживание.

Кавказская война, пришедшая на последнее столетие существования независимой Черкесии, надолго закрепила это явление. Военные действия, десятилетиями продолжавшиеся на территории Кабарды и Северо-Западного Кавказа, обусловили поголовную вовлеченность адыгского населения в события войны. Здесь нет привычного нам по европейской истории разделения противников на две противостоящие друг другу по фронту армейских группировки, не было армии в привычном понимании, потому что любой мужчина мог стать воином, когда это требовали обстоятельства.

«Быть или не быть порядочным наездником, то есть героем, – писал А.Г. Кешев, – было для всякого свободного адиге равнозначно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адигское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ».

У адыгских народов были выработаны правила ведения войны, правила поединков, соблюдение которых предполагалось обеими сторонами. Недопустимым считалось даже во время войны совершать поджоги поселений, загаживание источников, вырубку лесов, убийство противника в его доме. Недопустимы были убийства детей, женщин, стариков, посягательства на жизнь и человеческое достоинство военнопленных, пытки и физические наказания, глумление над телами погибших.

Даже в условиях Кавказской войны, когда царское командование шло на истребление горских народов, адыги избегали методов, противоречащих человечности. В одной хорошей книге о действительных событиях тех лет («Громовый гул» М. Лохвицкого) есть место, прекрасно иллюстрирующее в адыгах это качество. Старый царский служака говорит с молодым офицером:

«Ко мне кунак ходит... Из немирных (так называли представителей черкесских обществ, непокорившихся русским). Придет в гости, ясно дело, подарков нанесет, предложу ему бузы или рому, он обязательно спросит: праздник у тебя? Если скажу: да, праздник, – чашу или рюмку выпьет, но больше не заставишь.

– А как же он к вам приходит, если немирный?

– Так. Приходит и все. Озермесом зовут. Я и отца его знал... Оба они песни сочиняют. Певцы у них оружия не носят, даже в бою. Другие сражаются, а эти, ясно дело песни поют, подбадривают воинов. Вы вот спросили: как же немирный приходит. Поймите, он во мне не врага, *человека* видит. Такое нам с вами трудно понять».

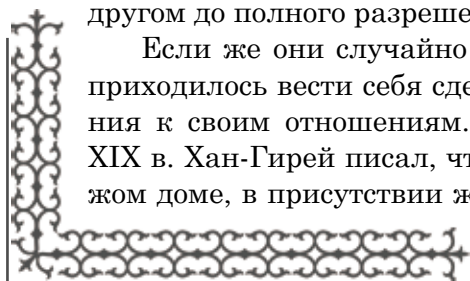
Кровная месть и способы разрешения конфликтов. В феодальной Кабарде, землях западных черкесов, как и в целом на Кавказе, существовал обычай кровной мести. За убийство близкого родственника, за покушение на честь женщины нужно было мстить обидчику. Но не все так просто. По словам большого знатока адыгского быта Л.Я. Люлье, «у горцев кровоотмщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь».

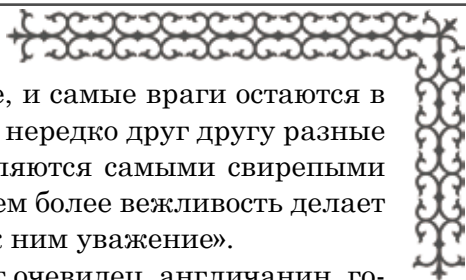
Даже в средневековом обществе существовало понимание того, что нельзя допускать взаимных убийств, поэтому были выработаны механизмы примирения кровников. Развитие кровной мести сдерживалось так называемой системой *композиций* – натуральных или денежных штрафов по нормам обычного права. Собирались представители двух семейств, двух кланов – того, который считает себя обиженным или оскорбленным и клана убийцы, каждый член которого нес ответственность за проступок сородича. Стороны вырабатывают условия примирения, состоящие в установлении «платы за кровь», и штраф выплачивается всем обществом.

Кровь разных сословий традиционно оценивалась по разному, особенно на Северо-Западном Кавказе. По подсчетам В. Гарданова, изучавшего адаты кабардинцев, «цена крови» князя колебалась от 6 до 8 тыс. быков, тогда как «цена крови» простого свободного адыга (тфокотля) составляла в XVIII веке всего лишь 160 быков...». За убийство раба платили его «рыночную стоимость». По мнению кабардинского историка В.Х. Кажарова, высокая «цена крови» князя «укрепляла и безопасность его подвластных». Согласно адату, кровная месть не могла быть обращена против вышестоящего лица.

Подобные законы дисциплинировали человека, налагая на него ответственность не только за преступление против пострадавшего, но и против всего своего рода, который будет вовлечен во все последствия преступления. Члены враждующих родов старались избегать встреч друг с другом до полного разрешения конфликта.

Если же они случайно встречались в общественных местах им приходилось вести себя сдержанно, стараясь не привлекать внимания к своим отношениям. Известный адыгский этнограф начала XIX в. Хан-Гирей писал, что в случае встречи кровных врагов в чужом доме, в присутствии женщин или на общественном сходе, «где

приличия воспрещают обнажить оружие, и самые враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости... Но затем эти враги являются самыми свирепыми там, где они могут обнажить оружие, и тем более вежливость делает им честь, и народ питает за то большое к ним уважение».

Подробно такую ситуацию описывает очевидец, англичанин, гостивший в Черкесии в 1830-х годах:

«Однажды мы направились на свадьбу. Прибыв на место, мы были встречены человеком, который предупредил нас о присутствии противника. Приняв к сведению этот намек, он извинился перед нами и задержался. А его противник из того клана, с которым шла вражда, когда ему сообщили о том, как складываются обстоятельства, тоже удалился – во-первых, из уважения к нам, а во-вторых, из почтения к княжескому званию противника».

Таким образом, люди направляли специально усилия на то, чтобы их враждебные отношения, даже очень обоснованные, не усложняли жизнь окружающим, не оскорбляли чужих чувств, не препятствовали бы чужому веселью. При этом еще нужно было проявлять уважение и к своему врагу: «если обидчик случайно встретит обиженного, то не должен первым нападать, а вправе только обороняться. В поле он должен уступать ему дорогу, в доме у постороннего тотчас уходить, когда вошел обиженный» (Ф. Торнау, 1864 г.)

Чтобы предотвратить взаимное истребление целых фамилий, было принято высылать убийцу далеко за пределы владений общины. Это было самым тяжким наказанием для адыгов. И раскаивающийся виновник убийства искал возможность для примирения. Первый кабардинский историк Шора Ногмов писал в начале XIX в.: «Виновный мог прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошастью, оружием и одеждой, доставить его с большой церемонией обратно. В этом случае мальчика называли *тле-жипкан*, т.е. «за кровь воспитанный»».

Отношения между кровными врагами выяснялись на сходах и медиаторских (посреднических) судах. Суды эти существовали вплоть до первых лет советской власти. В кабардинском селении Куба и сейчас помнят о вражде, возникшей из-за нечаянного убийства, между двумя фамилиями: Мидовых и Калмыковых. По решению медиаторского суда во избежание кровопролития им запретили ходить по одним улицам села и определили маршруты для каждого рода.

Гостеприимство и куначество как регуляторы мирных отношений. Положение кровника и простого путешественника среди горцев регулировалось еще обычаем гостеприимства, распространенным практи-

чески у всех мусульманских и христианских народов Кавказа. Гостеприимство находится в оппозиции к войне. В Адыгее популярна пословица: «Враг приходит один раз, а гость столько, сколько захочет».

«Есть три качества, – отмечал в своих наблюдениях о жизни черкесов Дж. Лонгворт, – которые в этих краях дают человеку известность – храбрость, красноречие и гостеприимство». «Гостеприимство у черкес считается первой добродетелью, и гость у них, кто бы он ни был, есть особа неприкосновенная», – сказано в сборнике адатов.

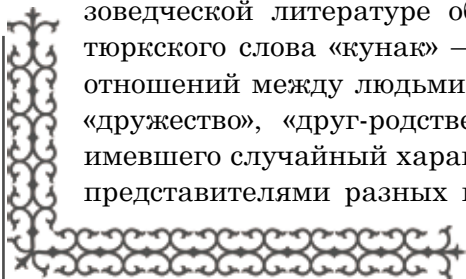
«Несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта добродетель не ослабевает и ныне. Для нас всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное. Его встречают ласково, угощают радушно, дают ему лучшее ложе, провожают с благословением и передают для безопасности друг другу на руки. Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел сберечь гостя от беды, или даже простой неприятности, того судили и наказывали». (Шора Ногмов).

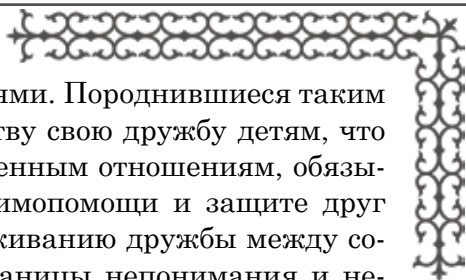
Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступника или кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин был обязан жертвовать всем, вплоть до своей жизни. Эти нормы не раз спасали жизнь горцев, оказавшихся в положении беглецов-абреков, или иностранцев-путешественников, не знакомых с местными нравами.

Хан-Гирей, автор книги «Записки о Черкесии», анализировал причины существования обычаев гостеприимства и куначества и видел в них механизмы, регулирующие мирные отношения между народами, устанавливающие дружественные связи и обеспечивавшие неприкосновенность путешественникам. Он писал:

«В народе, разделенном на различные племена должно было проявиться такое действие, которое могло бы заменить спасительные законы, ограждающие собственность жизнь каждого. Самая местность, равно как военные обстоятельства и мирные между собой сношения двух племен, двух аулов требовали того, чтобы существовала связь между двумя частными лицами, которых обоюдные выгоды рождали необходимость взаимного защищения, и эта самая безопасность гостя, которою всяк пользуется под кровом черкеса, утверждена родовыми правами, обратившими особу гостя в некую святыню».

На традициях гостеприимства основаны обычаи, которые в кавказоведческой литературе обобщенно называются *куначеством*, от тюркского слова «кунак» – гость. Адыги же обозначают эту форму отношений между людьми словом, в переводе означающим «друг», «дружество», «друг-родственник». В отличие от гостеприимства, имевшего случайный характер, куначество устанавливалось между представителями разных народов или жителями разных аулов и

поддерживалось несколькими поколениями. Породнившиеся таким образом кунаки передавали по наследству свою дружбу детям, что приближало куначество к кровнородственным отношениям, обязывавшим породнившиеся стороны к взаимопомощи и защите друг друга. Куначество способствовало налаживанию дружбы между соседями и разрушало межэтнические границы непонимания и неприятия. Из дружеских связей кунаков развивались торговое и боевое сотрудничество разных народов. Куначество противодействовало вражде во всех ее проявлениях и способствовало повышению безопасности межэтнических контактов.

Известно, что в укреплении дружественных отношений между черкесами и казаками большую роль играли гостеприимство и куначество. Последнее выступало как своеобразный обычай кавказского побратимства. Казаки гордились своей дружбой с кабардинцами и завещали ее младшему поколению. «Терские казаки, породнившись с кабардинцами, балкарцами, осетинами и другими народами, приняли их образ жизни, обычаи, нравы», — пишут историки казачества.

Примером таких отношений может быть семья известного кавказоведа Л.И. Лаврова. На заре прошлого века его отец, священник из казачьей станицы Пашковской Краснодарского края, подружился с Долчэрием, жителем адыгейского аула Тлюстенхабль, скрепив отношения с ним куначескими связями. Лавров говорил, что у каждого станичника были кунаки среди адыгейцев. Во время частых взаимных визитов друг к другу Долчэрий рассказывал об общественных традициях и семейных обычаях своего народа. «Бывало, что у нас его заставляло время очередного намаза, и я носил ему из колодца воду для ритуального омовения», — вспоминал Леонид Иванович. Примечательно, что разница вероисповедания не мешала дружбе и искренности в их отношениях.

Другим кунаком семьи Лавровых был Лыу Ташыу из аула Лакшукай, «красивый мужчина с суровым лицом, воспитатель последнего представителя феодальной фамилии Лакشوковых. В беседах с ним у русского мальчика формировалось мировоззрение человека, уже никогда не способного к войне с адыгами.

«Романтика этих рассказов, — вспоминал Лавров, — действовала на детское воображение и порождала желание ближе познакомиться с прошлым и настоящим адыгейцев, звала к путешествиям. Сначала то были пешие прогулки в соседние аулы...». Он вспоминал также, как еще в 1923 году нашел летопись станицы Пашковской, доведенной до 1878 года:

«Большое место в ней отводилось военным и мирным отношениям между казаками и черкесами. Летопись дополнила известные мне устные рассказы стариков о прошлом края».

Военные столкновения можно было проследить в планировке станицы: в XIX веке ее окружал ров с частоколом, а на южной стороне, обра-

щенной к реке Кубани, уцелели короткие улицы с изломами и тупики, служившие ловушками для прорывавшейся к станице черкесской конницы. А мирные отношения состояли в постоянном торговом обмене между черкесами и казаками:

«На станичном базаре они продавали дрова, брынзу (черкесский сыр), плетенные корзинки и циновки (чеканку). Приезжали в станицу и для торжественной встречи невесты, которую после похищения нередко прятали в городе».

Лавров выучил адыгейский язык и через всю жизнь пронес уважение и любовь к братскому народу, избрав своей профессией изучение духовной культуры, образа жизни и быта кавказских народов, внося огромный вклад в написание этнографии адыгов-черкесов.

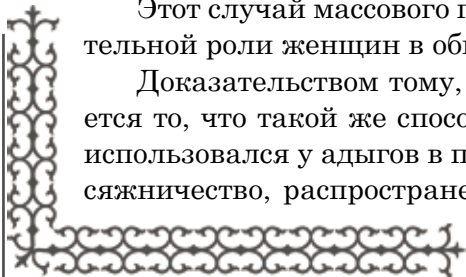
Именно таким путем – через родство, узнавание, уважение, происходило установление мирных связей между черкесами и другими народами. Это те механизмы межэтнических отношений, которые проходят через всю жизнь отдельных семей, отражаясь на судьбе целых народов.

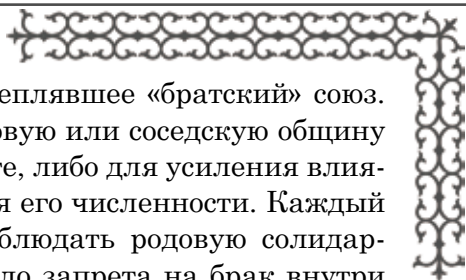
Роль женщин в процессах миротворчества. Однако не всегда описанные обычаи и различные предосторожности помогали в борьбе народных традиций против кровопролития. Тогда на смену рыцарским законам и нормам этикета вставали более сильные механизмы миротворчества. На Западном Кавказе популярно предание, многократно пересказываемое в народе.

«Между убыхами и абхазами разгорелась вражда. Взаимным набегам не было видно конца... Но в те времена были очень мудрые люди, «умевшие примирить огонь и воду», и они решили положить конец вражде. Собрались с обеих сторон и со всех краев Западного Кавказа самые уважаемые и почитаемые старцы, и вот что они решили: со стороны правого устья реки Псоу лежит обширная равнина. туда было доставлено с их согласия 500 молодых абхазок с грудными детьми и 500 убыхских матерей, также с грудными детьми. Их поставили в ряд напротив друг друга с младенцами в руках, завязали глаза и обменяли младенцев. Потом женщин с детьми сразу развезли в родные аулы. Сделано это было для того, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи, зная, что с той и с другой стороны родная кровь, перестали мстить и совершать набеги... По случаю примирения были устроены пир, джигитовка, скачки, стрельба по мишеням и другие игры...». (А. Гужба)

Этот случай массового примирения свидетельствует об исключительной роли женщин в обычаях миротворчества.

Доказательством тому, что это был не случайный эпизод, является то, что такой же способ оформления политических отношений использовался у адыгов в период развитого феодализма – это сопри-
сяжничество, распространенное как среди демократических, так и

среди аристократических племен и укреплявшее «братский» союз. Этот обычай позволял принимать в родовую или соседскую общину людей со стороны, нуждавшихся в защите, либо для усиления влияния своего «братства» за счет увеличения его численности. Каждый новый член коллектива обязывался соблюдать родовую солидарность, все традиции и правила, вплоть до запрета на брак внутри «братства», и сам в свою очередь получал права сородича и защиту клана.

Описание исполнения подобного обычая у темиргоевцев между двумя общинами, приводится В.Г. Гардановым в его книге «Общественный быт адыгских народов» и является весомым аргументом того, что женщины обладали влиянием, вплоть до его политического проявления: «...собирались жители обоих аулов, имеющих вступить в клятвенное братство, на условленном месте и становились друг против друга.

Затем выходил из числа жителей одного аула почетнейший мужчина, а из числа жителей другого почетнейшая женщина, и вторая перед лицом всех собравшихся усыновляла первого известным способом молочного усыновления взрослых (т.е. давала мужчине прикоснуться губами к своему грудному соску); при этом он говорил: “С этого дня я буду твоим сыном”. Потом почетные представители полов от аулов менялись, и повторялась та же церемония с другой парой. После этого выходило из каждой группы по несколько мужчин на середину... и клялись на Коране, что они и все однофамильцы обязуются оказывать друг другу во всем взаимную помощь».

Приведенное описание сделано темиргоевцем Амчеком Шемгоховым и относится ко второй половине XIX века. Одно из самых значимых организационных объединений адыгов оформлялось путем использования женской способности к установлению искусственных родственных связей. Так женщины участвовали в официальном оформлении политических или классовых союзов мужчин, известных под названием братств.

Женщины способны были психологически воздействовать на принятие решений близкими им мужчинами, могли влиять на происходящие события и судьбы отдельных людей, оказывая им покровительство. Это неформальное, иногда скрытое влияние могло воздействовать на внешние обстоятельства политического характера из частной, домашней сферы. Бытование на Кавказе обычаев почитания женщин стало общим местом в этнографических описаниях адыгов-черкесов:

«Черкесские женщины ... пользуются важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа; мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» (И.В. Бламберг).

П.-С. Паллас пишет: «Чужеземец, становящийся под покровительство женщины и допущенный коснуться ее груди концом своих губ, получает

защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей...»

Этнографы прошлого указывают также на особые возможности женщин приостановить кровную месть, оказывая покровительство врагу, сымитировав обряд усыновления: старшая женщина рода или семьи давала кровнику прикоснуться губами к своей груди: «Достаточно того, чтобы мужчина, которого преследуют враги, укрылся в помещении женщин, или чтобы он дотронулся до какой-нибудь женщины, как становится неприкосновенным... Никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин; их откладывают до другого случая»

Здесь уместно пересказать историю конца Кавказской войны, когда к шапсугским аулам подходили русские войска.

В ауле жила одинокая женщина Сурет. Сын его погиб в поединке за год до описываемых событий. Убийца – парень по имени Шумаф, утверждал, что убийство произошло по неосторожности в пылу защиты, но вынужден был покинуть аул, чтобы не оскорблять своим присутствием несчастную женщину. И вдруг явился прямо в дом Сурет – оборванный, обросший, исхудавший и безоружный.

Собрались люди, Сурет причитала: «Сыночек, где ты? Не осталось мужчин в нашем роду, некому отомстить твоему убийце. Видишь ли черного врага своего? Как посмел он войти сюда? Перевелись в ауле отважные...» Женщины плакали вместе с ней, мужчины мрачно стояли вдоль стены, держа руки на кинжалах. Но зашедшего в дом у адыгов не убивают, как и в присутствии женщин.

Об этом свидетельствует до сих пор бытующее у старших выражение: «Черкесский обычай не велит убивать человека в доме». Привели авторитетного старого Едиге, который обратился к Шумафу: «Говори!» И Шумаф глухо, но возвышенно заговорил – как многие горцы в минуты особых переживаний:

«Вам ведомо, что я убил. Вот грудь моя, не буду защищаться... Но в той сакле, где я родился, два воина – отец мой и я. Враг точит пашки и пули забивает в ружья. Кто тогда защитит Сурет? Где муж ее, где сын?»

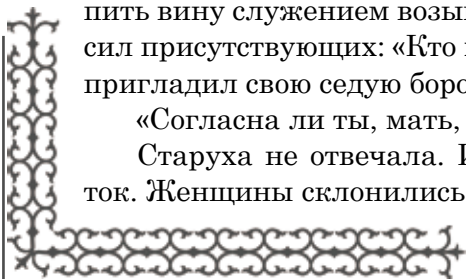
«Это ты убил моего сына, ты!» – закричала Сурет.

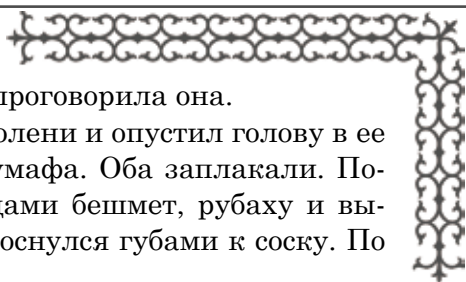
«Мать, – сказал Шумаф, обращаясь к ней, – возьми меня, и стану на пороге я, как сын твой и как воин...»

Слова, идущие от сердца, полные боли и раскаяния, готовность испить вину служением возымели свое действие, и старый Едиге спросил присутствующих: «Кто хочет мстить за кровь?» Молчание. Едиге пригладил свою седую бороду и пристально посмотрел на Сурет:

«Согласна ли ты, мать, взять Шумафа в сыновья?»

Старуха не отвечала. Искривленные пальцы ее теребили платок. Женщины склонились к ней, что-то зашептали.

«Пусть подойдет», – тихо, но внятно проговорила она.

Шумаф подошел к Сурет, встал на колени и опустил голову в ее подол. Стянув платок, она накрыла Шумафа. Оба заплакали. Потом она расстегнула дрожащими пальцами бешмет, рубаху и выпротала высохшую грудь. Шумаф прикоснулся губами к соску. По лицу его текли слезы.

«Благослови вас Аллах, – сказал Едиге. – Ты милосердна и мудра, Сурет. Ты, Шумаф, доказал нам свое мужество, будь же верным сыном для своей новой матери».

Эта история, рассказанная Михаилом Лохвицким, еще раз иллюстрирует возможности женщины – матери к прекращению кровомщения путем имитации (инсценировки) обычаев молочного усыновления для установления родства.

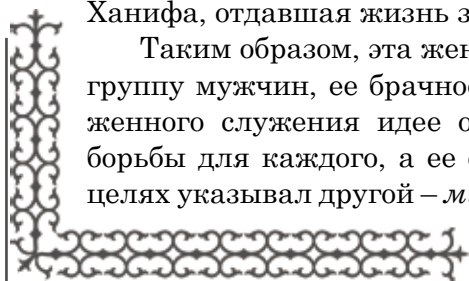
В книгах, посвященных Кавказу, в записках иностранных путешественников, наблюдавших нашу жизнь, не раз упоминается право девушки остановить ссору или кровопролитие, бросив платок между дерущимися. Этот обычай стал популярным сюжетом танцевальных композиций, и мы его не раз видели на сцене, отчего он кажется слегка потускневшим. Но я хочу привести подлинный случай из истории гражданской войны на Тереке (1918-1920 г.г.), рассказанный мне Техажевой Широю Андулаховной (1893 года рождения). В селение Коголкино (ныне сел. Урух) вошли белогвардейские части и стали расправляться с теми, кто сотрудничал с коммунистами. Брат одного из приговоренных к смерти обратился с просьбой о покровительстве к Зазе Блиевой, матери нашей рассказчицы. Он надеялся на то, что на правах хозяйки дома, где расположился военный штаб, Заза может похотатайствовать за односельчанина. Однако она не сочла возможным говорить об этом в своем доме, так как это могло быть расценено как злоупотребление обычаями гостеприимства, а выйдя в торжественном наряде на сельскую площадь перед самым исполнением казни, она молча и с достоинством уронила с головы свою белую шаль, чем остановила процесс казни. Заза Блиева понимала, что ее просьба о помиловании, высказанная в домашних условиях, может быть не исполнена. Ее же публичное обращение, исполненное в духе классических национальных традиций миротворчества, не может быть проигнорировано даже противоборствующими сторонами в военных условиях. Этот случай абсолютно повторяет то, что писал И. Бларамберг об адыгах за сто лет до того: «Если женщина с распущенными волосами без покрывала бросается в гущу сражающихся, кровопролитие прекращается, и тем скорее, если эта женщина в возрасте или из известной семьи».

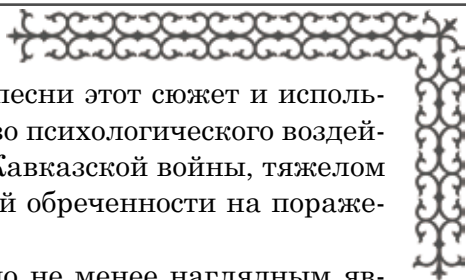
Факт другого рода, являющийся примером такого же существенного, хоть и неформального влияния, мы находим в фольклоре времен Кавказской войны. Песня, о которой пойдет речь, повествует о реальных исторических фактах и хорошо известна среди шапсугов, прикубанских

и ближневосточных адыгов. Сюжет ее состоит в следующем. В 40-50-х годах XIX века в Западной Черкесии получила большую известность Кази (Казиева) Ханифа – девушка, заслужившая авторитет умом, красотой и женственностью. Ее совета не стеснялись спрашивать пожилые мужчины и женщины. Ее руки попросил известный шапсугский военный предводитель Коджебердуко Мхамат. Предложение его Ханифа посчитала не совсем своевременным и уместным во время войны, но, не отказав прямо, поставила ему условие – в качестве выкупа за невесту отбить у русских пушку: «Калым соответствует времени» (*уасэри зэманым ещхьц*). Это условие должно было стать настоящим испытанием для жениха, выполнение которого предполагало набег на русскую крепость, серьезное сражение и занятие новых позиций. Запрошенный девушкой особый калым был выплачен в срок, и жених доказал не только серьезность своих намерений, но и мужество, и верность данному слову, связанную со смертельной опасностью – Мхамат вскоре умер от раны, полученной в бою за пушку. Самым примечательным является традиционное устное сказание, сопровождавшее эту песню. Добытая с таким трудом пушка была поднята по желанию Ханифы на заметную возвышенность, а дуло орудия, направленное в сторону русских позиций, было опущено вниз и зарыто в землю. Таким образом, мудрая девушка сначала поставила условие, имевшее целью указать на неуместность сватовства во время войны, а убедившись в способности мужчины на подвиг во имя свободы народа и любимой женщины, ознаменовала свое согласие на брак символическим жестом, говорящим об усталости от войны и о готовности адыгов к ее прекращению, и о стремлении женщин к радостям повседневной жизни, связанной с любовью, семьей, с рождением и воспитанием детей. Но сделано это было без унылой покорности, а с чувством собственного достоинства и уважения к врагу. К сожалению, миротворческие инициативы Ханифы не могли быть приняты и даже услышаны в силу несоответствия масштабам российских геополитических планов.

У этого предания есть продолжение, услышанное в Причерноморской Шапсутии и известное знатокам адыгского фольклора из Турции. Вскоре после гибели жениха Ханифа исчезла. А отряд Коджебердуко пополнился молодым, еще безусым всадником, отличавшимся отчаянной смелостью. В последних сражениях Кавказкой войны он был убит. Когда его раздели для ритуального омовения, обнаружилось, что это девушка. На груди ее висело подобие медальона, содержавшее запись на арабском языке: «Кази Ханифа, отдавшая жизнь за шапсугский народ».

Таким образом, эта женщина подвигла на военное выступление группу мужчин, ее брачное условие служило примером самоотверженного служения идее освобождения и стимулом продолжения борьбы для каждого, а ее способ использования оружия в мирных целях указывал другой – *мирный* – путь развития событий. Недаром

народный сказитель выбрал для своей песни этот сюжет и использовал образ Ханифы как сильное средство психологического воздействия на народ на завершающем этапе Кавказской войны, тяжелом для адыгов в плане осознания ими своей обреченности на поражение.

Значительно менее патетическим, но не менее наглядным является известный жителям селения Заюково отрицательный пример женской способности воздействия на большие группы людей. Археологическим подтверждением исторической достоверности случившегося служит большой могильный курган, который называется «ситовое кладбище» (*кхъузанэкхъэ*), относящийся предположительно к XVII-XVIII веку. По преданию, под этим курганом покоятся жертвы ссоры, затеянной двумя соседками из-за какого-то сита, в которую оказались вовлечены родственники и округа, и которая закончилась кровопролитием нескольких десятков человек – мужчин, вынужденных вступить за задетое самолюбие своих жен и честь своих семей. Между прочим (хотя это не относится напрямую к упомянутому скандалу), сито – (*кхъузанэ*) считалось предметом женской сферы деятельности и хорошие соседи могли позаимствовать его друг у друга в случае нужды, например, когда нужно готовить особенно много еды для торжественных случаев.

Примечательно, что именно сито, этот атрибут женской повседневной кухонной рутины, знаменитый кабардинский мудрец начала XVIII века Казанокко Жабаци использовал как символ добрососедства для политического предсказания относительно русско-кабардинских отношений: «Придет время, когда голубоглазо-курносые (имеются в виду русские) и мы сито будем заимствовать друг у друга» (*Къэсынуш апхуэдэ зман нащхуэ-пэт Инэхэмрэ дэрэ кхъузанэ зэлытхыу цыххун*). Так Казанокко Жабаци определил дружественные отношения между двумя народами, невоенный мирный характер которых, видимо, подчеркивается использованием метафоры сита как кухонной домашней утвари – женской, частной сферы жизни, обозначающей на самом деле добрососедские взаимоотношения семьи, перенесенные на политику целых народов.

Народная дипломатия. Жабаци Казанокко, упомянутый здесь – выдающийся политический деятель Кабарды, обладавший большим умом и дипломатическими способностями. Он участвовал в переговорах между Кабардой и Россией, принимал участие в выработке Сулакского соглашения между Петром I и Асланбеком Кайтукиным в 1722 году в Прикаспии. В 1731 году он посетил Петербург в составе кабардинского посольства, которое заключило договор с Россией о совместной борьбе с Крымским Ханством.

Когда-то для предотвращения грабительских набегов татарского войска на Черкессию и Кабарду был установлен порочный обычай преподно-

шения каждому вступающему на престол хану определенного количества мальчиков и девушек. Пленные девушки предназначались для гаремов восточных правителей, а также покупались состоятельными аристократами и купцами в качестве наложниц. Такой вид дани периодически выплачивался с XVI до начала XVIII века и был упразднен благодаря дипломатическим успехам известного адыгского гуманиста Казанокко Жабаги.

Его деятельность можно охарактеризовать так, как в одном из современных политологических словарей объясняется термин «миротворчество»:

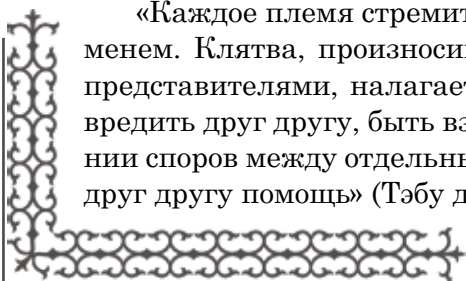
Миротворчество – это позиция, имеющая целью установление максимально бесконфликтных отношений в обществе. Во внешнеполитической деятельности, где главным действующим лицом являются не отдельные личности, а государства и страны, миротворчество предстает как ряд мирных инициатив государственных деятелей.

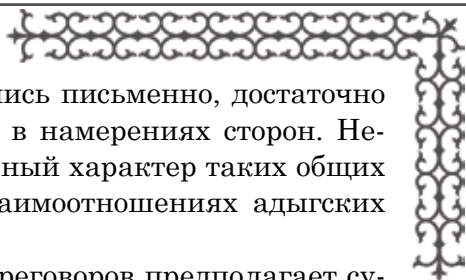
Все наиболее значимые явления в политической жизни адыгов сопровождались определенными, четко оговоренными, закрепленными в традиции формами ритуального поведения. К числу таких событий относились: заключение мира и объявление войны; разбирательство территориальных и проч. конфликтов и вообще любые судебные дела, в силу своей масштабности приобретающие политический характер; обращение с просьбой о патронате и предоставление покровительства отдельным лицам или целым феодальным кланам; отдача ребенка аталыку на воспитание и его возвращение в родительский дом; заключение феодального договора с вассалами различных рангов и др.

Вопросы, имевшие широкий общественный резонанс и касавшиеся всего аула, сельской округи, удела или княжества, решались на заседаниях представительного органа определенного уровня, прочие – в кругу только причастных к делу лиц. Все подобные мероприятия различались по сценарию и характеру произносимых речей. Так, в некоторых ритуалах важны были не только словесные клише, но и жесты – например, при просьбе о покровительстве формула «Вот моя голова, вот моя шапка» (*мыр сизъхъ, мыр синаю*) сопровождалась снятием головного убора. Широко использовалось привлечение посредников – свидетелей, поручителей, доверенных лиц.

Политические отношения между разными этническими группами адыгов и с соседними народами устанавливались в процессе переговоров и закреплялись военно-политическими союзами.

«Каждое племя стремится усилиться за счет союза с другим племенем. Клятва, произносимая по этому случаю соответствующими представителями, налагает на племена обязательство ни в чем не вредить друг другу, быть взаимно справедливыми при урегулировании споров между отдельными членами племен и во всем оказывать друг другу помощь» (Тэбу де Мариньи).

Подобные соглашения не закреплялись письменно, достаточно было клятвы и публичного объявления в намерениях сторон. Несмотря на преимущественно декларативный характер таких общих соглашений, они использовались во взаимоотношениях адыгских «племен» до начала 1860-х гг.

Развитая культура политических переговоров предполагает существование действенных средств мирного разрешения разнообразных противоречий между адыгами, объясняет высокий уровень организации совместных внешнеполитических мероприятий (посольств, военных походов и т.п.), подчеркивает дифференцированность дипломатической культуры феодальной Черкесии. Она не ограничивалась исключительно внеадыгскими политическими связями, а реализовывала значительную часть своего богатого потенциала в отношениях между адыгскими субэтнотами, являвшихся, в силу известных обстоятельств, по существу суверенными этнополитическими образованиями, ведущими самостоятельную внешнюю политику.

В первой половине XIX в. достаточно эффективной, хотя и не постоянной становится практика военно-политического содружества отдельных «племен» или «братств», которое складывалось посредством своеобразных переговоров и обменов дипломатическими миссиями. К.Ф. Сталь дает показательную характеристику договорной практики черкесов в период «исламской» консолидации 40-х гг. XIX в., когда традиционные соглашения стали определяться в терминах мусульманского права: «Если «враждующие племена желают помириться, то высылают посредников, которые заключают между враждующими сторонами маслахат, чтобы жить мирно между собою, и совокупными усилиями действовать против общего врага. Маслахат, как и всякий договор есть мера временная, и теряет важность и обязательную силу с изменением обстоятельств».

Первые адыгские просветители так описывали дипломатические церемонии воинственных, но стремящихся к справедливости адыгов:

«Переговоры с соседними племенами обыкновенно ведутся следующим образом: старшины обоих племен съезжаются в одно место и располагаются одна сторона на дальнем расстоянии от другой. Если переговаривающиеся племена неприязнены и переговоры идут о заключении мира, то перед их съездом посредничающие лица, совершенно посторонние, вступая сами в посредничество, сближают воюющие стороны. С обеих сторон назначаются по одному красноречивому мужу, которых называют пересказателями или послами, и по одному объяснителю общего дела. Эти последние, которым по знанию дел и силе красноречия поручается судьба соплеменников, ведут переговоры через пересказателей. Пересказатели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, ездят верхом) от одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому.

Таким образом продолжаются переговоры до окончания дела. Достоинственно замечания, что эти пересказатели владеют такой силой памяти, что ни одного слова не забывают, и в доказательство того главный пересказатель, возвращаясь к каждой партии, повторяет с начала и до конца все то, что ему от нее поручено было; по окончании же такого повторения спрашивает объяснителя: так ли ему было от него сказано? И получив удовлетворительный ответ, объясняет вновь им принесенный от противной стороны ответ или запрос. В продолжении этого он спрашивает своего товарища: «Не забыто ли им что-нибудь?»; тогда товарищ напоминает ему, если в самом деле забыто, что, однако ж, случается реже, чем должно бы предполагать.

За неприличие почитается, если объяснители, пересказатели или другие лица, участвующие в переговорах, горячась приходят в некоторое иступление...

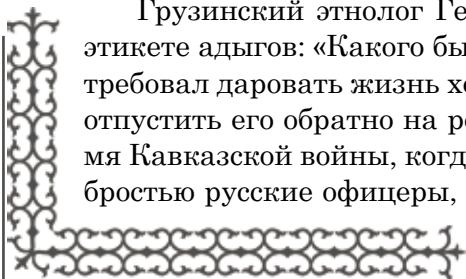
Съезды для подобных переговоров назначаются на границах владений, даже иногда в деревнях соседственных племен. Также до заключения мира бывает расставлена стража в опасных местах, дабы не подвергнуться неожиданным нападениям».

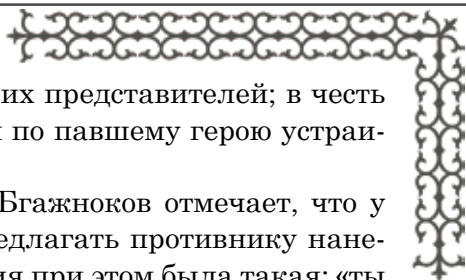
Отсюда ясно, как важны были функции переговорщиков в народной дипломатии. Это были люди, заслужившие уважение и известность в обществе своим красноречием и выдержанностью, знанием традиций и законов народа. Согласно обычаям, жизнь и личная неприкосновенность послов и парламентариев была обязательна. «Послов убивать не в обычае», — говорили черкесы.

Рыцарский этикет в культуре миротворчества. В рамках народной дипломатии во время военных походов для решения конфликтных ситуаций следовали определенному поведению, которое должно было наглядно продемонстрировать вражеской стороне намерения посла. По рыцарскому этикету, желающий начать переговоры спешил с коня, спутывал его определенным способом, после чего становился лицом к врагу. Последний должен был «прочитать» его действия и принять предложение вступить в переговоры.

В старые времена, как повествуют предания, у воюющих черкесов был такой великодушный обычай: днем воевали, а вечером предводители противников шли друг к другу в гости, устраивали пир в честь друг друга, вели переговоры, не боясь вероломства.

Грузинский этнолог Георгий Анчабадзе говорит так о военном этикете адыгов: «Какого бы ожесточения ни достигла война, обычай требовал даровать жизнь хотя бы одному человеку из стана врагов и отпустить его обратно на родину в качестве «горевестника». Во время Кавказской войны, когда гибли в бою прославившиеся своей храбростью русские офицеры, черкесские воины, проявляя уважение к

их мужеству, посылали на похороны своих представителей; в честь павших три дня сохраняли перемирие и по павшему герою устраивали у себя тризну».

А кабардинский этнограф Барасби Бгажноков отмечает, что у адыгов перед поединком полагалось предлагать противнику нанести удар первым. Типичная аргументация при этом была такая; «ты старше и потому право первого удара за тобой»; «я первый вызвался на дуэль, поэтому теперь ты начинай первым»; «ты гость в наших краях, бей первым» и т.п.

Важно отметить, что адыги – черкесы с уважением относились к телам поверженных врагов, не допускалось изувечивания уже поверженного врага. В случае, если невозможно было доставить тело родственникам погибшего, проявлением благородства было предание его земле с уважением к павшему и соблюдением положенных ритуалов.

Подобное поведение объяснялось, вероятно, ожиданием равнозначного отношения и к себе, так как черкесы никогда не оставляли на поле битвы тел своих товарищей и с риском для жизни выносили их для предания земле по всем обычаям. Когда в стычке с обеих сторон участвовали только черкесы, никогда не возникало споров по поводу возвращения тел убитых, но когда шла война с другими народами, для вывоза погибших соотечественников велись переговоры с противником, предлагались выкупы скотом и другими ценными вещами или обмен убитыми.

Частые войны научили черкесов ценить чужую жизнь, избегать ненужного кровопролития, вести честный поединок. Так, например, даже в пылу боя настоящий мужчина прекращал поединок, если его противник терял оружие или получал тяжелое ранение.

Абсолютно невозможно было поднять оружие против женщин, стариков или детей. Никакая стратегическая цель не оправдывала ведения войны против слабых и безоружных.

Мы всегда можем найти примеры благородства черкесов в русской литературе XIX века. Я имею в виду повторяющийся сюжет о «кавказском пленнике». Пушкин, Лермонтов, Толстой – все они были русскими офицерами, воевавшими на Кавказе, но сила духа кавказцев, их образ жизни, соблюдение рыцарских правил ведения войны покорили великих русских писателей, и даже их патриотические настроения не стали препятствием для того, чтобы рассказать свои правдивые истории о благородстве кавказцев по отношению к пленным. К тому, с кем ты только что дрался с оружием в руках и, одержав победу, взял в плен, привел в свой аул, ты должен проявить гостеприимство – конечно, с определенными оговорками и ограничениями. Но накормить его, укрыть от непогоды, отнестись с уважением к его человеческому достоинству обязан. Известно, что если среди пленных оказывались женщины, их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня.

Документальные доказательства неприкосновенности взятых в плен неприятелей можно найти у очевидцев прошлых веков. Так, например, сохранились свидетельства одного русского пленного, относящиеся к первой половине XIX века о пребывании в черкесском плену, где он чувствовал внимание и интерес к своей особе со стороны жителей селения и даже девушек. Он завязывал знакомства и вел долгие беседы со своими «недрузьями». Ему не препятствовали в свободе передвижений внутри селения, хотя и тщательно следили за тем, чтобы он не убежал. Нет сомнений в том, что близко узнав друг друга даже в таких обстоятельствах, вернуться к прежней вражде противникам было уже трудно. «Анонимность» бывших противников была нарушена, а стрелять в того, кого хорошо знаешь, может только человек без принципов.

Приведенные в этой статье немногие примеры примирения враждующих сторон, обычаи миротворчества, выработанные адыгами через горький опыт войн и лишений, мудрость наших предков учат нас сегодня культуре общения между народами.

Мы должны, из уважения к своей истории и традициям своих предков, научиться уважать своих ближайших соседей, проявлять терпимость в отношении странного и непривычного в облике и нравах других народов. Нужно много учиться, ездить по миру, быть открытым для знания. Мы должны танцевать танцы друг друга, знать песни далеких и близких народов, изучать языки и культуру тех, кто кажется нам непонятным и даже враждебным. Понять – значит принять.

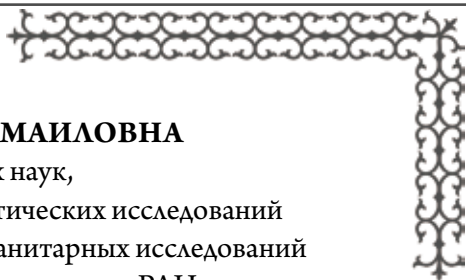
Будущее мира в руках молодых...

БАЛКАРЦЫ.
КАРЧАЕВЦЫ

АККИЕВА СВЕТЛАНА ИСМАИЛОВНА

доктор исторических наук,

заведующая отделом социально-политических исследований
Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Карачаевцы и балкарцы – автохтоны Кавказа, в основном они проживают в двух соседних республиках на Юге России – в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Диаспорально живут также в других местностях РФ, а также в республиках Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан – где они оказались в результате депортации в 40-ые годы XX века), а также в Сирии, Турции, США (в основном это потомки тех, кто во второй половине XIX века переселились в Османскую империю).

Карачаевцы и балкарцы состоят в этническом родстве и, по признанию многих ученых, являются территориально обособившимися представителями одного народа. По лингвистической классификации язык балкарцев и карачаевцев относится к кипчакско-половецкой подгруппе кипчакской группы тюркских языков. Из вымерших языков наиболее близко к карачаево-балкарскому стоит куманский и язык древних болгар, из современных – караимский, кумыкский, крымско-татарский языки.

Как известно, система моральных установок, диктующая правила поведения каждого члена социума в определенной ситуации действительности, стереотипна для представителей различных культур. Чаще всего это набор общепринятых ценностей, касающихся уважительного отношения к старшим, родителям, женщинам, понятия чести, достоинства, гостеприимства, взаимоуважения. Однако особенности и иерархия ценностей, культивируемых в том или ином обществе в значительной степени культуроспецифична. Немалую роль в формировании этнического этикета народа играют особенности хозяйственной жизни, географических условий проживания и духовных воззрений.

Тяжелые условия хозяйствования, обусловленные сложным климатом горных территорий Карачая и Балкарии, отражали необходимость общественной кооперации, стали стимулом сплочивания этих народов. Великий шелковый путь, который пролегал по территории проживания карачаевцев и балкарцев, тесные торговые отношения карачаево-балкарцев с соседними народами кабардинцами, русскими, ингушами, осетинами, сванами, абхазами, ногайцами и др. стали значимым фактором межкультурного диалога. Этот диалог культур лежит в основе широко распространенных на Кавказе институтов аталычества и куначества, подробнее о которых будет сказано ниже.

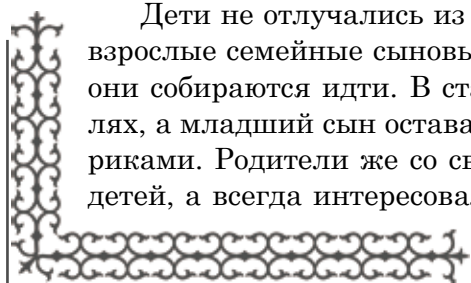
В традиционной культуре карачаевцев и балкарцев регулятивную роль между членами социума играли нормы обычного права. Ведущая роль в формировании обычного права в Балкарии и Карачае принадлежала адатам – неписанным законам, рефлектирующим правовое сознание народа, его морально-нравственные установки, этнический менталитет. Адаты регулировали практически все стороны жизни общества, они подвергались уточнениям и корректировкам соответственно меняющейся общественной обстановке и сохранили свое значение на протяжении всего процесса развития народа. Адаты регулировали и половозрастные отношения, являющиеся фундаментом стабильности любого общества.

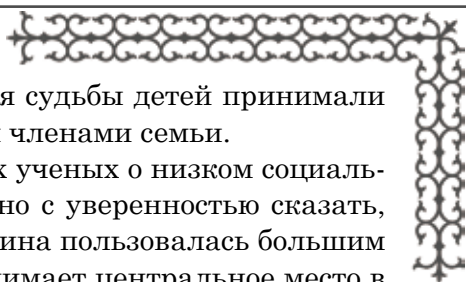
Этикетные нормы карачаево-балкарцев требуют особо почтительного и уважительного отношения младшего по возрасту к старшему. В помещении, где по какому-либо поводу собираются люди, центральное положение всегда занимает старший, а молодые располагаются на периферии. Адат предписывает особые правила и для путников. Если путников двое, то правая сторона, как более почетная, всегда уступается старшему. А если идут вместе трое мужчин то, как правило, в центре находится старший, следующий за ним по возрасту занимает место по его левую руку, а младший располагается справа, выполняя роль отсылного, т.к. в случае если его отправят за поручением, предписанное этикетом правило расположения сохраняется между старшими путниками.

Правила хорошего тона предписывают младшему во время разговора со старшими держаться на почтительном расстоянии в 100 – 120 см. Молодой человек своим видом должен показывать предельное уважение к старшему, готовность выполнить его просьбу. При этом старший всегда уверен, что к его словам обязательно прислушаются как к носителю народной мудрости и большого жизненного опыта. Народная балкарская мудрость высоко ценит советы стариков. «Тот, кто смеется над стариком, смеется над собой» (*Къартха ьоолген ке- сине юоледи*), – говорят балкарцы, подчеркивая высокий авторитет старшего поколения в воспитании молодежи.

Исключительное внимание у карачаево-балкарцев всегда уделялось воспитанию уважительного отношения к родителям. Дети никогда не перечили своим родителям, признавали их авторитет и следовали их советам. Ребенок никогда не называл родителей по именам, используя вместо них общепринятые слова «ата» или «аття» – отец и «анна» или «ання» – мать.

Дети не отлучались из дома без разрешения родителей, и даже взрослые семейные сыновья уведомляли отца или мать о том, куда они собираются идти. В старости дети всегда заботились о родителях, а младший сын оставался в отцовском доме и ухаживал за стариками. Родители же со своей стороны не оказывали давления на детей, а всегда интересовались их мнением и какие-либо решения

по тому или иному вопросу, касающегося судьбы детей принимали после обсуждения этого вопроса со всеми членами семьи.

Несмотря на утверждения некоторых ученых о низком социальном статусе женщины на Кавказе, можно с уверенностью сказать, что в традиционной горской семье женщина пользовалась большим уважением. Образ женщины-матери занимает центральное место в карачаево-балкарском народном эпосе и фольклоре, так матерью нартов считается прекрасная Сатанай. Особо бережное отношение существует к девочке (девушке). Она окружена вниманием и любовью, на ее наряды и образование не жалеют средств, ей не поручают тяжелую работу, она всегда может рассчитывать на защиту и внимание как со стороны своей семьи, так и родственников. Со своей стороны девушка своим поведением и поступками должна беречь честь и достоинство как самой себя, так и родни.

Балкарский мужчина никогда не позволял себе кричать на женщину и поднимать на неё руку, так как это считалось большим позором. Вся домашняя работа строго делилась между членами семьи, причем муж никогда не заставлял жену совершать трудную физическую работу, в её обязанности входило домашнее хозяйство. И даже когда в отсутствии мужа ей приходилось выполнять тяжелую работу, ей помогали соседи. По балкарскому этикету считалось неприличным заставлять жену ухаживать за скотиной или участвовать в заготовке сена. Провожая женщину, мужчина шел слева от неё, уступая ей почетную правую сторону, однако в том случае если жена шла с мужем, она в знак уважения к главе семьи становилась слева от него. Этот обычай сохранился и сегодня, в частности, считается правилом дурного тона со стороны жены в машине мужа садиться в соседнее с водителем кресло, тем самым, оставляя его по левую руку от себя.

В семейных отношениях взаимоуважение супругов считалось непреложной ценностью. Не принято было называть друг друга по именам, вместо них использовались обращения «алан», «э киши», «э къатын». Глава семьи в семейных вопросах первым делом советовался с женой «юй бийче», признавая тем самым её авторитет и роль в сплочении семьи. Вообще структура традиционной карачаево-балкарской семьи так же подчинялась строгой иерархии прав и обязанностей, согласно которой каждый член семьи соответственно полу и возрасту, выполнял свою роль в домашнем укладе. Развод среди карачаево-балкарцев не приветствовался, и муж мог получить право оставить жену лишь в случаях её бездетности, неверности или неизлечимой болезни.

* * *

Распространение ислама в Балкарии и Карачаев в конце 18-19 вв. также сыграло значительную роль в укреплении прежних, адатных, и установлении новых, религиозных, норм поведения. К концу 19 века мно-

гие населенные пункты имели свою мечеть, муллы в них избирались на собрании села. Мусульманское духовенство в значительной степени влияло на общественную жизнь, в их ведении находились практически все обряды, а также решение некоторых судебных споров. Наряду с исламом также сохранялись пережитки старых языческих верований, выражавшихся в почитании священных деревьев, камней, в ритуалах по задабриванию сил природы, в поклонении различным языческим божествам. В связи с этим многим этикетным нормам приписывалось магическое или религиозное обоснование, которое с годами может забываться и не приниматься в расчет, но сам этикетный запрет или предписание сохранялись и продолжали влиять на поведение людей. В качестве примера можно привести наиболее распространенные запреты, которые отчасти соблюдаются народом и по сей день. Так детей учили сидеть за столом смирно и не болтать ногами, объясняя, что раскачивание ног созывает злых духов, (позднее, с появлением ислама – шайтана), который заберет непослушного ребенка с собой.

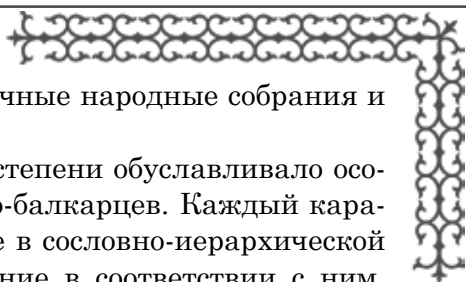
Довольно аккуратно карачаево-балкарцы относились ко всему, что касалось достатка (как в пище, так и в других ценностях). В частности не разрешалось делить кусок хлеба на двоих, вместе ухватившись за его края. Старики по этому поводу назидательно говорили: «Не гневай Всевышнего, не в голодные годы живем!». Так же нельзя было брать что-либо не ладонью, а цепляя вещь между пальцев, тем самым как бы ножницами отрезая достаток. Если с праздничного стола сосед отправлял долю, в народе называемую «*кӟоншу- лукъ*», ни в коем случае нельзя было возвращать посуду пустой. Так же было принято по соседству иногда давать молоко тем, у кого корова пока не отелилась или умерла, в этом случае не принято было мыть ведро или возвращать его пустым. Считалось, что это вымывает достаток дома. По этому поводу в народе есть установившиеся выражения-назидания: «Не смывай белое» (*Акъны тӱбюн жуума*), «Не возвращай сосуд из-под белого пустым» (*акъны тӱбюн кӟуру ийме*).

В карачаево-балкарском обществе считалось дурным тоном, как быть невоздержанным за столом и много есть, так и недоесть предложенную на тарелке еду и оставить ее часть. В последнем случае обычно говорили: «Плебей оставляет с наперсток еды на тарелке» (*кӟулдан кӟулакъ толу кьалыр*). Действительно, считалось, что представители низших сословий стеснялись съесть все угощение, и в то же время боялись обидеть хозяина отказом, а такая нерешительность не приветствовалась.

Запретом у карачаево-балкарцев считалось подшивать одежду на живом человеке, так как это сравнивали с зашиванием савана на усопшем.

Наряду с выше перечисленными факторами нормы поведения в традиционном карачаево-балкарском обществе также определялись особенностями социальных институтов, среди которых следует отме-

тить сословное деление общества, различные народные собрания и советы старейшин.

Сословное деление в значительной степени обуславливало особенности этнического этикета карачаево-балкарцев. Каждый карачаевец и балкарец знал свое положение в сословно-иерархической лестнице и корректировал свое поведение в соответствии с ним. Князю (таубию) всегда принадлежало почетное место (будь то на свадьбах) или других сборищах, и это предписание ни в коем случае не могло быть нарушено. А если князей было несколько, то почетное место принадлежало старшему или самому уважаемому (таковым мог быть не всегда самый старший).

Соответственно со своим особым правом князьям следовало так же придерживаться определенных правил поведения, предписываемых высоким общественным положением. Княжеский и дворянский этикет в балкарском обществе всегда приводились в пример как образец достоинства, храбрости, справедливости. Так выражение «по-княжески» (*бий кибик*) – применительно к человеку подчеркивало его благородство и утонченность манер.

Одним из общественных институтов, в ведении, которого находился контроль за общественными делами у балкарцев являлся сельский сход, образуемый из доверенных лиц для решения важных хозяйственных вопросов села. Решение судебных споров являлось исключительным приоритетом высшего судебного органа Карачая и Балкарии – Тёре. Его деятельность была основана на рассмотрении споров, опираясь на предписания общественных адатов и единые морально-этические ценности. Тёре рассматривал не только вопросы, связанные с кражами, оскорблением и другими преступлениями, но и территориальные споры, вопросы войны и мира, отношения с соседними народами. Вообще же слова «вор и разбойник» считались у карачаево-балкарцев большим позором, поэтому посягнувший на чужое имущество был обязан возместить его в многократном размере, а в качестве исключительной меры по решению суда мог быть изгнан из села.

Все выше перечисленные факторы и принципы, несомненно, формировали твердый стержень общественной организации народа, вокруг которого строилась вся до мелочей продуманная система этикетных норм.

Приветствие. Представляя собой, определенные нормы или правила общения, этикет любого народа признает особую значимость для процесса коммуникации ритуала приветствия, как первого шага к взаимопониманию. К примеру, в Англии и в Соединенных Штатах Америки принято при приветствии обязательно широко улыбаться, выказывая свою радость встрече. Представителей кавказской ментальности отличала сдержанность, как в разговоре, так и при встрече, без особых восклица-

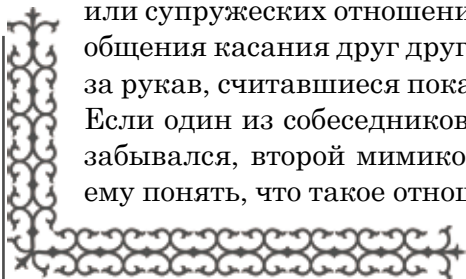
ний, высокого эмоционального тона, но при этом собеседник должен был чувствовать уважение и расположенность к себе.

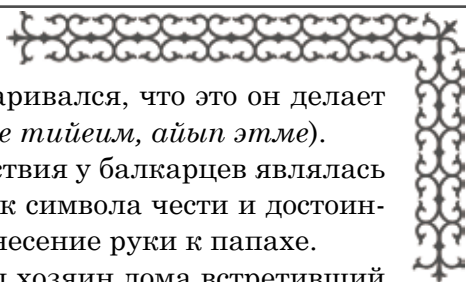
Карачаевцы и балкарцы к любого вида встречам относились с известной долей серьёзности, с соблюдением должного этикета. Издревле у карачаево-балкарцев считалось, что любой человек выходит в путь с определенными целями, планируя решение каких-то задач. Поэтому отправляющемуся в дорогу не докучали вопросами: куда и зачем он идет, не пытались без веских на то причин отговорить его от принятого решения. Традиционными словами в дорогу, какой бы короткой она не была, являлись пожелания счастливого пути и радостного возвращения «Пусть дорога будет удачной и возвращение радостным» (*Ахишы жолгъа бар- кьуанып кьут*). Всадник, прежде чем въехать в село, останавливался на его окраине для того, чтобы привести себя и свою одежду в порядок, почистить коня и поправить седло. Только после этого он, не спеша, степенно въезжал в село. Встречая на улице людей старшего возраста, он принимал левую сторону дороги, ни в коем случае не пересекал им путь и не проходил между беседующими.

Сидящие, приветствуя вошедшего или проходящего мимо, вставали, выражая ему свое уважение. Проходящий мог подойти к сидящим и поздороваться с каждым или мог сказать слова приветствия и продолжать свой путь (все зависит от степени знакомства между проходящим и сидящими, а также конкретной ситуации).

При приветствии старшего молодому человеку следовало подойти, громко и внятно сказать: «*Ассалам алейкум, тамата!*» и, если тот протянет руку, закрепить приветствие рукопожатием. При этом старшему не обязательно пожимать руку младшего по возрасту, достаточно было словесного приветствия: «*Алейкум ассалам!*». Для выражения особого уважения руку старшего принято пожимать обеими руками. После этого, как правило, спрашивались о здоровье собеседника и его семьи.

После традиционного рукопожатия младший, как правило, делал шаг назад, чтобы не стоять слишком близко к собеседнику, что считалось неприличным и нарушающим границы культурного пространства человека. По той же причине, видимо, у карачаево-балкарских мужчин не приняты были объятия, только близкие родственники после долгой разлуки могли обнять друг друга. Среди женщин объятия так же были распространены между родственницами. Объятия между мужчинами и женщинами на людях категорически исключались, даже при их очень близком родстве или супружеских отношениях. Более того, не поощрялись в процессе общения касания друг друга, похлопывания по плечу, подергивание за рукав, считавшиеся показателем вульгарности и фамильярности. Если один из собеседников во время разговора терял контроль или забывался, второй мимикой, взглядом, или тоном разговора давал ему понять, что такое отношение ему не нравится. Касаясь же рукой

собеседника балкарец обязательно оговаривался, что это он делает из уважения, благосклонности (*Игиликге тийеим, айып этме*).

Важным правилом в этикете приветствия у балкарцев являлась неприкосновенность головного убора, как символа чести и достоинства мужчины, допускалось простое поднесение руки к папахе.

Правила приличия требовали, чтобы хозяин дома встретивший у ворот путника должен был пригласить его в дом (*Кел юйге, жуукъ бол*). Тот мог принять приглашения, но чаще всего было принято вежливо отказать, при этом желая этому дому добра и процветания (*Сау бол, игиликге болайым*).

При входе в дом было принято входить с приветствием добра этому дому (*Юйге да игилик*). Хозяева дома со своей стороны желали добра входящему и приглашали его (*Келгенге да игилик. Кел, сау кел, жуукъ бол*).

Особый словарь фраз выработался у балкарцев вокруг процесса приветствия людей, занимающихся определенной работой. Так, общим для всех случаев считалось выражение «Пусть спорится ваша работа» (*Иш къолай болсун*), на что обычно принято отвечать «Спасибо, да воздаст тебе Всевышний возможность трудиться» (*Къолайлы бол, сау бол*), косарей, хлебопашцев, пастухов приветствовали словами «Да преумножится ваш урожай» (*Кён болсун*), «Пусть Аллах щедро одарит ваш труд» (*Аллах къызгъанмасын*). Уходя и прощаясь желали благополучия в работе «Пусть вам воздастся за вашу работу» (*Хайыр иш этигиз; Хайырын кёрюгюз ишигизни*), «Пусть плоды работы принесут вам радость» (*Этген ишигизден къууаныгъыз*). К путешественнику и попутчику обращались «Да будет радостным твой путь» (*Жол болсун*).

Правила обращения зависели и от времени суток. Так, встречавшиеся утром желали друг другу доброго утра (*Эртден ахишы болсу*), днем или вечером – (*Кюн (ингир – вечер, кеч- ночь) ахишы болсун*). Общим ответом являлось выражение «Спасибо, благодарю, да пусть и тебе будет во всем добро» (*Сау бол, ахишылыкъ кер*).

Человека появившегося после длительного отсутствия встречали словами «Да пусть твое появление будет как появление нового месяца» (*Жангы айлай кёрюн*). Балкарцы придавали сакральное значение появлению молодого месяца и обращались к нему с просьбой принесли радость и счастье.

При встрече людей близко знакомых между собой было принято приветствие – вопрос к одному человеку «*Къалайса*», если людей было несколько, приветствующий спрашивал всех «*Къалайсыз*», т.е. как выживаете?. Ответом была благодарность «Будь здоров, все у нас нормально» (*Сау бол, жокту хата*). При расставании было принято желать друг другу здоровья и благополучной встречи (*Сау – эсен тюбейк*).

Разрабатывавшаяся годами культура поведения при приветствии закладывает основы норм этикета, являя собой своеобразный мост для пере-

хода к конструктивным формам коммуникации и общественного взаимоотношения.

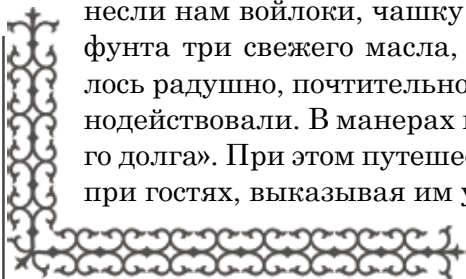
В народе говорят: «Приветствие — от Аллаха, поэтому на приветствие врага ответь приветствием» (*Салам Аллахны саламыды: жауунг эсе да, салам берсе, саламын ал*)

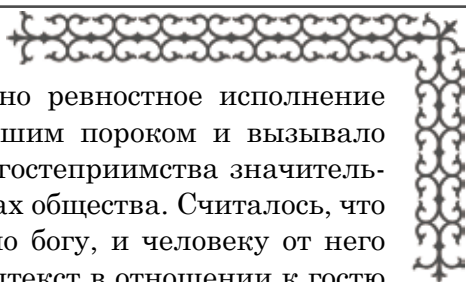
Гостеприимство. Нормы поведения в горских обществах имели настолько важное значение, что их соблюдение переросло форму обычных адатных предписаний, и членами общества рассматривалось как долг. Несоблюдение его влекло за собой общественное порицание, что для уважающего себя горца было равносильно пожизненному наказанию. Своеобразную форму морального долга на Кавказе приобрел институт гостеприимства — куначество (*кьо-накбайлык* — от слова гость), слух о котором распространился далеко за пределы страны. Многие ученые, этнографы, историки и путешественники в своих работах и записях о Северном Кавказе неизменно подчеркивали теплый прием, оказываемый им представителями всех народов, населявших эту сравнительно небольшую территорию.

В качестве примера приведем путевые записки известного географа 18-19 вв. В.Я.Тепцова «По истокам Кубани и Терека», описывающие его путешествие по Карачаю и Балкарии в 1892 г. Вот речь карачаевского узденя, записанная самим путешественником: «Мое имя Шовгай. Я горский дворянин и помещик. Мне все равно кто вы! Я чту обычаи моих отцов. Мне будет стыдно перед людьми и моей совестью, если вы минуете мой дом. Я желаю принять вас у себя как гостей; я желаю этого для того, чтобы вы потом не говорили, что в Карачае нет гостеприимства! Не гнушайтесь же мной и моей пищей, заверните в мою саклю. Я зарезу для вас лучшего быка или десяток лучших баранов».

Следующий пример исследователь приводит из воспоминаний о двух пастухах Орусбиевского общества, которым он предложил деньги за сыр и молоко. На это балкарцы, находящиеся к тому же в тот момент в трауре по поводу кончины отца, ответили: «Мы не торговцы и пищу продавать не можем, ибо чтим наши обычаи. Мы не имеем возможности достойно принять здесь гостей: у нас нет шатра, хлеба, пива. Все, что мы здесь имеем, отдаем в полное распоряжение господ, а платы не надо: Аллах нам заплатит. Мы просим только не осудить нас за худой прием».

Существенно дальнейшее описание самого Тепцова: «Пастухи принесли нам войлоки, чашку сметаны, чашку сливок, бурдюк кефиру, фунта три свежего масла, три больших круга сыра. Все предлагалось радушно, почтительно, с серьезным видом. Они как бы священнодействовали. В манерах и речи их сквозило сознание исполняемого долга». При этом путешественник пишет, что пастухи не садились при гостях, выказывая им уважение достойное стариков рода.

В Карачае и Балкарии недостаточно ревностное исполнение правил гостеприимства считалось большим пороком и вызывало всеобщее осуждение, и наоборот, слава гостеприимства значительно укрепляла авторитет человека в глазах общества. Считалось, что уважительное отношение к гостю угодно богу, и человеку от него обязательно воздастся. Религиозный подтекст в отношении к гостю отражен в поговорке «Гость – посланник бога» (*Къонакъ Аллахны келечисиди*).

В результате многовекового развития института гостеприимства, в процессе которого он постоянно подстраивался под новые условия, в обществе сложились четко разработанные правила приема гостей, их прав, обязанностей хозяев. В связи с появлением феодальных отношений и вычлениением из общества зажиточной верхушки, в домах князей и дворян для гостей стали выделять отдельные постройки, получившие название «*къонакъ юй*».

У большинства же населения под кунацкую отводилась одна из комнат, или во время приема гостей им любезно предоставлялась комната старших сыновей или дочерей. Дом для гостей обычно нарядно обставлялся, в нем старались создать все условия для отдыха и удовлетворения личных потребностей. И в наше время одна из комнат в доме является гостевой, и она всегда готова принять гостя (будь он ближним родственником или дальним незнакомцем).

В качестве гостя мог оказаться любой человек, проходящий мимо и заглянувший в дом, сосед, родственник, совершенно незнакомый человек, представитель другого народа. Гостю предоставлялись не только кров и пища, но и защита в случае, если он в ней нуждается. Человек, пришедший в дом и принятый хозяевами в качестве гостя, почитался настолько высоко, что, даже узнав о том, что он преступник и заслуживает справедливого наказания, хозяин обязан был его оградить от преследователей иногда даже ценой своей жизни. Гостеприимство предписывало даже своего врага у себя дома принять как гостя и оказать тому все полагающиеся почести.

Перед входом в дом гость отдавал все свое оружие, что служит показателем его уверенности в том, что отныне он может рассчитывать на защиту со стороны хозяина. Как правило, гостя не спрашивали кто он, откуда, куда и с какой целью направляется, так как в доме хозяина он, прежде всего, гость. По своему усмотрению гость мог представиться сразу же или через некоторое время, на протяжении которого члены семьи всячески ухаживали за ним.

При этом существовало правило трех дней, по истечении которых хозяин мог деликатно поинтересоваться планами гостя, но если тот не хотел отвечать, то настаивать не следовало. В комнате гостю уступали самое почетное место, этикет не позволял оставлять гостя одного, если он сам этого

не хочет, обычно ему прислуживал один из сыновей главы семьи или его младший брат (*атчи*).

Угощение для него готовили из лучших продуктов, и право выбора блюда оставалось за хозяином, со стороны гостя считалось неприличным отказаться от еды или потребовать чего-нибудь другого. Между гостем и хозяином устанавливалось своего рода подобие кровного родства, основой которого выступала пища, приготовленная на одном очаге. Так, выражение «В его доме меня угощали хлебом солью» (*Мен аны ююнде туз, гыржын ашагъанма*) показывало высокое почтение хозяину дома со стороны гостя.

Институт гостеприимства выработал не только обязанности хозяина дома, но и систему поведения гостя, которая диктовалась особенностями толерантности кавказского менталитета. Гость не вмешивался в семейные дела хозяина, ему нельзя было входить в некоторые помещения дома (на кухню, в женскую комнату), он не мог встать из-за стола или уехать без разрешения хозяина. Гость не должен был уходить из принявшего его дома в другой, так как этим он оскорблял его хозяина. Балкарская пословица «Гость послушнее овцы» (*Къонакъ къойдан жуаш*) характеризовала надлежащее поведение гостя.

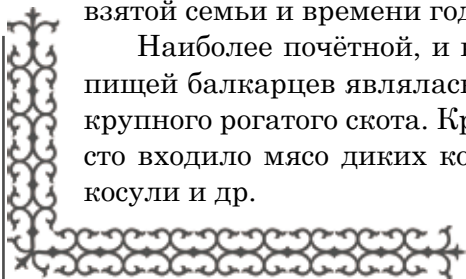
Особые правила были связаны с обычаем одаривания гостя, если последнему понравилась в доме какая-нибудь вещь, глава семьи дарил её ему. Если гость сам приходил в дом не с пустыми руками, или с хорошей вестью, хозяева одаривали его особенно щедро.

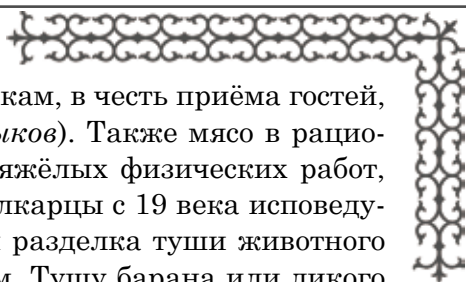
Гостеприимство в карачаево-балкарском обществе имело большое педагогическое значение, в нем на протяжении веков аккумулировалась сила воспитательного воздействия, основанная, прежде всего, на человеколюбии.

В немалой степени этикет гостеприимства укреплял дух толерантности, уважения к своей и другим культурам, а сам институт гостеприимства появился на основе добрососедских отношений представителей разных народов.

Застолья. Поскольку основным видом деятельности у карачаево-балкарцев исконно было отгонное скотоводство, нетрудно догадаться, что основу их питания составляли продукты животноводства, а затем только растительные продукты. Причём отношение мясомолочной пищи к растительной варьировало в зависимости от степени благосостояния отдельно взятой семьи и времени года.

Наиболее почётной, и в то же время широко распространённой пищей балкарцев являлась баранина. На втором месте стояло мясо крупного рогатого скота. Кроме того, в мясной рацион балкарцев часто входило мясо диких копытных животных: тура, горного козла, косули и др.

Особенно много мяса ели по праздникам, в честь приёма гостей, во время жертвоприношений (*курманлыков*). Также мясо в рационе балкарца превалировало во время тяжёлых физических работ, особенно в сезон сенокоса. Поскольку балкарцы с 19 века исповедуют исламскую религию, умерщвление и разделка туши животного проводилась по мусульманским обычаям. Тушу барана или дикого животного разделявали по суставам на отдельные части, одни из которых считались более почётными, другие – менее почётными. Все внутренности за исключением половых органов, мочевого пузыря и селезёнки употреблялись в пищу.

Каждому гостю в зависимости от его положения и возраста подавали разные куски мяса. Женщинам доставались грудинка (*ногъана*), берцовые кости (*ашыкъ илик*) и язык. Самым младшим доставались непочётные куски мяса и ножки.

Во время трапезы существовал особый ритуал поведения. Гости и приглашённые рассаживались через одного по старшинству для того, чтобы хозяева могли вовремя обслужить гостей. Женщины вообще в кунацкую не входили, их усаживали в соседней комнате.

Если во время застолья в кунацкую заходил гость издалека, кто-либо из старших и уважаемых людей, все приветствовали его вставанием; если же входил человек средних лет или близкий этому дому, сидевшие за столом слегка привставали. Пришедшего, кто бы он не был всегда приглашали к столу и угощали.

Центральным лицом стола считался тамада, который мог быть только человеком старших лет, опытный, умудрённый, знающий обычаи и традиции, умеющий красиво вести диалог и произносить речи. Специально для того, чтобы обслуживать гостей назначались обслуживающие (*шапа*), как правило это были молодые ребята.

В обязанности *шапа* подносить и относить блюда, осведомляться о пожеланиях гостей и исполнять их и выполнять все поручения тамады. На стол, по обычаю, подавали столько еды, чтобы чувствовался её избыток. Но не ломящиеся яствами столы служили показателем гостеприимства балкарцев, а прежде всего радушное и вежливое отношение к гостю, уважение к нему.

Существовал четкий порядок подачи блюд и угощений. На все торжества готовили *хычины* (тонкие пироги с начинкой), *лёкумы* (жареные в масле прямоугольные кусочки теста), *шорпа* (бульон), *шашлык*, *сохта* (колбаса из внутренностей, начиненных в кишку). Для самых почетных гостей готовили шашлык из печени, завернутый в куски нутряного жира (*жалбаур*). Главным угощением считалась туша «жертвенного» животного (чаще всего это был так называемый «карачаевский черный барашек», высоко ценимый за свои пищевые качества). Тушу жертвенного барана делили по суставам и отваривали. К голове жертвенного жи-

вотного было особое отношение и ее подавали тамаде, а щеку – старшей женщине.

Так как начинать трапезу должны были старшие, у карачаево-балкарцев бытует еще один традиционный обряд (*тигим*), суть которого сводилась к тому, что тамада за столом раздавал сидящим рядом с ним по куску мяса. Раздача *тигима* начиналось с головы. Прежде чем приступить к этому он желал глубокого ума, крепкого здоровья, большого потомства, именитости, прославления своего народа, уважения других народов. Затем он вырезал ножом ухо и отдавал его обслуживающему этот стол молодому человеку с пожеланиями, чтобы он всегда был начеку, чтобы услышать, что ему скажут старшие.

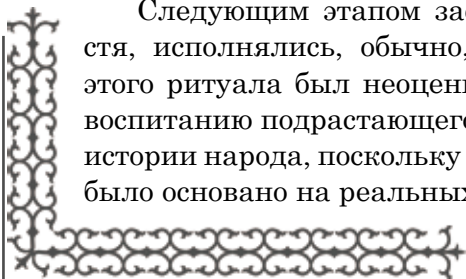
Затем с разными пожеланиями он отрезал куски от головы и раздавал сидящим за столом. Тем кому достались глаза, тамада желал, чтобы глаза его были зоркими, кому достались губы, чтобы его губы говорили только хорошие слова и т.д. Смысл обряда восходит к тому, что старший заботится о том, чтобы всевышний не лишил их изобилия. Принимали «*тигим*» в правую руку с благодарностью (*сау бол*).

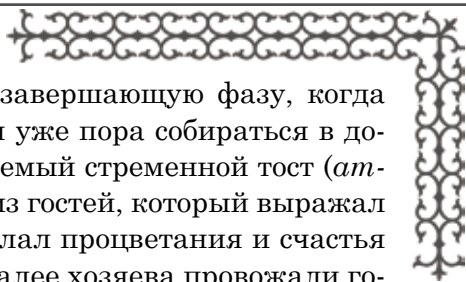
Затем тамада произносил первый тост и, выпив из чаши, передавал её по кругу для того, чтобы остальные тоже испили из неё. После чего приступали непосредственно к трапезе, при этом первым начинал есть гость, а при наличии нескольких гостей – старший из них, и далее по возрасту. Каждый мог есть всё, что захочет, но считалось правилом дурного тона выбирать кусок получше. Обычно старшие брали кусок мяса и, отрезав от него, передавали этот кусок (*тигим*) младшим. За столом преимущество по обычаю отдавалось правой руке: правой рукой брали пищу, правой рукой её резали, подносили ко рту и т.д. Считалось также неприличным оставить тронутый кусок недоеденным.

Во время трапезы неприличным считалось смотреть по сторонам, оживлённо разговаривать, чавкать и говорить с набитым ртом. Поведение человека за столом определяло его сущность. Людей, не умеющих вести себя за столом, не сдержанных в еде или быстро пьянеющих не удостоивали уважения.

Большая роль у карачаево-балкарцев отводилась гаданию на бараньей лопатке. Гадали обычно по правой лопатке. В старину старшее поколение в совершенстве владело навыками предсказания на бараньей лопатке, и довольно часто они сбывались. После гадания лопатку, как правило, выбрасывали, предварительно сделав на её широкой части надрез.

Следующим этапом застолья являлось песнопение в честь гостя, исполнялись, обычно, героические хвалебные песни. Смысл этого ритуала был неоценим, так как он способствовал духовному воспитанию подрастающего поколения, доведения до них фактов из истории народа, поскольку основное большинство героических песен было основано на реальных событиях прошлого.

После этого застолье переходило в завершающую фазу, когда старший из гостей говорил о том, что им уже пора собираться в дорогу. Конец застолья венчал так называемый стременной тост (*атланган аякь*), произносимый старшим из гостей, который выражал признательность хозяйке этого дома, желал процветания и счастья семейству и передавал чашу по кругу. Далее хозяева провожали гостей.

Воинская этика. Межэтнические и локальные конфликты являются неизбежной составляющей жизни любого народа. Вплоть до установления на Кавказе российской власти карачаевцы и балкарцы, как и другие народы, периодически страдали от различных вооруженных нападений и столкновений. Так после прихода на Кавказ в конце 14 в. огромного войска Тамерлана карачаево-балкарцы были вынуждены уйти с равнинных территорий глубоко в горы, в места их современного расселения. Для самосохранения требовались умения не только приспособиться к тяжелым географическим и климатическим условиям высокогорий, но и особая военная подготовка, постоянная готовность отразить любое нападение, сохранить народ, его экономическую и политическую независимость. Непроходимость горных ущелий, частые случаи обвалов и камнепадов, отсутствие нормальных конных троп, по которым люди не знакомые с местностью могли бы верхом добраться до селений, являлись естественными преградами для врагов. В целях защиты и оповещения о приближающемся неприятеле балкарцы строили развитые оборонительные системы, включавшие в себя кратчайшие пути сообщения, оборонительные и дозорные башни, многие из которых сохранились в балкарских ущельях и по сей день (*Усхур-кала, крепость Зылгы, Гоша-ях-кала и др.*).

Обучение мальчиков военному мастерству, стрельбе из лука и огнестрельного оружия, искусству владения кинжалом, привитие навыков верховой езды занимали в карачаево-балкарской народной педагогике центральное место, поскольку юноша был обязан ценить свою честь и честь своего народа и в любое время суметь постоять за неё. Немаловажное значение в воспитании мальчиков имели игры, имитирующие борьбу или массовые военные схватки, в которых формировались азы воинской удали. Для совершенствования военных навыков молодежи существовали специальные лагеря по подготовке воинов (*басиат-кош*). Они имели не только внутриобщественное значение, но и пользовались популярностью и у соседних дружественных народов (карачаевцев, кабардинцев и др.), отправлявших в балкарские коши своих юношей для овладения военным искусством.

Под военным искусством у карачаево-балкарцев понималось не только наездничество, умение вести бой, пользуясь различными видами оружия, но и определенный этикет воина, кодекс джигита. В систему норм

поведения и черт характера, регламентируемых и устанавливаемых этим кодексом, непременно входили: храбрость, стойкость в бою, способность переносить самые тяжелые условия, красноречие, уважительное отношение к старшим и к женщинам, соблюдение правил справедливого поединка. Крайней степенью неприличного поведения для воина считалось хвастовство. Уже в те времена у карачаево-балкарцев существовало некое подобие воинской присяги, проходившей в виде клятвы в верности родине, своему народу, его обычаям и правилам воинского этикета. Кодекс чести предписывал воину быть мужественным и хранить клятву. В народе по этому поводу говорили: «Отдай врагу жизнь, но не выдавай тайну» (*Жаугъа жанынгы берсенг да, сырынгы берме*).

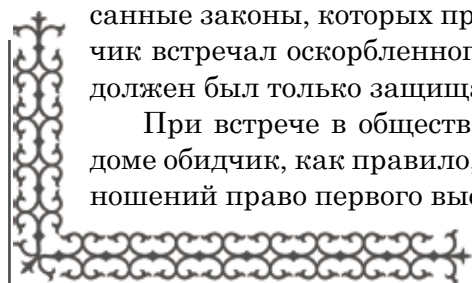
Карачаевцы и балкарцы старались не затевать войну первыми, а любого рода конфликты пробовали решать мирным путем. Таким образом, военное столкновение было крайней мерой, к которой прибегали в случае неудачи попыток установления мира. Такая военная политика отражена и пословицах, например: «Не бей в спину отступающего врага, а наступающего не жалея» (*Жау кетсе, кылыч сермеме, айланып чабса, жашау берме*).

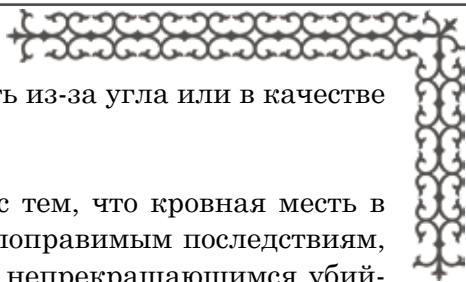
Конфликты возникали и в самом обществе, и причинами их обусловившими, как правило, выступали оскорбления чести и достоинства человека или его рода, редкие, но все же встречающиеся случаи совершения преступлений, насилие, увечье или убийство. Довольно часто вражда разгоралась на почве присвоения чужого имущества, поджогов, разбоев, угона скота, оскорбления родителей. Зачастую неприязненные отношения, возникшие по вышеперечисленным причинам, перерастали в кровную вражду, которая подразумевала месть за нанесенное оскорбление. Формы мести были разными, но в основном руководствовались принципом «око за око, зуб за зуб».

В целях сохранения внутреннего единства народа форма возмещения кровной мести через убийство не распространялась на представителей самого племени, мстили, как правило, чужеродцу. Мечь не имела срока давности и зачастую переходила от отца к сыну, от поколения к поколению.

Мечь в первую очередь распространялась на убийцу, родственник убитого, который был обязан отомстить за смерть близкого, как правило, отказывался принимать участие в общественной жизни народа пока не выполнит свой долг кровомщения. При этом так же существовали неписанные законы, которых придерживались кровники. Так, если обидчик встречал оскорбленного, он не имел права первым нападать, а должен был только защищаться.

При встрече в общественных местах или за столом в чьем либо доме обидчик, как правило, покидал помещение. При выяснении отношений право первого выстрела предоставлялось обиженному. По-

зорно было одному из кровников стрелять из-за угла или в качестве орудия мести использовать палку.

Механизм примирения. В связи с тем, что кровная месть в XV – XVIII веках стала приводить к непоправимым последствиям, к уничтожению целых семей и родов, к непрекращающимся убийствам, вносящим в народ раздор и хаос, сельские сходы разработали целую систему примирения кровников, предусматривающую альтернативные убийству методы уплаты долга.

Так в Карачае и Балкарии и у многих других народов Северного Кавказа стал все более широко применяться механизм примирения. В большинстве случаев родственники преступника стали договариваться с потерпевшей стороной о примирении. При этом подразумевалась плата за совершенное деяние, которую должна была получить семья обиженного. Размер платы у разных народов варьировал, у балкарцев он был намного выше, чем у соседних народов.

Цена за кровь устанавливалась сельскими судами, образованными из равного количества доверенных лиц с обеих сторон (не являющихся родственниками тяжущихся). После принятия ислама все присутствующие на суде давали клятву на Коране, что беспрекословно будут следовать решению суда.

В целях окончательного примирения сторон семье убийцы могли передать сына убитого на воспитание, но такая традиция встречалась довольно редко. Иногда человек, совершивший преступление, тайком уводил ребенка из семьи потерпевшего и воспитывал его на правах аталычества, а поскольку данный общественный институт высоко почитался в Балкарии как одна из форм искусственного родства, такая практика вела к неизбежному примирению сторон.

По прошествии определенного времени ребенка возвращали родителям с подарками и соответствующими случая почестями. Неоценимую роль в вопросах установления мира играл выше уже упоминавшийся Тёре. Являясь единым народным судебно-правовым органом, он обладал значительным авторитетом во многих вопросах.

В ведение заседателей Тёре входило рассмотрение имущественных, уголовных и других видов жалоб населения и вынесение по ним справедливых решений, основанных на нормах обычного права (*may adet*). На заре своего развития Тёре, бывало, принимал необоснованно жестокие решения вплоть до истребления целых родов, не принимавших в расчет решений Тёре. Так был частично истреблен влиятельный род Жабоевых, полностью уничтожили представителей рода Рачкауовых. Данный акт массовой казни применялся в целях устранения всех возможных мстителей за убийство родственника и в какой-то степени для укрепления авторитета самого Тёре.

Однако в дальнейшем такая радикальная политика была искоренена и Тёре, напротив, старался изжить из общества порочную традицию самосуда, который не рассматривал преступления с точки зрения наличия в нём злого умысла. Так в народе укоренилась уверенность в мирном и справедливом приговоре Тёре, что ярко отразилось в народном языке: «Там где тёре принимает решение кровопролития не будет» (*Тёре кесген жерде кьан чыкьмаз*). Этот орган в народе стал олицетворять земную справедливость, о чем свидетельствует другая пословица: «Если на земле закончилась справедливость, то не исчез же Тёре в Балкарии» (*Дуньяда тюзлюк кьурагъан эссе – Малкьарда Терета мы кьуругъанды*), в значении, что в этом Тёре можно найти правду и восстановить справедливость.

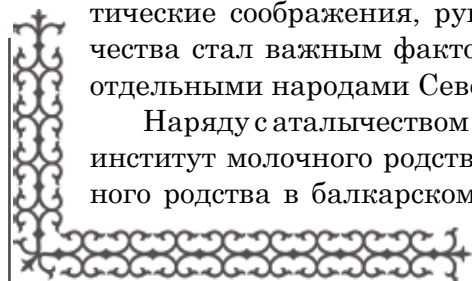
Среди веками складывавшихся морально-этических качеств балкарцев наиболее ценным считалось «спокойствие, хладнокровие, сдержанность» (*сабырлыкъ*), приверженность трезвому образу мысли, которые играли несомненно важную роль и в межличностных и межэтнических отношениях и способствовало трезвому принятию решений

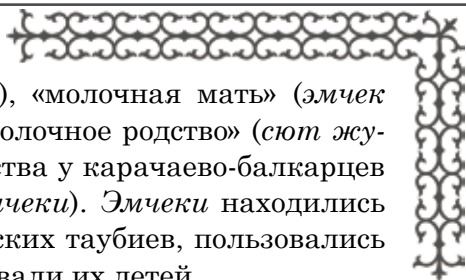
Аталычество. В общественной жизни карачаево-балкарского народа важное место занимал институт аталычества (производное от тюркского слова «аталыкъ» — отцовство), суть которого заключалась в том, что ребёнка отдавали в семью воспитателя (аталыка), который абсолютно бескорыстно кормил, одевал и занимался воспитанием вверенного ему чада. Мальчик находился на воспитании до совершеннолетия, а девочка — до замужества. Уже к 6 годам мальчика обучали верховой езде, стрельбе, вырабатывали ловкость, неприхотливость, стойкость к трудностям, терпеливость, одним словом, качества, которыми должен обладать хороший воин. Девочек же учили умению вести домашнее хозяйство, рукоделию, нормам горского этикета.

Неудивительно, что, в конце концов, ребёнок больше привязывался к аталыку, а не к своим биологическим родителям. В силу этого, братскими узами оказывались связаны не только семьи аталыка и его воспитанника, но и фамилии, рода и даже целые народы.

Несомненно, важной целью института аталычества было воспитание ребёнка в более жёстких условиях, посредством чего вырабатывалась твёрдость его характера (особенно это касалось детей высших сословий). Однако нетрудно заметить, что немаловажную роль здесь играли и политические соображения, руководствуясь которыми институт аталычества стал важным фактором установления тесных связей между отдельными народами Северного Кавказа.

Наряду с аталычеством важное значение у балкарцев имел также институт молочного родства. Для описания отношений искусственного родства в балкарском языке существует определённый пласт

терминов: «молочная мать» (*сют анна*), «молочная мать» (*эмчек анна*), «молочный сын» (*эмчек улан*), «молочное родство» (*сют жу-укълукъ*) и т.п. Институт молочного родства у карачаево-балкарцев породил особое социальное сословие (*эмчеки*). *Эмчеки* находились под патронатом карачаевских и балкарских таубиев, пользовались их покровительством и нередко воспитывали их детей.

Корни института молочного родства уходят вглубь истории карачаево-балкарского народа, о чем свидетельствует нартский эпос, где приводится сказание о нартском герое по имени Алаутан, который избежал смерти от рук чудовищной женщины «эмеген», став её молочным сыном. Нетрудно заметить тесную связь между институтом молочного родства и аталычеством.

Важная роль отводится этнографами аталычеству в становлении и укреплении межэтнических связей народов Кавказа. Аталыки, а вместе с ними и молочные родственники, считались очень близкими родственниками. Именно аталычество и молочное родство способствовало значительному упрочению межэтнических взаимоотношений между народами Кавказа. Особенно эти отношения были крепки между феодальными фамилиями. Так, аталычеством были связаны карачаевские князья Крымшамхаловы и балкарские таубии Урусбиевы. Известно также, что многие жители Баксанского ущелья состояли в аталыческом родстве с родом Урусбиевых.

Суть аталычества таким образом состояла в установлении искусственного родства и особенно прижилось оно в элитарной среде. Механизм аталычества осуществлялся через молочное родство, поскольку жена аталыка или его близкая родственница, как правило, становились кормилицей воспитанника.

Порой по причине того, что отец ребёнка отдаваемого на воспитание в ряде случаев стоял выше на феодальной лестнице нежели аталык, то выступало и как институт взаимной выгоды: «ты – мне, я – тебе». С этим связан тот факт, что нередко претенденты боролись между собой за право воспитывать ребёнка.

Аталычество, также являясь одним из механизмов прекращения кровной вражды, в немалой степени способствовал сплочиванию народа, недопущению самосуда и соблюдению чистоты морального облика горца, укреплял и межэтнические отношения между народами Северного Кавказа.

Еще в начале 20-го столетия аталычество у карачаево-балкарцев ещё практиковалось, однако оно не носило такого массового характера и встречалось эпизодически, а в дальнейшем этот институт и вовсе изжил себя.

Куначество. На основе морально-этических норм гостеприимства развивался у карачаево-балкарцев и институт куначества. Название это, принятое в литературе, происходит от слова карачаево-балкарского «къо-

накъ» – гость. Куначество представляло собой установление искусственной формы родства между представителями разных родов, племен и народов и подразумевало отношения взаимовыручки и взаимопомощи. Как и гостеприимство, оно зародилось еще при первобытнообщинном строе и сохранилось по сей день.

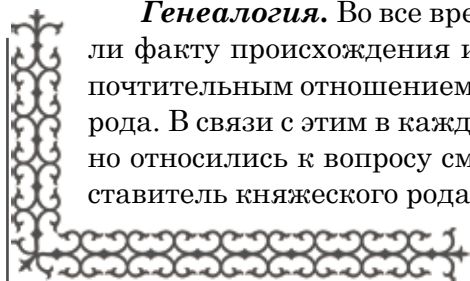
Гость, посетивший то или иное селение, обязательно встречал человека, который приглашал его к себе в дом быть гостем. В следующий свой приезд в это село этот гость обязан был зайти в дом этого человека, при этом они официально становились кунаками.

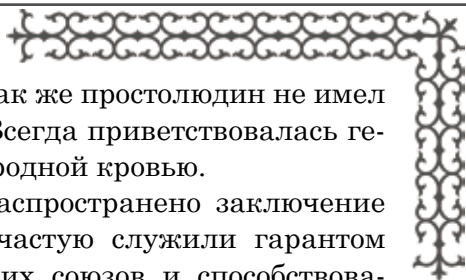
Для полного установления куначества следовало провести специальный обряд братания. Он заключался в том, что договаривающиеся брали чашу с бузой и поочередно пили из нее, произнося клятву верности своему кунаку. Позже, с установлением мусульманства, клятву произносили, положив руку на Коран. С этого момента кунаки формально считались кровными родственниками.

Кунаки всегда принимали друг друга у себя, обеспечив необходимые условия и защиту. В условиях феодального строя князя, пользуясь преимуществами гостеприимства и куначества, вступали в союзные и дружеские отношения с представителями других более могущественных родов и племен, с целью эффективной борьбы с противником, для примирения кровниками, для улаживания спорных вопросов, для ведения успешной торговли с представителями других народов, заручившись поддержкой своего побратима. С развитием внешнеторговых отношений куначество стало выполнять еще более широкие функции. Эффективным и часто используемым способом обеспечения безопасности купцов во время их переездов из одного аула в другой являлся наем провожатого-кунака, который отвечал в дороге за своего наемщика, а зачастую отдавал свою жизнь за него.

Несмотря на то, что с течением времени куначество, в основе которого лежали отношения побратимства, значительно изменило свою первоначальную форму, этот обычай сыграл положительную роль в развитии балкарского этнического этикета, способствовал установлению связей между народами, кросскультурному обмену. В настоящее время этот институт также продолжает играть важную роль в укреплении межэтнических отношений балкарцев и карачаевцев с другими народами и, хотя он, в определенной мере, изменился, но сохранил свое содержание.

Генеалогия. Во все времена на Кавказе особое внимание уделяли факту происхождения и родства, это, по-видимому, объясняется почтительным отношением к старшему поколению как к создателям рода. В связи с этим в каждом горском обществе довольно щепетильно относились к вопросу смешения крови. Так в средние века представитель княжеского рода в Балкарии или Карачае не мог женить-

ся на девушке более низкого сословия. Так же простолюдин не имел права заключать брак с дочкой князя. Всегда приветствовалась генеалогия рода, не запятнанная неблагородной кровью.

В княжеской среде было широко распространено заключение межнациональных браков, которые зачастую служили гарантом добрососедских отношений, политических союзов и способствовали развитию торговли и экономики. Поэтому карачаевские и балкарские князья довольно часто отдавали своих дочерей за князей из соседних народов. Так известны брачно-родственные контакты карачаевцев и балкарцев с ингушами. Высшие сословия Балкарии и Дигории считаются генетическими родственниками. Браки между княжескими сословиями осетин и балкарцев были обычным явлением. Так, к примеру, представитель Тагаурии Газа Султанадович Шанаев женился на балкарской княжне Темиркановой. Балкарки, попадая в среду осетин, сохраняли свой язык, культуру, национальный костюм, и дети от таких браков служили ярким примером взаимовлияния культур.

У карачаевцев и балкарцев многие фамилии имеют общее происхождение с соседними народами. Так, есть общие фамилии у балкарцев и ингушей: Аккиевы, Мизиевы, Тамбиевы, Гадиевы, Гардановы и другие. Балкарские фамилии Чочаевых, Черяевых, Мизиевых, Созаевых связаны и с Осетией, а старожилы Созаевы помнят свое родство. Заручаясь родственными связями, некоторые балкарские князья в трудные времена переезжали в соседние земли. Такая практика родственных отношений объясняет существование параллельных генеалогических ветвей одной и той же фамилии у соседних народов. В 19 веке наиболее широкое распространение получили кровнородственные отношения между кабардинцами и балкаро-карачаевцами. Во времена Кавказской войны карачаевцы и балкарцы давали приют у себя многим кабардинским родам, вынужденным покинуть свои дома из-за жестокой колониальной политики царизма. Так, например, известно, что в 1822 году кабардинский дворянин Аслан Жерештиев переехал со своей семьей к родственникам жены в Карачай, став тем самым, родоначальником карачаевской ветви этой фамилии.

Генеалогические переходы в пределах соседствующих народов могли возникать не только в связи с приобретением взаимного родства, что, безусловно, являлось высшим проявлением народной толерантности, терпимости к языку и культуре другого племени. Обычные торговые и хозяйственные связи обуславливали зачастую тесный межкультурный контакт, результатом которого могло стать смешение родов или их дублирование в разных культурах.

Как известно, на Кавказе, отличающемся большим разнообразием природно-климатических и географических зон, у народов складывались неравные хозяйственные и ремесленные предпочтения, что способствовало развитию торговли. Так, в частности Балкария имела торговые отно-

шения с Грузией, Карачаем, Ингушетией, Осетией, Кабардой, выменивая у них продукты животноводства на хлеб, оружие, домашнюю утварь и другие товары. Существовал и другой способ кросскультурного взаимодействия, получивший название отходничество. Суть его заключалась в том, что некоторые ремесленники нанимались на работу к представителям соседних народов за определенную плату. Так, известно, что некоторые кабардинские кузнецы приглашались балкарцами за сезонную оплату на несколько лет. В частности, у кабардинского народа существует несколько версий происхождения довольно крупной кабардинской фамилии Кушховых. Одни считают, что род основал балкарец, приехавший из Балкарии на временную работу и оставшийся в Кабарде, по другой версии отходник, вернувшийся после трех лет работы из Балкарии, получил в народе имя Къушхэ, что в переводе означает житель гор.

Развитие миграционных процессов на Северном Кавказе привело к смене этнической идентичности, при сохранении фамилии. Такие переходы есть среди всех этнических групп, но наиболее интенсивно такой переход произошел из среды карачаево-балкарцев в кабардинскую. Часть представителей тех балкарских и карачаевских родов, которые сохранив (в ряде случаев произошло незначительное видоизменение написания фамилии) фамилию сменили этническую идентичность, в народе называют «таулу черкес». В последние десятилетия в связи с широким распространением фамильных сборов, стали укрепляться отношения между представителями таких родов. На такие фамильные сборы собираются представители многих народов Кавказа, так как эти этнические перемещения были обычным явлением для северокавказского социума.

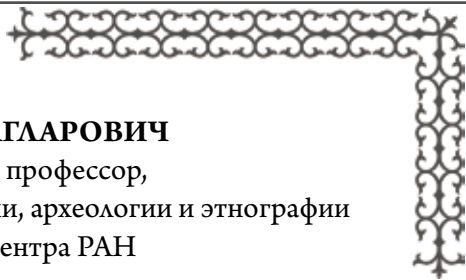
Наряду с этнической аккультуризацией, широкое развитие имели межэтнические браки, условия для их широкого распространения возросло с развитием транспорта, миграционными процессами. Они значительно скрепляли межкультурные связи, прививали дух толерантного отношения к представителям чужих культур и религий, способствовали улучшению генетического фонда народов, способствовали быстрому улаживанию возникавших между народами конфликтных ситуаций, развивали торговые связи.

ДАГЕСТАНЦЫ

АГЛАРОВ МАМАЙХАН АГЛАРОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
с.н.с. отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН

Республика Дагестан расположена на Западном берегу Каспийского моря на северно-восточных склонах Большого Кавказа и Приморской низменности. Территория, 50,3 тыс. кв.км, население свыше 2,6 млн. человек. Столица г. Махачкала. Республика граничит на юге с Азербайджаном, на юго-западе с Грузией, на западе с Чечней и на северо-западе со Ставропольским краем и Калмыкией.

Горную часть образует основной хребет Большого Кавказа (максимальная высота 4456 м.), его отроги (система Богос, хребты Нукатль, Шалиб, Шунудаг, Самурский, Дюльтыдаг и др.). Суровый, стремительно поднимающийся ввысь и малонаселенный Главный Кавказский хребет на его восточной оконечности как бы «отодвинут» названными хребтами, их отрогами и горными поднятиями на сотни километров вглубь на юго-запад. Вследствие сложилась отдельная ландшафтная ситуация в виде обширного гористого пространства, заключенного между Предгорьями и Главным Кавказским хребтом, получившего в географической литературе название «Внутригорный Дагестан».

Так, несколько специфически сложившаяся ландшафтная ситуация Дагестана оказалась значительной и, в отдельных случаях, решающей в расселении народов, формировании их культур и становлении дагестанской модели кавказской цивилизации. Именно благодаря указанной особенности ландшафта обозревателям казалось, что Дагестан – это некая крепость или капкан, где скрылись и сохранились обломки некогда великих народов и цивилизаций.

До 1930-х годов большая часть населения жила в горах. Ситуация изменилась в связи с развитием городов и промышленности, размещенной в плановом порядке на плоскости. 1950-60-х годах ускорился процесс оттока населения с гор на равнину.

Древние авторы Дагестан называли «горой языков». Помимо местных (кавказских) языков (их около 30), здесь крупными анклавами представлены и народы говорящие на языках относящихся к индоевропейской, (русские, таты, горские евреи, белорусы, украинцы и др.). Наиболее крупными по численности являются аварцы, даргинцы, кумыки, лаки (цы), лезгины, евреи (в том числе таты), ногайцы, русские и другие.

Согласно данным физической антропологии дагестанцы относятся к ветви кавкасион большой кавказской (европеоидной) расы. В современ-

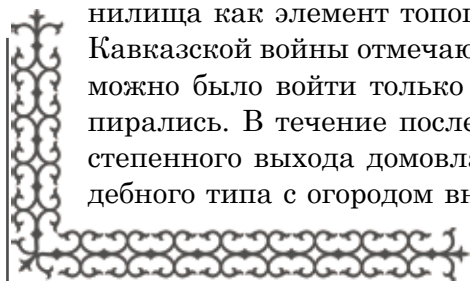
ном Южном Дагестане представлен другой, каспийский тип, отличающийся от кавказиони.

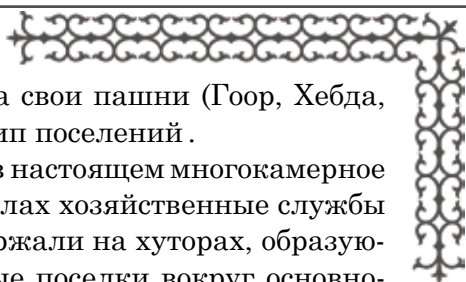
Малочисленные народности, относящиеся к аваро-андо-дидойской подгруппе, разделяются на андийскую подгруппу (андийцы, ахвахцы, ботлихцы, богулалы годоберинцы, каратины, тиндалы, чамалалы), и цезскую подгруппу (бежтины, (капучины), цезы, гинухцы, гунзебцы, хваршины, отдельно – арчинцы). Они большей частью занимают высокогорье. В Южном Дагестане проживают агулы, рутулы, цахуры, относящиеся к лезгинской языковой подгруппе. Численность этнических групп колеблется от 40 тысяч (самой крупной из них – андийцев) до самого малочисленного этноязыкового образования из 500 человек – гинухцев. Этнические названия этих народностей происходят, в основном, от названий их главных сел.

Дагестан является одним из мировых очагов древней культуры. В Дагестане существуют многочисленные ремесленные центры. Одно их перечисление заняло бы много места, но наиболее известные из них следующие: изготовлением ювелирных изделий, металлообработкой и изготовлением оружия занимаются традиционно в Кубачах, Амузги, Харбуке, Казикумухе, Гоцатле, Согратле, Гамсутле, Куяде, Казанище, Унцукуле; выделкой сукна занимались в Акушах и Карате, изготовлением бурок – в Анди. Производство ковров, сумахов и паласов было распространено в Табасаране и лезгинских землях – Кабире, Ахтах, Микрахе, а также Дербенте, где развивались, кроме того, первичная обработка шелкового сырья и другие ремесла

Поселения. Дагестанские горные террасообразные поселения, вписанные в террасированный ландшафт, производили на наблюдателей неизгладимое впечатление. Известный исследователь дагестанской архитектуры Г.Я. Мовчан пишет: «То, что мне посчастливилось увидеть в Дагестане, поистине способно потрясти воображение любого человека, способного воспринять величие. Древние домостроения, огромные аулы, представляющие собой едва ли не единые строения – это сложные структуры, плод изоощренного пространственного мышления».

Поселения в Дагестане это крупные образования по схеме небольших средневековых городков и имеют соответственную планировку. В каждом поселении обязательна центральная площадь с мечетью – «годекан», «ким» (лезг.) и т.д., кварталы, квартальные годеканы и мечети, водохранилища как элемент топографии поселения. Наблюдатели времен Кавказской войны отмечают, что каждый аул был крепостью, в него можно было войти только по одним воротам, которые на ночь запирались. В течение последних 40-50 лет наблюдался процесс постепенного выхода домовладельцев из аула, начала построек, усадебного типа с огородом вне аула на пахотных полях, при этом от-

дельные аулы целиком переселились на свои пашни (Гоор, Хебда, Карата и др.) создав новый рассыпной тип поселений.

Жилище в Дагестане и в прошлом, и в настоящем многокамерное и в основном двухэтажное. В крупных аулах хозяйственные службы в известной мере сокращены – скот содержали на хуторах, образующих маленькие временные и постоянные поселки вокруг основного села. Строительный материал – камень, дерево, на плоскости камень, обожженный и необожженный кирпич (саман). В архитектурном отношении, как уже говорилось, выделялось не столько отдельное жилище, сколько в целом поселение, и специалисты отмечают монументальную архитектуру жилых домов Гидатля (область Аварии), отдельные образцы которой еще сохранялись в 50 годах XX века. Своеобразную, развитую крепостную архитектуру создали бежитины, элементы которой еще сохраняются, впечатляла и крепостная архитектура дидойских селений, которые были разрушены после их насильственной депортации в 1944 году. Выдающимися являются культовая и фортификационная архитектура древнего Дербента и ряда районов Южного Дагестана, таких как Ахты, Цахур, Шиназ и др. Городского типа архитектуру (балконы, галереи) и ширванский план домов имеют ряд населенных пунктов Южного Дагестана.

Этикет. Несмотря на то, что у всех народов мира имеются самые разнообразные формы приветствий, их суть – межличностное выражение миролюбия и пожелание мира друг другу или в конкретном сообществе, народам, городам, и вообще всем народам мира, что иногда звучит в специальных посланиях.. У дагестанцев приветствие произносит подошедший к стоящим или сидящим словами общими в мусульманском мире: «Ассаламу алейкум» (Да будет мир над вами) и рукопожатием. Отвечают тем же: «И вам мир так же». Данной формой приветствуют мужчины мужчин. Женщины в Южном Дагестане могут приветствовать друг друга «Саламом», но обыкновенно приветствуют старинными местными приветствиями на своих языках с содержанием типа «Уже встал/а?». Ответ: «Встала и ты!». Этим же приветствием встречают и мужчины друг друга, приветствие считается не церемонным. Таковы же приветствия между мужчинами и женщинами.

Лезгины часто употребляют, арабское «Доброе утро» (*сабахул хайр*). Прощаются днем абстрактное, нечто вроде «будьте...» (*вокЮбул; анд.*). Вечером, ночью: «Доброй ночи» (*сордо лъикI; аварск*). Уезжающий: «Да будут благополучными для вас дни и ночи» (*релъо – зубу шурлъидо*). В беседе старшие мужчины, если возражали младшим, непременно добавляли «Счастливый, да будешь ты счастлив!» (*талигъиччиб; анд.*). Лезгины старым людям, встречаясь или прощаясь, после и во время беседы вставляли: «Пусть будет твой этот и постоянный (имеется в виду загробный) дом благополучными!» (*Нык, ахиратдин кIвалгъайми хъуй!*). При беседе со-

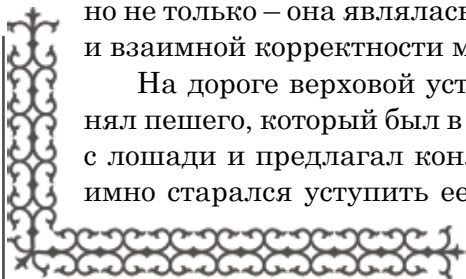
блюдали дистанцию, никогда младший старшему не возражал словами «ты не прав, нет» и т.д. У кумыков, например 50-60- летний мужчина, обращаясь к 80-летнему, никогда не скажет «ты не прав», а только «отец, это было иначе...» (*атам, олай болма*).

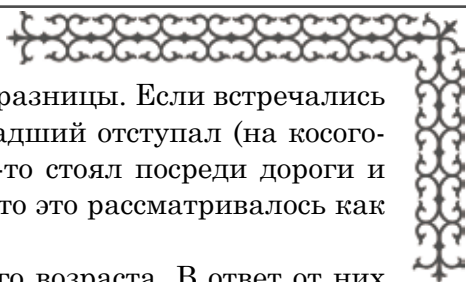
Рукопожатие. При встрече обязательно рукопожатие и произнесение приветствия, но у некоторых народов Северного Кавказа и в Дагестане (андийцы) друг другу (андиец андийцу, как и чеченец чеченцу) как приветствие руки не подают. Обязательное рукопожатие при встрече и расставании, что практикуют почти все народы Дагестана, поздний обычай и скорее из разряда рекомендаций мусульманам. Однако культура рукопожатия отдельная, более обогащенная, чем простое приветствие, действие, как таковая в Дагестане сохранилась только у андийцев. У них встретившиеся одноплеменники смотрят друг на друга, радуются встрече (или делают вид, что радуются), улыбкой или жестом приветствуют и почти церемонно расспрашивают друг друга о делах, семье, здоровье обо всем хорошем и приятном. В таких контекстах закрепились и шаблоны типа «дети – люди?» (*мочИил- адам?*) или «все те, кого я поименно не спрашиваю?» (*рацИинягъибгъасол?*). Андийцы руку подают (старший младшему), в случае совершения им достойного поступка, как награду. Рукопожатием завершается торговая сделка и рукопожатием заключают любые договора. Рукопожатием, словно печатью, закрепляли не только торговые сделки, но оно являлось и актом особо значимым и решающим при заключении мира, разрешении конфликтов, словом, это была форма согласия. Тотальное рукопожатие при встречах, как форма приветствия, принят у всех дагестанцев, как и в остальном современном мире.

В старину, видимо, у всех дагестанцев и всех кавказцев оно было «специализированным», как у андийцев и чеченцев, но со временем рукопожатие стало одним из символов взаимного приветствия при любых встречах. Дагестанцы расставались также церемонно. Снятие головного убора или поклоны здесь были неизвестны, но слова благопожелания были обязательны. Если уходящий был старшего возраста или ровесник, провожали его стоя, а хозяин. (если встреча была дома) провожал его до общей улицы, за пределы двора. Провожаящий всегда идет впереди гостя.

Дорога, как пространство этики. Дорога, как известно, служит для коммуникаций, то есть для перемещения, людей и машин, животных, но не только – она являлась одновременно ареной проявления этики и взаимной корректности между проезжим и прохожим.

На дороге верховой уступал дорогу пешему. Если конный догонял пешего, который был в возрасте или старика, то верховой слезал с лошади и предлагал коня ему. Идущие при встрече каждый взаимно старался уступить ее другому с обязательным приветствием,

знакомому или незнакомому без всякой разницы. Если встречались старший по возрасту с младшим, то младший отступал (на косогоре) на нижнюю часть дороги. Если кто-то стоял посреди дороги и не уступал ее ровеснику или старшему, то это рассматривалось как вызов.

Дорогу уступали женщинам старшего возраста. В ответ от них можно было услышать много хороших слов в роде: «да будешь ты счастлив», «да продлятся твои дни» (старшим), «да вырастешь ты» (младшим) и т.д. На дороге непременно спрашивают «далеко держишь путь?» или говорят «счастливого пути!» – встретиться на дороге и ничего не говорить нельзя. Но некорректно спросить прямым текстом – «куда идешь?». Ответ может прозвучать типа русского «на кудыкино поле!» Здесь уместны и шутки, и иносказания – если ты не хочешь дать точный ответ. Ответы также вежливы, иногда шутивы. Встречные всегда приветствовали друг друга непременно, и если ранее уже здоровались, все равно молча не проходили, что-нибудь при встрече приятное непременно говорили друг другу. Знакомые чаще всего шутили попеременно на безобидную общую тему.

Следили за состоянием дороги. В селениях и городах дороги должны были очищать люди, живущие на данной улице. Любой прохожий, если увидит камень или что-нибудь прямо на дороге, непременно убирал его. Прохожего надо было пропустить, уступить ему дорогу. Строительство или ремонт, очищение дороги горцы считали добродетелью, богоугодным делом. Камень из развалин мечети можно было использовать только при строительстве дороги.

Слово «дорога» было основным обозначением права, как и в арабском «шариат». В дагестанских языках понятия «это разрешено» или «это запрещено» выражается словами «есть дорога» или «нет дороги» (*гьельбие нух гьечЮ*; аварск.). В языках народов Дагестана имеется целый спектр понятий и выражений, образованных с помощью слова «дорога» – показатель особого значения дороги в жизни человека.

Гостеприимство. Еще во времена Кавказской войны писали о трудолюбии и гостеприимстве дагестанцев. Вот один из отзывов крупнейшего историка XIX века академика П. Буткова о горцах Дагестана, только что вышедших из длительной Кавказской войны: «В домашнем быту кротки, гостеприимны, верны дружбе до великодушия, целомудренны, почтительны к старости, умерены в пище, трезвы, правила гостеприимства соблюдают даже против своих неприятелей»

В персональном и в общественном сознании дагестанцев гостеприимные обычаи и нормы были возведены в культ.

Наивысшей гражданской добродетелью члена старинного дагестанского общества была его способность к соблюдению правил приема и обеспечение безопасности гостя.

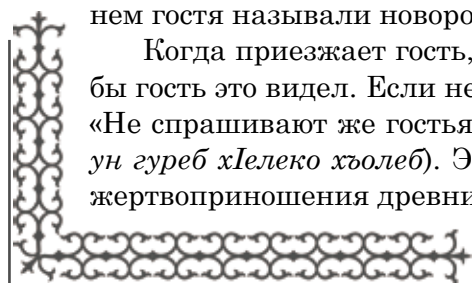
Пространством безопасности гостя у горцев Дагестана являлся не только дом хозяина, как это обычно у всех гостеприимных народов мира, но и вся территория принадлежавшая дагестанскому аулу. Исторически так сложилось, что окрестная территория в Дагестане была не только пространством жизнеобеспечения, но и собственностью жителей аула. Части сельской территории продавались, покупались, арендовались; территории имели границы, которые жители берегли, как могли. Поэтому вся территория села приравнивалась к своему дому. Любой человек, не принадлежащий данному сообществу и вступивший на его территорию, попадал под покровительство всего общества.

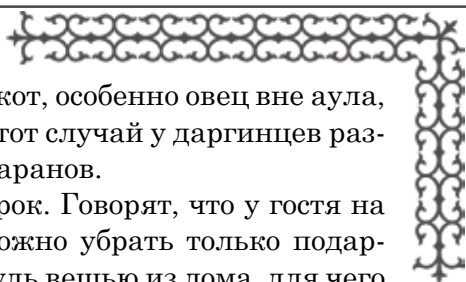
В отдельных случаях территория и всего политического образования типа «вольного общества», становились полем безопасности и покровительства гостю, как например Гидатлинское или Андийское вольные общества. Хозяин у гостя, прежде всего, брал оружие, в знак покровительства и обязательства обеспечения ему безопасности. Это был закон, который распространялась на всех, будь он враг или друг, богат или беден, из знати или из простых. И этот закон вошел в различные уложения. Например, закон Андалальского союза обществ требует от хозяина обеспечить охрану гостя и его имущества на своей территории, в противном случае, хозяин крупно штрафуется.

Если кто-то приезжал в дагестанское село как гость, он, первую очередь, приветствовал людей, сидящих на годекане (годекан – место собрания мужчин). Те, в свою очередь, спрашивали, есть ли здесь у него кунак. Если он отвечал «нет», то кто-нибудь немедленно заявлял, что пришелец будет его гостем. Принимать гостей из разных обществ народов и стран – значило приобрести себе в будущем кунаков. У аварцев есть пословица «Жизнь красива у того, у кого много кунаков» (*Гьобол гЕмерасул гЕумру берцинаб*). Поэтому в некоторых аулах Дагестана существовали порядки, согласно которым нового гостей принимали по установленной очередности. Обычай, согласно которому устанавливалась очередь, имеет два одинаково убедительных объяснения: 1) гражданская обязанность, 2) равенство привилегии по приему гостя, чтобы одни и те же лица не приглашали к себе гостей.

Приезд гостя обставлялся, как праздник, иногда устраивали вечеринки, обязательно приходили родственники и соседи и приветствовали гостя. Для гостей у сколько-нибудь благополучных семей всегда была готова отдельная, так называемая, убранная комната. В некоторых случаях именем гостя называли новорожденных.

Когда приезжает гость, хозяин у ворот режет барана и так, чтобы гость это видел. Если нет барана, хотя бы птицу. Есть пословица «Не спрашивают же гостя, когда режут петуха» (*Гьоболосда гьикъ-ун гуреб хЕлеко хЕлеб*). Это пережиток обычая благодарственного жертвоприношения древним богам.

В Дагестане было принято держать скот, особенно овец вне аула, на хуторах. Но вдруг приедет гость? На этот случай у даргинцев разрешали держать дома одного или двух баранов.

Приличествовало делать гостю подарок. Говорят, что у гостя на теле имеется родимое пятно, которое можно убрать только подарком. Обычно гостя одаривали какой-нибудь вещью из дома, для чего особо следили за тем, не похвалит ли гость что-нибудь из оружия, утвари и т.д. Поэтому гость старался не показывать хозяину, что ему нравится, чтобы не обременять его подарком. Взаимные «реверансы» иногда доходили до абсурда, и о таких случаях складывались анекдоты.

Бурка, кинжал, иногда и конь, считались лучшими подарками гостю. Описывают такой случай. К андийцу приехал его кунак чеченец. Хозяин знал, что кунаку хочется, чтобы ему андиец подарил бурку, а ему, хозяину, очень не хотелось подарить гостю бурку, и, как бы между прочим, хозяин сказал гостю, что есть две вещи, которые андиец не может подарит другу или гостю – это его дом и его столб. Чеченец понял, что он не получит бурку, потому что хозяин под «домом» имел в виду бурку, а столб – это жена. Конечно, такие анекдоты рождались именно там, где сильно была развита культура гостеприимства. Недаром существует такая шуточная поговорка: «На спине у гостя золотая печать». Смысл: гость – это не только посланник Бога, но еще масса забот. Любые дела и просьбы гостя исполнялись.

Застолье. Дагестанцы как и другие кавказцы, нигде не позволяли себе есть в общественных местах, на дороге, и где бы то ни было отдельно от других. Прежде чем выпить публично стакан воды, дагестанец предлагал воду другим, и выпивал ее только после того как, получит вежливый отказ. Однако застольные манеры и этика у дагестанцев отличалась большей демократичностью, чем у других народов на Северном Кавказе, хотя отца в аристократических семьях кормили отдельно. Он же, в свою очередь, требовал к столу друзей или соседа, «для беседы», как он выражался. В совместной трапезе мужчины садились, как правило, отдельно, женщины отдельно, после мужчин. Женщины вообще на виду у мужчин не ели, они обслуживали стол. Еду подавали в одном подносе для всех, и ели вилками, ложками, каждый употреблял свой карманный нож (для мяса). Сидели прямо, не нагибались над тарелкой или подносом. В ложку брали мало жидкости, чтобы поднося ко рту, из ложки не капало. Если еда с хлебом, то под ложкой левой рукой поддерживали ломтик хлеба – пока не кончится «путешествие ложки». Сначала ели, что называется «второе», то есть твердую пищу, затем только «первое»: обычно бульон от хинкала или мяса.

Пищевая этика в поучениях Али-Гаджи из Инхо (поэт и просветитель начала XIX века) гласит: «Когда ешь, будь то хинкал, будь то хлеб, не

ломай от него, но возьми в руки отломанный, если есть таковой. Некрасиво также, будь то дома или на людях принимать пищу одному на людях. Упаси нас от греха желающего. На людях жующий не имеет хвалы ни в писаниях, ни в жизненных правилах, особенно жующий жвачку или грызущий тыквенные семечки (мужчина). Если вдруг ты попал в общество, где люди едят, некрасиво отказаться от предложения принять пищу, немного поесть корректно. И нужно воздержаться от визита в чей-либо дом в обеденное время. Не посещай также соседа, когда он спит (*Мадугбал тохаб гIужалъ*). Но совместные обеды с родными, близкими и друзьями – основная вервь для укрепления дружбы между людьми. Во время совместной трапезы «протягивать руки в разные стороны» т.е. выбирать еду из разных блюд – некрасивое поведение. По этому поводу говорят: «Не будь подобен коту, протягивающему лапки в разные стороны» (*добе гъаниб квер бергъун кету гIадин вукIунге!*) Наши отцы говорили, что «добродетели не горят в огне» (*намус, яхI, гIадаанлъи*).

Во время еды говорили только о приятном. Так как ели из одной тарелки (подноса), едоки вели себя корректно по отношению друг к другу, предлагая лучшие куски кушанья сотрапезнику, разрешался легкий юмор и шутки. Ели с показным или настоящим аппетитом, но не жадно. Непременно к столу подавали родниковую воду, и если хозяйка забывала, ей об этом напоминали шуткой вроде «сегодня, наверное, будет дождь...» или «засушливое лето в этом сезоне...». Обслуживающий догадывался, в чем дело и приносил кувшин с водой. В Дагестане, как на Северном Кавказе, как уже говорилось, сдержанность в еде считалась добродетелью. Говорили: «Нужно остановиться тогда, когда еще хочется есть».

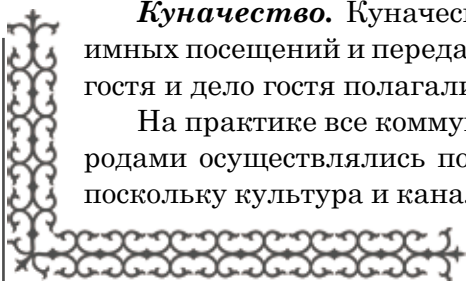
На обед очень часто звали родственника или соседа, чтобы составить компанию отцу или старшим мужчинам. Сами соседи тоже свободно заходили друг к другу время. Во время обеда вошедшего в дом непременно приглашали к обеду. С первого приглашения вошедший не садился, говоря, что сыт, недавно обедал и т.д., но его все равно усаживали за стол.

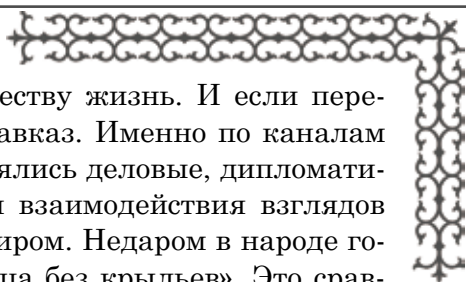
Разумеется, сейчас большей частью едят за столом, каждому подают отдельный прибор и соблюдают современный застольный этикет. Вся семья садится за стол, дети мальчики и девочки помогают матери обслуживать, в уборке и мытье посуды. Но все равно сохраняется особая атмосфера.

Раньше за еду «спасибо» хозяйке не говорили, а благодарили Бога за пищу насущную.

Куначество. Куначеские связи складывались вследствие взаимных посещений и передавались из поколения в поколение. Прием гостя и дело гостя полагались первоочередными и обязательными.

На практике все коммуникации между общинами (селами) и народами осуществлялись по каналам гостеприимства и куначества, поскольку культура и каналы гостеприимства были, образно говоря,

кровеносными сосудами, дающими обществу жизнь. И если перекрыть эти каналы, окаменел бы весь Кавказ. Именно по каналам гостевых (куначеских) связей осуществлялись деловые, дипломатические, торгово-промышленные связи и взаимодействия взглядов народов Кавказа внутри и с внешним миром. Недаром в народе говорят, что «человек без кунака, что птица без крыльев». Это сравнение имеет глубокий смысл: не будь гостеприимных законов и куначеских связей, человек не мог бы быть свободно и безопасно посещать другие аулы, города и народы, он был бы прикован к одному тому же месту. Куда может полететь птица без крыльев?

Гостеприимство и куначество, прежде всего, предполагало обеспечение безопасности и просто гостю, и постоянному кунаку.

Роль кунака и отношение к нему ярко выражена в кумыкском сказании «Айгази». У молодого героя Айгази была невеста, был кровник и были отцовские кунаки. В один прекрасный день к нему является его друг и говорит ему, что его кровник едет по Бавтугайской дороге. Айгази немедленно снаряжается в путь, но тут подходит другой сосед и сообщает ему, что похищена его невеста. Пока наш герой в замешательстве, не зная за кровником погнаться или спасти свою невесту, подбегает к нему третий односельчанин и сообщает, что к нему едут отцовские кунаки. Растерявшегося сына мать наставляет так: «Кровника ты достанешь когда-нибудь, не беда. Невесту возьмешь любую другую, не беда. Вот если не примешь отцовских кунаков – это беда. Они могут больше не приехать, и ты их потеряешь». Айгази принимает кунаков.

Среди замечательнейших примеров куначества можно вспомнить союз между чеченцем Садо Мисирбиевым и Л.Н. Толстым. Их связали события на Кавказе. В музее в Хамовниках хранится сабля, подаренная Мисирбиевым своему кунаку Льву Николаевичу.

Куначество в модифицированной в деталях форме прочно утвердилось в современном меняющемся мире общественных отношений и распространилось ныне за пределы Кавказа.

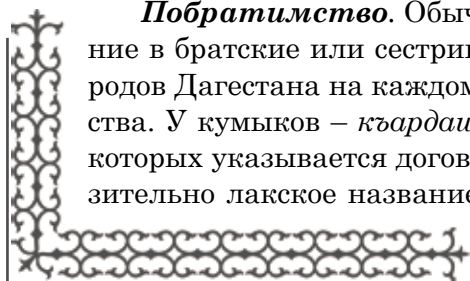
Аталычество. Аталычество (от тюркского аталык – «отцовство») одна из форм родства, обычай передачи ребенка в чужие семьи, обычай отдавать детей знатных родителей на воспитание вассалам, крестьянам. Обычно аталычество, т.е. воспитание детей высших сословий, рассматривалось как чисто военная подготовка ханских (княжеских) сыновей к верховой езде и рубке на саблях. П.С.Потемкин (первая половина XVIII века) пишет: «Новорожденный владельческий сын тотчас отдается к дядьке, одному из ближайших узденей, который сыщет ему кормилицу, а при возрасте обучает стрелять из лука и из пищали, и саблями рубиться и колотиться и прочим военным, по их обычаям экзерцициям». Это правда, но гораздо важнее и интереснее то что, аталычество - удивительный и дей-

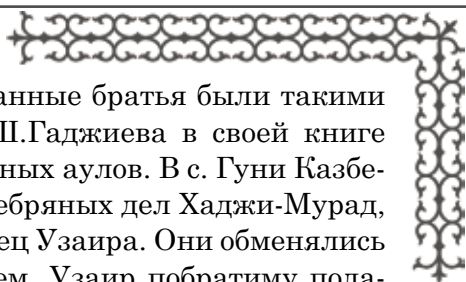
ственный механизм укрепления межсословных отношений с помощью воспитания и искусственного родства. Трудно себе представить, чтобы в Японии самураев воспитывали подвластные им сословия, или европейских и российских дворян воспитывали крестьяне. Но на Кавказе было все иначе: крестьяне могли воспитать узденя, уздень князя: культура и этика здесь не были так сильно разделены по сословиям. Аталычество способствовало отбору и селекции таких качеств личности, которые считались наиболее показательными и ценными. В физической подготовке юноши культивировались сила, ловкость, сметливость, умение переносить боль, голод, холод, владение всеми родами оружия и т.д. В моральном отношении воспитывались качества, определяемые понятиями «ях», «намус», т.е. наивысшие нравственные качества.

Это, прежде всего, преданность идеалам общества и семейно-родовым традициям, патриотизм, мужество, благородство, уважительное отношение к старшим и окружающим вообще, достоинство и честь и т.д. Мужчина должен был быть носителем комплекса всех этих достоинств одновременно. «Если ты отступишь в одном, потеряешь все», — внушалось с детства. Аталычество было одним из эффективных механизмов достижения и поддержания этих уровней. Еще в XVIII веке путешественники и наблюдатели были удивлены упорядоченностью кавказского общества, не имевшего своего «общего государства», с его великим множеством языков и народов и разнообразными природно-географическими условиями. Джон Эллис, английский ученый (XVIII в.) с удивлением отмечает, что горские народы Северного Кавказа дублируют друг друга в манерах, одежде, законах и обычаях и вообще, в образе жизни. Эллису показалось удивительным и привлекательным то, что лишь происхождение разделяет один класс от другого, истинный авторитет имеет тот, кто его заслужил личными качествами.

В прошлом аталычество было широко распространено на всем Кавказе, особенно среди северокавказцев. При этом в Дагестане больше был распространен обычай передачи детей своим кунакам (то есть друзьям) из соседних обществ, особенно в сообщество другой национальности, чтобы он (ребенок) знал язык и обычаи другого народа. Так андийцы посылали своих детей к своим кунакам в Чечню и к кумыкам, лезгины в Азербайджан т.д. Так достигалась высокая цель социальной интеграции кавказского общества и культивации качеств личности.

Побратимство. Обычным явлением было в прошлом вступление в братские или сестринские отношения по договору. У всех народов Дагестана на каждом из языков имеются названия побратимства. У кумыков — *къардаш тутув*, у аварцев — *цIарлгурав вацц*, в которых указывается договорная основа побратимства. Очень выразительно лакское название «*буТIабакочу*», что значит «бездолевой

брат». По отношению друг к другу названные братья были такими же близкими, как кровные братья. С.Ш.Гаджиева в своей книге описывает побратимство двух лиц из разных аулов. В с. Гуни Казбековского района побратались мастер серебряных дел Хаджи-Мурад, который жил в Чирке и богатый чиркеевец Узаира. Они обменялись взаимными подарками, дорогим оружием, Узаир побратиму подарил коня и т.д. Узаир был раскулачен, имущество было изъято, и, вернувшись из ссылки, черкеевец Узаир поселился в селении Гуни, у своего названного брата. Побратимство чаще всего бывает следствием длительной дружбы и товарищества. Друг в аварском языке «*гьудул*» от «*гьадул*» – что значит «связанный клятвой». Андийское «*ноколъу*» – также от слова «*ноко*» – клятва.

У ногайцев много примеров было в обычае побратимство семьями. Иногда случалось побратимство между юношей и девушкой или мужчины с женщиной. В этом случае основой должен был быть какой-нибудь исключительный случай. Есть предание (с. Аксай) как группа юношей спасли двух девушек уносимых потоками Сулака во время половодья. Но юноши, прежде чем дотронуться до девушек сказали им «мы – ваши братья», потому что посторонним дотрагиваться до девушек по старым обычаям было нельзя. Потом они стали как родные «братья-сестры».

В старину побратимство, особенно между людьми разных национальностей «скрепляли кровью». В литературе описан случай, как совершался обряд побратимства между грузином из с. Дикло (Тушетия) и жителем с. Нижние Хваршины. Они в присутствии представителей обоих сел смешали кровь друг друга с вином, вручили друг другу бокалы и выпили.

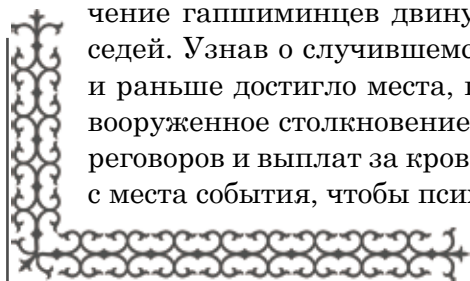
Молочное родство. Помимо аталычества и побратимства существовало еще молочное родство. В высших сословиях новорожденных грудью кормили те женщины, у кого родился ребенок, что также укрепляло родство. Например, за убийство наследника престола аварских ханов Абу-нуцалхана, второму имаму Дагестана и Чечни Гамзатбеку было суждено умереть от руки молочного брата наследника Османа, который совершил как месть, наследник и родной брат. Молочное братство, так же как и аталычество, сближало семьи и сословия.

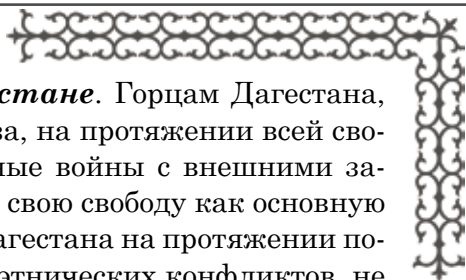
Механизмы примирения были различными, но основное место занимало посредничество, то есть действо известное в Дагестане как «маслаат». В качестве примиряющего (*маслаатчи*), могло выступить одно лицо, уважаемое с обеих конфликтующих сторон и знающее принятые в обществе порядки и законы. В сложных случаях посредником выступал «*джамаат*», т.е. старейшины от общества. Просьба к сторонам согласиться считалась почти священной, верили, что сторону, отвергшую решение или обращение принять мир, постигнет кара от высших сил, т.е. от Бога.

В Дагестане практикуется обычай усыновления, который диктуется самыми различными обстоятельствами, как это происходит во всем современном мире. Но были особые случаи, когда в прошлом усыновление было важнейшим механизмом примирения кровников. Пострадавшая сторона при согласии на мир, условно или реально усыновляла кровника. На Северном Кавказе такое усыновление происходило особо символично и церемонно: кровник прикасался губами к груди матери убитого. В Дагестане словесно отец убитого объявлял кровника своим сыном. История знает много интересных случаев и сюжетов, содержащих и поощряющих усыновление как условие мира, и наиболее характерные из них приводились как примеры особого благородства, великодушия и милости, ораторами на церемониях примирения.

Приведем такой пример: «Случилось, что от руки дагестанца погиб юноша-грузин и потерпевшие потребовали, чтобы виновника, как условие мира, послали к ним для отмищения, что и было сделано. Дагестанская семья была уверена, что погиб и их сын. Кровь за кровь, как тогда было принято. Со временем, через годы, дагестанская семья получила со стороны грузин приглашение на свадьбу «их другого сына». Приглашение было принято, и дагестанская семья увидела, что жених – их сын, посланный в Грузию за кровью, в гибели которого они не сомневались. Перед ними стоял нарядный молодой человек, получивший в Петербурге образование и офицерский чин. Суровый дагестанец, пославший ради долга чести на погибель сына, говорят, закрыв лицо руками, долго плакал». На церемониях примирения приводились подобные примеры из кавказской жизни, и миротворцы добивались результата.

Борьба за территорию приравнивалась к борьбе за жизнь, и на границах сложной конфигурации территориальных владений постоянно происходили конфликты и вооруженные стычки на почве взаимных территориальных притязаний, которые погашались специальными комиссиями (*маслаат*). Конфликты продолжались и в российский период дагестанской истории вплоть до коллективизации земель. Межобщинные конфликты очень часто возникали из-за нарушения во время пастбы скота границ территорий или споров из-за границ территорий. Если обстоятельства межобщинного конфликта особо сложные, то в качестве *маслаатчи* выступало третье, не замешанное в дело село. Так, однажды, на границе с.Гапшима и соседнего села возник конфликт из-за того, что соседи пустили свой скот на территорию гапшиминцев. Был убит охранник, и ополчение гапшиминцев двинулось к границе, как и ополчение их соседей. Узнав о случившемся, ополчение третьего села выдвинулось и раньше достигло места, где был убит охранник, и предотвратило вооруженное столкновение. Конфликт был «спущен» на уровень переговоров и выплат за кровь. Но в самом начале убрали тело убитого с места события, чтобы психологически облегчить переговоры.

О мире между народами в Дагестане. Горцам Дагестана, как и другим народам Северного Кавказа, на протяжении всей своей истории приходилось вести постоянные войны с внешними завоевателями, потому что они отстаивали свою свободу как основную жизненную ценность. Однако история Дагестана на протяжении последних двух тысячелетий не знает межэтнических конфликтов, не говоря уже о масштабных войнах между этносами. И это в условиях, когда так много народностей исторически проживает на небольшой территории, притом, что дагестанцы всегда были вооружены, отличались (как все кавказцы) воинственностью, свободолюбием и независимым характером!

Рассматривая тему конфликтов в жизни народов Северного Кавказа, нужно обратить внимание на то, что раньше народы не жили, как ныне, в городах, покупая продукты в магазинах и пользуясь электроэнергией и мобильными телефонами. Люди должны были иметь пространство жизнеобеспечения в виде территорий для земледелия и пастбищ для выращивания скота. Были, и достаточно часто, конфликты и даже военные столкновения между обществами за неприкосновенность их территорий. Но это были межобщинные, а не межэтнические конфликты. Межэтнических войн или вооруженных столкновений, как уже говорилось, история Дагестана не фиксирует.

Если случался конфликт между двумя общинами, принадлежавшим разным этническим образованиям, он погашался обычными методами по нормам обычного права и соглашениям, без заступничества «за своих» со стороны этносов.

Еще в древности (порядка пару тысячелетий тому назад), здесь случился переход от корпоративных этнополитических связей к правовым отношениям свойственным гражданским общинам. В горах Дагестана у каждого селения собственные территориальные владения, на которых они располагали своими уже личными (частными) земельными участками. На этой основе сложились общественные системы самоуправляемые на базе публичного права и юридических обычаев, разрешавшие уголовные, гражданские и бытовые споры без «этнического заступничества» или столкновений между народами. Другими словами конфликтные ситуации были вынесены на правовое поле, и рассматривались на основе публичного права (адатов и шариата).

Воспитание детей. Большой радостью было (считается и ныне) рождение сына. Первого, кто отцу приносил весть о рождении сына, он одаривал. Этот красивый обычай практикуется и сейчас. Если сын родился в состоятельной семье, устраивали празднество с танцами и угощениями. Иметь много сыновей считалось особой честью и удачей родителей. В таком случае общество для семьи выделяло из своих фондов землю для строений и пастбище.

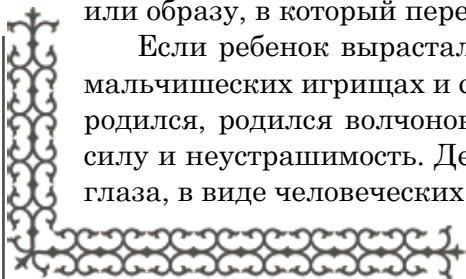
Говорят, что однажды богатые люди со всего Дагестана съехались в одно место, чтобы определить, кто самый богатый из них.

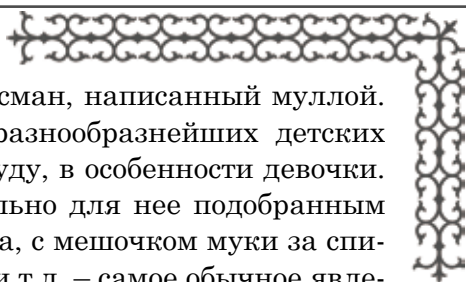
Все привезли с собой свидетельства о своих богатствах: кто указывал на размеры пастбищных гор, кто на скот, дома или золото. Был там один андиец, который приехал с двенадцатью сыновьями верхом на лошадях в серебряной сбруе, но без всяких свидетельств о богатстве. Сказал, что его богатство – сыновья. Он и получил приз.

Рождение девочки никак не отмечалось, хотя и не считалось несчастьем, как это часто пишут в книгах. Девочка или мальчик – это предопределение, судьба. В первые же годы присматривались к ребенку, определяя, на кого он похож, находили в нем черты не только родителей, но и предков, и это относилось не только к физическим данным, но и характеру и способностям. Получив приблизительную идентификацию, ребенка воспитывали в соответствующем ключе, что накладывало отпечаток на формирование будущей личности.

Имя детям давали родители молодых, т.е. дедушка, а то и кто-нибудь из старейших в роде (тухуме). Имена новорожденным, прежде всего, выбирали из принадлежавших уже умершим представителям своего рода. Говорили: «Если назвать именем покойного деда или прадеда, то он словно (дед, прадед) заново рождается». Детей очень часто называли именами людей, прославивших себя чем-нибудь. И, напротив, избегали имени, если носивший такое имя ославил себя либо известен физическим или духовным дефектом. Верили в то, что имя передает качества его прежнего носителя и в то, что имя является тем звеном, которое обеспечивает не только преемственность в поколениях, но и бессмертие. Согласно правилам семейной этики, дети ни отца, ни деда не называли по имени. Истоки этого обычая безусловно восходят к древнейшим верованиям, которые накладывали запрет на имя, но запрет сохранился на имена родителей и старших родичей и осознается только как этический момент. И, часто, во многих семьях ребенка, который носит имя покойного, так же не называли по имени, а звали «има», что значит «отец» или «дед». Настоящим именем его звали только окружающие, вне семьи. Предавали забвению имя, оставившее после себя дурную славу в народе. Считалось, что до того, как родители окончательно решат назвать ребенка, его нельзя оставлять без имени. Поэтому сразу же после рождения ему временно давали в качестве имени название месяца, в котором ребенок родился. Все эти традиции свидетельствуют о том, что к имени относились как к определенной силе или образу, в который перевоплощается новорожденный.

Если ребенок выросал подвижным и мало плакал, крепким в мальчишеских играх и шпиках говорили, что в ту ночь, когда он родился, родился волчонок. Вообще волк у андийцев олицетворял силу и неустрашимость. Детям на шею вешали амулеты от дурного глаза, в виде человеческих фигурок, сделанных из липового дерева.

Почти у каждого ребенка был еще талисман, написанный муллой. Воспитание ребенка шло в условиях разнообразнейших детских игр. С 6-7 лет ребенок приобщался к труду, в особенности девочки. Девочка, идущая с небольшим, специально для нее подобранным кувшином, за водой со связкой дров, сена, с мешочком муки за спиной, работающая в поле, готовящая еду и т.д. – самое обычное явление в горах. Трудовое воспитание как таковое специально не проводилось, все было естественно и считалось ненормальным безделье, если есть дома дело или что-нибудь поручено. Типовые уроки труда в школе вызывают улыбку и остроты. Замечательным моментом в народной педагогике было то, что мальчики и девочки должны были выполнять поручение любого старшего, если к ним с этим обращались. При том тут же быстро, бегом. И в зависимости от того, как было дело сделано, детей хвалили или порицали. Никакой системы физического наказания детей не знали. Не было также «хладнокровного наказания» Выговаривалось эмоционально или насмешливо, но всегда убедительно. Ребенка взрослый мог шлепнуть, как говорят, один-два раза, но не избивал. Вообще же детей наказывали игнорированием. Если взрослый не поощрял и не хвалил мальчика и девочку, это было большим наказанием. Обычно же их во всем хорошем поощряли простой похвалой.

Дети на улицах образовывали собственные сообщества по полу и возрасту. Разнообразные игры, а также игровая имитация, где отражаются конфликты жизни, группы дружков, подружек – все служило социализации и воспитанию будущего человека, отвечающего требованиям качества члена общества.

Мальчики должны были быть выносливыми и крепкими в драках, которые провоцировали сами взрослые и прекращали их, понаблюдав за поведением, физической и особенно психологической подготовкой. Получение большего или меньшего количества тумачов или то, кто кого повалит на землю, не имело значения – важно было заставить “противника” заплакать или отступить от слов, претензий и т.д. – что и решало исход поединка.

Приведем такой случай. В 1982 году газета «Пионерская правда» писала о Битемирове Усмани – мальчике из селения Гагатль, который убил напавшего на мать и осла волка, когда те шли из лесу с ослом, нагруженным дровами. Нападение волка было неожиданным. Мальчик не растерялся, выхватил топор, напал на волка и раскроил ему череп. Если я не ошибаюсь, односельчане подарили ему бурку, в знак признания мужественного поступка. Ведь это был мальчик всего двенадцати лет!

Устраивались игры и с психологическими испытаниями для детей. Например, игра «Положить папаху» (*Лагъара бикЮллу*). В те дни, когда после погребения умершего проходило больше недели, и чтец Корана освобождал будку на могиле, подростка, проигравшего по жребью или в

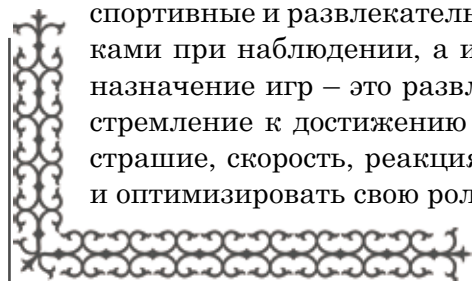
какой-либо другой игре, посылали ночью с папахой другого парня на кладбище. Задача – открыть двери будки чтеца Корана, положить вовнутрь папаху и вернуться. Задача хозяина папахи – взять ее из будки. Другие участники игры устраивали искусственные «привидения», издавали «потусторонние» звуки и шумы. Современные подростки возможно спокойнее играли бы в такую игру, но в старину дети были суеверны, и потому такая игра требовала преодоления страха и психологической закалки.

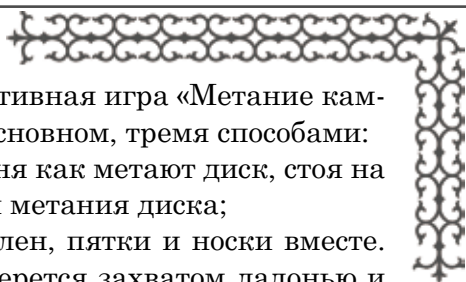
Мальчик лет 12-13 мог быть послан на летние пастбища, где он должен был поймать кормившуюся на воле несколько месяцев полуодичавшую и потому не дававшую себя ловить лошадь. Иногда операция эта удавалась легко, в другой раз целый день проходил в погоне за лошастью.

Девочки играли в куклы, шили им одежду, устраивали кукольные свадьбы и семьи – готовились стать матерями – разделение занятий на мужские и женские происходило с самого раннего детства. От детей требовалось не вступать в пререкания со старшими и пожилыми в семье и на улице. Им вменялось также не присутствовать в общественных местах, где собиралась молодежь или пожилые люди. Они не должны были плакать при ушибах после драк и ссор. Мальчишки должны были исполнять любую просьбу старшего человека знакомого или незнакомого, вставать с места, когда подходил взрослый, первым его приветствовать, в присутствии взрослых не садиться, не задавать вопросы без нужды и т.д. Соблюдение этих норм строго контролировалось всем обществом. Любой человек мог одинаково выговорить за провинность своему и чужому ребенку. В семье отец никогда не был «другом» сына, даже взрослые юноши не могли с отцом говорить на темы, не имеющие сугубо делового характера семьи и общества, то есть фамилльярность между детьми и родителями исключалась. Дома при детях царила обстановка полного целомудрия и нравственности. Молодые родители при детях не допускают вольности, сквернословия и не уединяются. Дети никогда не видели родителей неодетыми, мать спала с малолетними детьми. Таков был мир, что они видели в раннем детстве, что накладывало отпечаток на их психику, и определял их морально-этическую жизнь по взрослению. В большой степени такая система воспитания детей сохраняется и в наше время.

В свободное от домашних дел время, дети полностью были предоставлены самим себе, занимаясь играми, лазанием по скалам или купанием в бурных речках глубоких ущелий

Определенное место в общественной жизни дагестанцев занимали спортивные и развлекательные игры, проводимые детьми и подростками при наблюдении, а иногда и с участием, взрослых. Основное назначение игр – это развлечение, одновременная социализация и стремление к достижению таких высоко ценимых качеств как бесстрашие, скорость, реакция, умение мгновенно оценить обстановку и оптимизировать свою роль, вырвать победу и т.д.

Весьма распространенной была спортивная игра «Метание камня» (*Рачи шаммир*). Метали камень, в основном, тремя способами:

- 1) *Гъажила рикЮлду*: метание камня как метают диск, стоя на месте за чертой или по правилам метания диска;
- 2) *Седубиччиду*: Ноги сведены у колен, пятки и носки вместе. Снаряд не кладется на руку, а берется захватом ладонью и пальцами. Не сгибая колени и не разводя их, а также не заносся снаряд влево или направо, камень швыряется от ног или торса вперед. Нагрузка целиком на поясные и спинные мышцы;
- 3) *Галлакку шаммир*: Метание камня как ядра. Здесь правила те же, что и для толкания ядра. Техника же много проще. Условие: не переступать черту. Метали камень ногой, двумя руками между ногами, вперед или назад – но последние не привлекали внимания и больше сопутствовали основным приемам. Однако метание камня больше было развлечением взрослых, нежели детей и подростков.

Торъохъо – игры в мяч. Любимым и самым распространенными среди подростков и юношей были игры в мяч. Любили играть весьма распространенную игру, которая напоминает русскую лапту, или даже американский бейсбол. Правила игры также известны – играли две команды.

Одна команда у черты, другая в поле. Один подбрасывает мяч, другой член команды у черты бьет мяч палкой – битой далеко в поле. Если находящимся в поле удастся поймать мяч на лету, команды меняются местами, (победители те, кому удастся сохранить позиции у черты). Если же мяч упадет на землю, действия разворачиваются таким образом: ударивший палкой под собственный удар или другого члена команды должен добежать до условной черты в поле и назад. За это время член команды в поле достает мяч, и игроки передают его друг другу до ближайшего к бегущему до черты, и бьет его мячом. Если мяч попадет в бегущего игрока, вся полевая команда идет к черте, т.е. в поле (не почетно и проигрышно находиться в поле, борьба идет за то, чтобы удержать позиции у черты). Кульминация игры – удары мячом в бегущего. Случалось били в упор, но реакция соперника должна быть настолько быстрой, чтобы мгновенным прыжком или броском в сторону уклоняться от удара. Иным даже удавалось брошенный в упор со всей силой мяч ловить на лету и тут же пускать в противника. В иного бегущего попадали только с помощью ряда обманных движений или удачной расстановкой игроков нападающей команды.

Эту игру настолько любили, что вступали в игру и взрослые, сохранившие еще реакцию и проворность. Надо добавить, что мяч величиной не превышал теннисный, бывал довольно тверд, так что удар причинял боль.

Игра в мяч «*Гъогъу жъабду*». Название игры переводится как «ударить мяч об землю». Правила этой игры просты, но азарт велик. Группа юно-

шей, договорившись сыграть, проводила жеребьевку. На спину проигравшему садился «седок» и сверху вниз с силой ударял мячом об землю. Мяч должен подпрыгнуть выше роста игроков, и все ловили высоко отскочивший мяч, как баскетбольный после промаха по кольцу. Кому доставался, тот садился верхом, и все повторялось до тех пор, пока «лошадка» или как его называли «*гъикъуси*» – тоже участвовавший в ловле – не поймает мяч, или мяч не упадет на землю. В этом случае «всадники» менялись ролями. Разумеется, всем хотелось ездить верхом, к чему и прилагали все усилия.

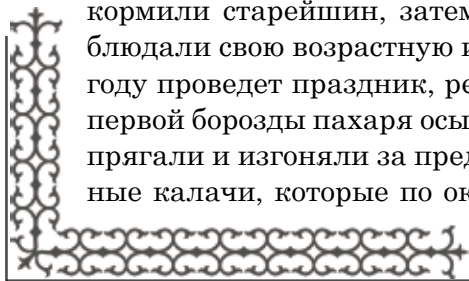
Игра «*Гортохоло*». Игра связана с метанием камня в цель, которым служил бычий рог, установленный стоймя на другом камне. Игра командная, на очки. Выигравшие «ездили верхом», проигравшие должны были играть роль «лошадок».

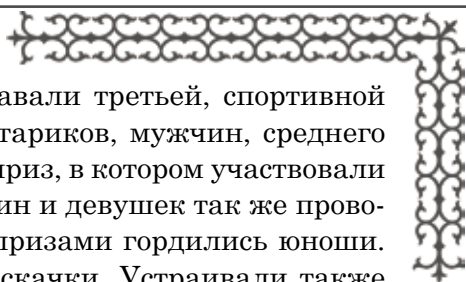
На этом перечень игр не заканчивается. В современном общественном быте эти игры целиком исчезли. Как дети, так и юноши, играют только в общеизвестные типовые игры (волейбол, теннис и т.д.), которые под специальным руководством учителя осваиваются на уроках физкультуры. В годы реформ, несмотря на большие возможности и свободы, никто из учителей физкультуры не пытается возродить и культивировать традиционные детские игры, боясь быть непонятым и потерять место учителя. Будущее этих древних игр неизвестно. Играют еще в шахматы, игральные карты, шашки. Телевизор, видеоигры, компьютер – основные развлечения и времяпрепровождение молодежи. Вот так и гибнет этнокультура!

Праздник первой борозды. Самым главным праздником в дагестанских селах является весенний праздник первой борозды «*оц бай*», распространенный в Нагорном Дагестане в развитом его варианте.

Накануне праздника в селе царит оживление, мужчины готовятся к спортивной части, женщины готовят различные блюда, детям к празднику шьют новую одежду, купают, стригут и т.д. Наездники выхаживали подготовленных к скачкам лошадей. Готовясь к празднику, и на празднике избегают ссор, говорят приятное – царит приветливость и веселая шутка. Первую борозду проводил «хозяин праздника». Во время проведения первой борозды в с. Анди находили кого-нибудь из близнецов, чтобы он подержался за рукоять плуга во время проведения борозды – проявление остаточной веры в магию плодородия.

Общественная трапеза занимала одно из центральных мест праздника, все, от мала до велика, должны были получить свою долю. Сначала кормили старейшин, затем взрослых мужчин и т.д. Женщины соблюдали свою возрастную иерархию. Вопрос о том, кто в следующем году проведет праздник, решался на трапезе. Во время проведения первой борозды пахаря осыпали землей, поливали водой, быков распрягали и изгоняли за пределы пашен. На рога быков вешали хлебные калачи, которые по окончании проведения борозды, разламы-

вали и поедали. Особое значение придавали третьей, спортивной части праздника. Прежде всего, бег – стариков, мужчин, среднего возраста, и спортивный бег на основной приз, в котором участвовали готовившиеся к этому юноши. Бег женщин и девушек так же проводился, но особенно своими победами и призами гордились юноши. В центре спортивных состязаний были скачки. Устраивали также бой быков. В сороковых годах XX века праздник был запрещен, но его возродили в 80-х годах. Современным элементом в празднике является проведение концерта художественной самодеятельности. Характерно, что на современный праздник стекаются с окрестных сел соседи, принимают участие в спортивных состязаниях.

Праздник выхода плуга в Нагорном Дагестане одновременно являлся и новогодним праздником. Для читателя любопытно будет знать, что этот праздник проводят почти все древние народы, по «золотому поясу» земледельческих цивилизаций от Китая до Египта, по ареалу и также с древнейших времен. В Китае, например, сам император начинал обряд позолоченным плугом, а что касается древности, глиняные таблички древних шумеров донесли обряд праздника в импровизированном «споре мотыги и плуга», где плуг похваляется:

«Когда мой праздник празднуют
В поле (в месяце Шунумун).
Царь (сам) режет быков для меня,
Убивает несчетное множество овец для меня,
Разливают пиво в сосуды,
Царь держит меня за рукоятку,
Запрягает моих быков в ярмо,
Вся знать идет рядом со мной».

Есть несколько предположений, о возникновении и распространении этого праздника привлекающие внимание. Мне этот праздник представляется как инсценировка величайшего перелома в истории техники земледелия – перехода от мотыжного к пашенному земледелию.

Праздники, связанные с трудовой взаимопомощью. Трудовая взаимопомощь в виде «гвай», проходила торжественно, с песнями и танцами, так что тут порой элемент праздника преобладал под трудовым.

Такие праздники можно отнести к трудовым, имевшим общественный характер, но справлявшиеся как семейные. Среди них особо выделяются праздники, связанные с сенокосами, уборкой урожая и строительством дома, а так же изготовлением наплечных бурок. Созыв на *гвай*, будь то на уборку урожая, сенокос или валяние бурок – сопровождался соответствующими приготовлениями. Участников *гвая* по окончании работ или во время перерыва угощали бузой (в старину). Если работа женска», например

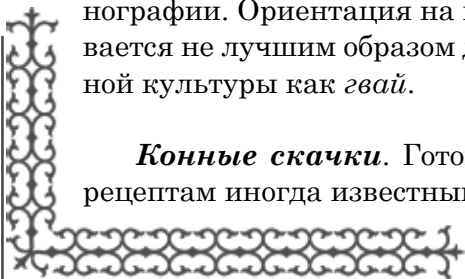
валяние бурок, то мужчины развлекали мастериц танцами, музыкой, особенно беседами. Только здесь влюбленные могли «публично» вести тихую беседу.

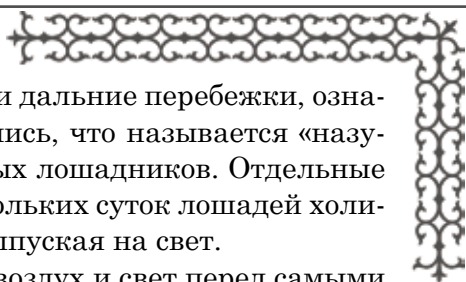
Например, в селе Гагатль беседа на *гвае* культивировалась настолько тщательно, что даже искушенные не всегда понимали, о чем идет речь: беседующие пользовались иносказаниями, намеками, образами так мастерски, что беседы становились импровизированной устной литературой. И мастера таких бесед, как мужчины, так и женщины, были известными людьми, их специально звали на *гвай*. В гагатлинских *гваях* по валянию бурок, выработался даже отдельный, понятный только посвященным язык, образцы которого нужно еще записать.

Если кто-то разговаривал с девушкой, присутствующие играли на пандуре или песнями заглушали их беседу. На *гваях* говорили еще и на языке символов. Например, при рушении кукурузы специальными палочками на початках получались замысловатые борозды, значение которых «читали» девушки, которым они подбрасывались. На этих вечеринках пели не только известные песни, на известные мелодии – часто девушки тут же сочиняли слова, а иногда и мелодии, которым подыгрывал на пандуре играющий. Эти песни и мелодии тут же «умирали», но отдельные, наиболее удачные из них повторялись на новых трудовых собраниях, некоторые обретали фольклорную или устно-литературную жизнь.

Трудовые собрания *гвай*, не только как форма взаимопомощи, но как значительное культурное явление и одно из важных звеньев общественной жизни, занимали в ней едва ли не центральное место. В послевоенные годы традиции *гвая* были еще очень сильны, они передались колхозным бригадам и звеньям, которые в 60-х годах были ликвидированы и переведены на индивидуальный трудучет. При бригадном способе бригады, закончив свои работы, по традиции *гвая*, шли на помощь другим – и на колхозных полях слагалась праздничная, надобная *гваям* ситуация. В современной жизни *гвай* потеряли свое значение – они созываются только на строительство дома, нет той атмосферы праздника. Молодежные встречи, музыка и прочее ныне проводится по плану мероприятий, как форма участия в художественной самодеятельности в клубе. Эти мероприятия оторваны от труда, и «события» на них немотивированны. Конечно, они лучше оснащены музыкальным реквизитом, больше ориентированы на подражание профессиональным коллективам, выявляют таланты и т.д., но и потери немалые, особенно в части местного фольклора и «живой» этнографии. Ориентация на профессионализм в исполнении оборачивается не лучшим образом для таких традиционных явлений народной культуры как *гвай*.

Конные скачки. Готовили лошадей к скачкам тщательно, по рецептам иногда известным только одним хозяевам. Купание, чист-

ка и уход (*тумар*), репетиции, короткие и дальние перебежки, ознакомление лошади с трассой и т.д. делались, что называется «назубок», но всегда под наблюдением опытных лошадиников. Отдельные хозяева перед самыми скачками до нескольких суток лошадей холили под теплой попоной, в конюшне не выпуская на свет.

Рискуя их простудить, выводили на воздух и свет перед самыми скачками, и тогда рвущихся в бег коней бывало трудно удержать перед скачками и на поворотах. В разных пунктах стояли уполномоченные за тем, чтобы наблюдать и не допускать нарушения, каковыми считались схождение с беговой дороги в целях сокращения расстояния на поворотах (*бади букъоллу* – наиболее частое нарушение). Следили, чтобы следующая лошадь не приближалась вплотную и не дышала впереди идущей – впереди бегущая в этом случае легко сдавала. Смотритель предупреждал седока впереди идущей – тот сам должен был уворачиваться от данного приема. Седоками обычно были мальчишки или очень легкие ездоки; седла им не давали, садились они на голой спине лошади. Наибольшую скорость лошадь набирала на участке беговой дороги пролегающей вниз по легкому склону, но тут труднее было седоку удержаться на спине мчащейся галопом на полной скорости лошади – нужно было крепко упираться двумя руками в холку. Победителем считался тот, кто первый вырвал воткнутый в землю флаг на финише.

Скачки всегда были призовыми и довольно дорогими. Призы соответствовали количеству заездов. Самыми почетными были дальние заезды (10 кругов андийской беговой дороги). Призы устанавливали джамаат, частные лица, в советское время колхозы, сельсоветы (денежные премии). Однако дело было не в призе, а в чести и славе победившей лошади и ее хозяина, который, как правило, устраивал по случаю победы дорогостоящий «ловзар» (праздник) с приглашением певиц и танцоров, с угощениями и т.д.

Танцующие и участники стреляли из ружей и пистолетов в воздух и под ноги танцоров. Во время лихого танца, танцоры и окружающие издавали воинственные крики, оглушаемые непрерывной пальбой. В помещениях стоял пороховой дым, потолки пробивались пулями, и детей не пускали по этой причине на крышу.

Седока победившей лошади одаривал хозяин лошади. Седоку и его коню на шею сразу накидывали кусок красного атласа – счастливейшие мгновения в жизни андийских мальчишек!

В советское время скачки проводили в честь праздника 1 Мая. Например, межаульные андийские игры с 50-х годов поместились в районный центр Ботлих, 9 Мая скачки проводят в Хунзахе, куда прибывают и из андийских районов. Современные скачки в Ботлихе несколько модернизированы, но соблюдают основные традиционные правила: скаковых коней не седлают, на коня сажают только подростка, на скачках участвуют

милицейские лошади. Милиция по местным традициям воспитывает верховых лошадей для этой цели.

Стрельбу в честь победившей лошади, что в обычае андийцев, милиция не разрешает, неоднократно по этой причине вообще запрещались скачки, но стрельбу все равно производят. Скачки – самый большой и радостный общественный праздник. Скачками увенчивались и все остальные наиболее радостные праздники, такие как свадьба первого сына, рождение сына или выход плуга. В постсоветский период скачки снова разрешены, и их непременно устраивают в день проведения праздника «первой борозды».

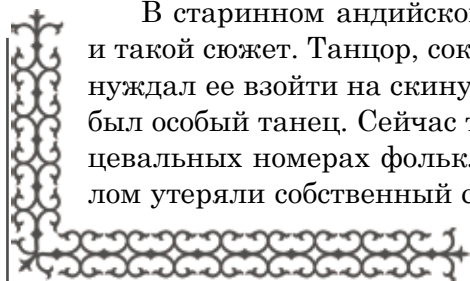
Культура танца. Дагестанские танцы в своей древней основе были коллективными, каковыми они остаются во многих обществах до сих пор. Гидатлинский танец каш, вовремя исполнения которого мужчины и женщины стоя друг за другом двигаются в танцевальном ритме по кругу наиболее характерен для народов нагорного Дагестана. Танцы народов Южного Дагестана, как и музыка, испытали влияние азербайджанской танцевальной культуры.

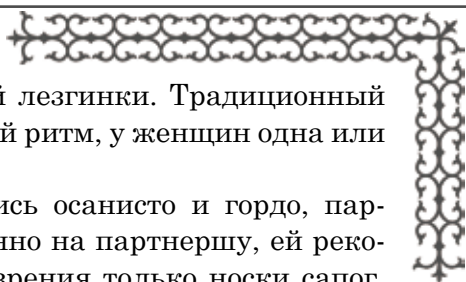
Парный танец известный как «лезгинка» танцуют повсеместно, но единственным танцем он характерен кумыкам, чеченцам, андийским народам и аварцам предгорий и хунзахского нагорья. Даргинцам и лакцам характерны танцы с отдельным рисунком, как парные, так и коллективные.

Более всего ценилось и ценится искусство парного танца, исполнявшегося на свадьбе. После обязательных танцев старших родственников – вплоть до матери и отца жениха, все внимание сосредоточивалось на лучших танцевальных парах. Они отбирались на свадьбе приглашениями, если кто танцевал неважно, его приглашали редко, а то и вовсе не приглашали. Когда танцевали знаменитые танцоры, музыканты особо старательно играли на зурне и барабане, мужчины в такт били в ладоши, подбадривая танцора.

Танцор, оставив свою пару танцевать одну, подходил к мужской группе, вдохновляющей его, и перед ними выполнял быстрый и азартный и воинственный перепляс, где показывал все свое мастерство. В другой раз сюда же он подводил свою партнершу, стремительно и быстро перекрыв ей танцем все дороги, вынуждая ее танцевать на пяточке прямо у ног мужской группы, к общему восторгу окружающих.

В старинном андийском (да и чеченском) танце присутствовал и такой сюжет. Танцор, сокращая для партнерши пространство, вынуждал ее взойти на скинутую им с плеч во время танца бурку. Это был особый танец. Сейчас такой танец можно увидеть только в танцевальных номерах фольклорных ансамблей. Ныне андийцы в целом утратили собственный старинный «андийский танец», возможно

под влиянием стремительной чеченской лезгинки. Традиционный «андийский танец» имел более спокойный ритм, у женщин одна или обе руки были подняты кверху.

Женщины во время танца держались осанисто и гордо, партнеры друг на друга не смотрели, особенно на партнершу, ей рекомендовалось держать в поле партнера зрения только носки сапог. Мужчина держал голову высоко, как, впрочем, и партнерша. Нагибать голову или корпус, как женщине, так и мужчине у андийцев не полагалось. Если же партнерша мгновенным взглядом одаривала партнера – это могло многое значить. Танцевальную часть свадьбы андийцы называли ингушским (чеченским) словом «ловзар», и нарядно одетые молодыми приглашениями на танцы обнаруживали свои симпатии, а то и знакомились впервые.

Иногда, если такое заранее готовилось, апофеозом «ловзара» был танец коня. Мужчина или юноша, в опоясанной серебряным оружием черкеске, выводил коня в серебряной сбруе и гарцевал под звуки зурны. Движения лошади подчинялись специальной мелодии, которая называлась верховой.

«Ловзар» проходил где-нибудь на общественном месте, чаще на току и являлся всецело общеаульным праздником. В современных свадьбах во время танца невесту, а иногда и любую партнершу одаривают деньгами, однако отдавая их не в руки, а бросая их на голову или на пол. Невеста или партнерша деньги не подбирает – кто-нибудь другой их вручает танцевавшей. Также слушатели одаривают деньгами приглашенных певцов и музыкантов. Никто к уплате, однако, не понуждает и размеры даров произвольны.

Кавказская бурка. Папаха, черкеска, мягкие сапоги, башлык и бурка – это неотъемлемые элементы внешнего образа кавказца. Из этого реkvизита особо выделяется наплечная бурка (*буртина* – андийское слово, в основе которого лежит тюркское название дома степного кочевника – «юрта»). И, действительно, бурку на Кавказе называли «домом за седлом». Бурка – это валяная шерстяная накидка («плащ») белого или черного цвета.

Производили ее везде на Кавказе, но только кабардинские и особенно андийские бурки считались настоящим одеянием мужчины. Ни папаху, ни черкеску, ни даже кинжал не сорвали такой богатой поэтической дани как романтический и воинственный черный плащ – кавказская бурка. Она воспета в стихах Г. Цадасы, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева и многих других поэтов.

Кавказца бурка сопровождала всю его жизнь, он рождался на войлоке, и хоронили его, накрытого буркой. А.С.Пушкин, наблюдавший сцену похорон на Кавказе, писал:

«Женщины стояли смирно.

Мертвеца вынесли на бурке

Like a warrior taking his rest

With his martial cloak around him»

(как воин, завернутый в боевой плащ, на последний его вечный покой...)

Она как дом и «индивидуальное пространство воина», защищала хозяина от холода и сабельных ударов в бою, она защищала горца от дождя и ружейных пуль. На ней совершались дуэли, и она подстилалась под ноги танцующей партнерше. Бурка одеяние мужчины, который по кавказским меркам должен иметь все мыслимые и немыслимые достоинства: щедрость, самоотверженность, мужество и храбрость, честность, верность своему слову, надежность в дружбе, доброе, покровительственное отношение к женщине. Невозможно все перечислить, но как бы их не было много, нельзя было быть хотя бы без одной из них.

Буркой разнимали мужчин, обнаживших оружие, и под буркой совершали свой последний путь. Бурка и в наше время служит как подарок друзьям, гостям и т.д. В прошлом и, можно сказать в определенном смысле и ныне, ни царские халаты, ни плащи и накидки не имели такого значения как подаренная бурка – награда и символ дружбы. Такой подарок делался индивидуально, а иногда особо почетным гостям всем обществом.

От великого дагестанского поэта Расула Гамзатова бурку в подарок получили многие деятели культуры и политики, вспомним хотя бы Фиделя Кастро, которому она была очень к лицу. Кавказскую бурку можно видеть на плечах А.С.Пушкина (авторские зарисовки), А.Дюма, Бестужева-Марлинского, М.Ю.Лермонтова (автопортрет), А. Муравьева и многих других выдающихся писателей, космонавтов, общественно политических деятелей.

Культура дагестанских народов, традиции и обычаи, созданные веками, имеют огромный заряд гуманности и человеколюбия. Гостеприимство и куначество, уважение к старшим, уважение чести и достоинства личности характерны традиционным культурам народов Дагестана. Всё эти ценности способствуют сохранению культуры мира на глубинном уровне на Кавказе.

ИНГУШИ

ДЗАРАХОВА ЗЕЙНЕП МАГОМЕТ-ТАГИРОВНА

доктор исторических наук, этнограф, профессор,
заведующая отделом этнографии

Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Галг1ай – ингуши являются одним из древнейших народов Кавказа. В основном они проживают в Республике Ингушетия, в Пригородном районе. Самая крупная диаспора ингушей проживает в Республике Казахстан, где они оказались в результате депортации (1944-1957гг), незначительная часть проживает в центральных городах России и разных регионах страны, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Все ингуши являются мусульманами. В Грузии живут бацби-тушинцы, переселившиеся из горной Ингушетии в Грузию в XVI-XVII вв., исповедующие христианскую религию.

Корни ингушского народа уходят вглубь веков. По археологическим, этнографическим, антропологическим данным, ингуши являются представителями древнейшего коренного населения Кавказа. Антропологически они являются представителями кавкасионского типа балкано-кавказской расы. Ингушский язык относится к нахской группе иберо-кавказской языковой семьи и наиболее близок к древней хуррито-урартской группе языков.

Древнейшее расселение ингушей в районе Военно-Грузинской дороги и Дарьяльского ущелья способствовало активной роли ингушей в политических и культурных движениях, охватывавших Северный Кавказ, в развитии толерантности и культуры мира в этом важном регионе.

Галг1ай (ингуши) известны в древних источниках под разными названиями: малхи, кавкасиане, хамекиты, дурдзуки, глигвы, двалы, колхи, кисты и др. С начала I тыс. н.э. на многие племена Северного Кавказа распространяется этноним *аланы*.

Тяжёлые последствия для всего Северного Кавказа имело гуннское нашествие (IV-V вв.), в результате которого изменились политическая и этническая карта, возросла плотность населения в предгорной части и в горах. Жестокие бои с татаро-монголами (XIII век), позже нашествие Тимура принесли народу неисчислимые бедствия. Была завоевана равнинная часть средневекового государства Алания, разрушены города и сёла. Жизнь предков ингушей продолжилась в тесных горных ущельях. Отгороженной со всех сторон горами, малочисленной Ингушетии приходилось отстаивать свою независимость. Всё это в условиях родовой организации объединяло ингушей ещё крепче, сковывало родовой порукой. Горы ста-

новились защитой, крепостью и тюрьмой. По мнению видного этнографа М.А.Агларова, это «привело к сохранению и консервации гражданского (демократического) состояния ингушского общества, которое превосходило восточные модели, что несли с собой завоеватели. Какие бы экономические и культурные потери не последовали после завоеваний, ингуши сохранили свой общественный строй и отношения, подобные античным общинам и достойные менталитета горцев». Предки ингушей сохранили свой язык и культуру в горах.

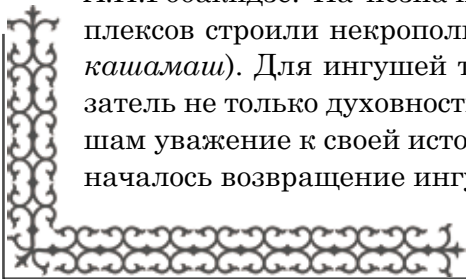
Поселения и жилища. Поселения и жилища ингушей на плоскости располагались вдоль рек Терек, Камбилеевка, Сунжа, Назранка. В горах – вдоль горных рек Фортанга, Асса, Терек, Армхи, Кистинка и др. Строительство башен в горах началось в V веке. Расцвет башенной архитектуры ингушей начался к X-XII векам. Мастеров по камню ингуши называли «тойговзанче», что в буквальном переводе означает «знающий хитрости камня». Они считались значимыми для общества людьми.

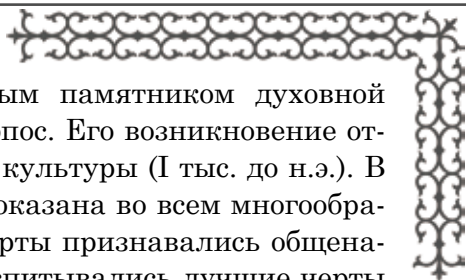
Горные поселения были невелики, и жили в них, как правило, представители одной большой патриархальной семьи. Весь населённый пункт состоял в большинстве случаев из 5-6 построек. Однако имелись и большие горные селения: Эгикал, Эрзи, Джейрах, Цори, Таргим, Хамхи и др. В них проживали представители разных родов, между которыми часто устанавливались братские отношения.

Со временем появились укрепленные башенные комплексы (*gIan*), в состав которых входили жилые (*gIala*), полубоевые, боевые башни (*воув*) и заградительные стены. Строили башни на уплощённых отрогах гор, в глубине ущелий с учётом особенностей окружающего природного ландшафта. При строительстве башни учитывалось близость водных источников, стратегическое расположение местности. Труднодоступность выбранных мест расселения была главным и решающим средством самозащиты народа.

Башенные комплексы символизировали род, честь, силу, достоинство и сплочённость. Ингушские башни являются «вершиной архитектурного и строительного мастерства. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. Особенно величественны башни с пирамидально-ступенчатой крышей. Соотношением высоты и основания ингушские башни резко отличаются от других кавказских башен», – писал

А.И.Робакидзе. На незначительном расстоянии от башенных комплексов строили некрополи из солнечных могильников (*маьлхара-кашамаш*). Для ингушей трепетное отношение к умершим – показатель не только духовности народа, но и внутренне присущее ингушам уважение к своей истории, к своим корням. В начале XVII века началось возвращение ингушей на плоскость.

Духовная культура. Значительным памятником духовной культуры ингушей является Нартский эпос. Его возникновение относится ко времени расцвета кобанской культуры (I тыс. до н.э.). В нем ярче, чем в любом другом жанре, показана во всем многообразии традиционная культура народа. Нарты признавались общенародными предками. На этих образах воспитывались лучшие черты народного характера: трудолюбие, справедливость, сила, мужество, ум и гостеприимство. Гордость, независимость и предельное свободолюбие, сопряжённые с беззаветным героизмом, проявлениями рыцарства в бою и быту, порождало к нартам симпатию, которая начиная со времён ранней бронзы, длится сквозь века и тысячелетия. В горной Ингушетии и сегодня сохраняются легенды, горные вершины и места, связанные с именами нарттов.

Прочная связь ингушей с предками сохраняется в преданиях, в жизненных позициях, в поддержании привязанности к родным местам и поселениям. Осознание особой связи между поколениями во времени обязывает каждого ингуша беречь память о прошлом и как минимум знать семь имен своих прямых предков, знать свою генеалогию, историю происхождения своей семьи и фамилии.

Высшей духовной ценностью для ингушского народа является ценность родной земли. Родина – в переводе на ингушский язык звучит: «Даькъасте», «Даьхе» (Земля отцов). Смысл этого слова ставит рядом понятия «Отец» и «Отечество». В старину говорил: «Ногами человек должен врасти в землю своей родины, но глаза его пусть обзревают весь мир!».

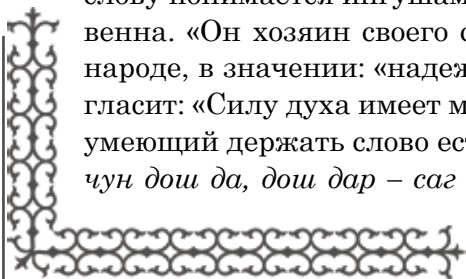
Религиозные воззрения. Стержнем сохранения любой национальной культуры являются принятые религиозные воззрения. В средневековые горцам были присущи тотемизм, анимизм, фетишизм, магия, культ предков, культ очага, солнца и др. Культ гор и горных вершин являлся яркой стороной религиозных верований. Центром, вокруг которого слагали поэтические были, сказания, легенды о всемогущих богах и героях, были горы Баш-лоам (гора Казбек), Цай-лоам (Священная гора) и Маьт-лоам (Столовая гора). Одними из значимых в горных обществах были культ плодородия Тушоли, культ Села – бога огня и молнии. Тушоли называли дочерью Дяла (Бога). Выше культовых наименований было обращение к Дяла. Обращение к Дяла подразумевало обращение ко всем остальным значимым культам:

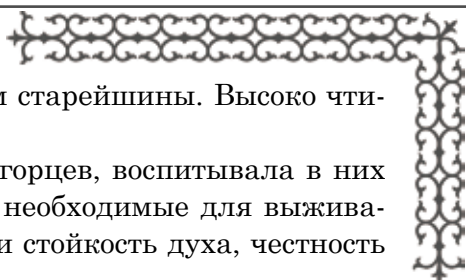
«О-о, Великий и могучий Дяла,
Фарал – благодать щедро даруй нам!
Этот год сделай мирным для нас,
О-о, Великий и могучий Дяла!».

Древнеингушское этическое учение о мироздании и благодати – *фарал*, акцентировало внимание на сохранении благополучия и гармонии. Важные события в жизни общества: создание семьи, свадьбы, поминки, скачки многое другое совершались перед памятью предков, либо при их «содействии». Во время значимых праздников, народ во главе со старейшинами шёл к склепам (в современном ингушском обществе главы семей-мужчины читают молитвы в их память в дни праздников на кладбищах, в мечетях). В минуты отчаяния и горя, голода и болезней, народ умел объединяться вокруг старейшин, перед лицом святых. «Главное – укрепить свою веру в богов... Больные должны думать о здоровых и скрывать свои болезни в солнечных могилах. Здоровые должны помнить о тех, кто уйдёт жить и умирать в эти могилы.. Сильный должен помогать слабому! Здоровый – больному! Богатый – бедному!», – говорит герой романа И.Базоркина «Из тьмы веков». Все это способствовало в известном смысле консолидации ингушского общества, поддержанию в нем традиций, сохранявшихся в идеале верности и преданности Земле предков.

Определённое место в истории религиозных верований ингушей имело христианство, которое в эпоху средневековья проникало со стороны Грузии, позже России. С XVI-XVII вв началось распространение ислама среди ингушей. В конце XVII в. Вахушти Багратиони пишет о том, что жители Ангушта исповедуют ислам суннитского толка. Массовое распространение ислама началось с середины XIX века. С появлением проповедника Кунта-Хаджи Кишиева процесс исламизации ингушей в форме кадырийского тариката суфизма завершился. Позже распространился и тарикат Накашбандия. Последними из ингушей ислам приняли (1861 год) жители ингушского с.Гвилети (гелатхой), расположенное на Военно-Грузинской дороге. Однако, в 1873 году на Столовой горе, по описанию А.Базоркина, проходило празднование с языческими традициями, в 1898 году храм Тхаба – Ерды почитался как святыня, до конца XIX века отмечался праздник в честь богини Тушоли. Некоторое время в обществе сохранялся религиозный синкретизм. В настоящее время все ингуши являются мусульманами.

Национальный характер ингушей. С раннего возраста утверждалась в сознании ингушей верность данному слову и ответственность. «Слово было камнем, и камень был словом», – пишет А.Танкиев. Верность слову понимается ингушами как высшая ценность. Эта черта сокровенна. «Он хозяин своего слова» (*Ший деша да ва из*), – говорят в народе, в значении: «надежный», «человек чести». Мудрость народа гласит: «Силу духа имеет мужчина; волевой мужчина держит слово; умеющий держать слово есть человек» (*Къонах волчун ди да, ди долчун дош да, дош дар – саг ва*). «Будьте достойными людьми» (*Эсал*

ма хиллалаи),- желали своим сыновьям старейшины. Высоко чтит понятие кодекса чести (*Эхь-эздел*).

Тяжёлая жизнь закаляла характер горцев, воспитывала в них качества сильных мужчин (*кьопахчул*), необходимые для выживания в сложнейших условиях: мужество и стойкость духа, честность и трудолюбие.

У ингушей было сильно развито чувство собственного достоинства. Они всегда знали цену уместному, обдуманному слову, и не употребляли непристойных выражений. «Оскорбление словом ингуши считают самым чувствительным из оскорблений», – писал И.Бларамберг. От каждого человека требуется сохранение умения критически оценивать каждый свой шаг и трезво смотреть на совершаемые им действия.

С детских лет перед каждым мальчиком ставилась цель – вырасти сильным, мужественным, как отец, брат (старший), или как известный человек в округе. Каждый мальчишка в свой адрес желал получить характеристику: «*Кьопах ва!*», т.е. мужчина. С этим ощущением рос и мужал, равняясь на достойных мужчин из народа. Детей учили быть выносливыми, быть защитниками своей семьи и Родины.

«Это не только твой сын. Он сын своего народа», – говорят ингуши, акцентируя внимание на важности воспитания детей достойными представителями общества. В мальчиках воспитывали мужественный дух – через образы, игры, примеры, поучительные истории. Внешний облик играл немаловажную роль. Совершеннолетний мог носить оружие и, по адату, вступать в брак. Отмечая этот возрастной рубеж, дядя по материнской линии дарил юноше коня.

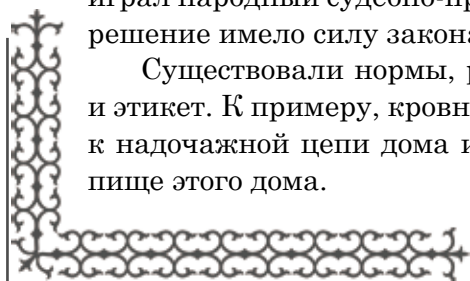
Лучшей школой мужества и отваги являлась для молодых горцев джигитовка. Лошадей готовили к состязаниям практически всю жизнь. Конь глубоко почитался в народе, и скачки ингуши очень любили. Поводы для их проведения были различны. Скачки обычно превращались в большое общенародное празднество, на которое собирались люди из разных аулов. Джигиты приводили в восторг зрителей головокружительными кульбитами молниеносной быстроты. Мастеров этого искусства можно было бы назвать акробатами. Они безукоризненно владели своим телом, выполняя различные трюки и упражнения на полном скаку. В памяти народной сохранялись имена мужественных и храбрых людей, отличавшихся мудростью и всенародным признанием: Ивизд Газд, Бархой кант, Эжи Эхк, Мухлой Баашк, Ауша Эльмарз, Оарцхал Карцхал и мн.др. О покорителях высоких вершин Кавказа из ингушского селения Гвилети слагали легенды, чемпионом мира по классической борьбе стал в начале XX века Берд Евлоев, выходец из горного селения Цори. Его называли в Санкт-Петербурге «Орлом Кавказа», далеко за пределами страны знали как «Лев Кавказа» и мн.др.

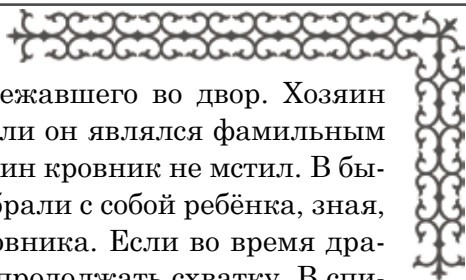
Уважение к мужественности и стойкости духа, отсутствие малодушия – становились чертами ингушского национального характера. «Высокие, с лёгкой походкой. Внешне свободные, гордые и серьёзные. В речи они пылкие, но очень быстро успокаиваются. Все их чувства проявляются искренне и открыто», – писал А.Штедер. «Храбрость воодушевляет их крепкие и энергичные тела; здравомыслие направляет их чувства», – отмечал И.Бларамберг.

Показателем жизнеутверждающего начала в культуре ингушей является то, что, пройдя через многие лишения, унижения духа ингушский народ через свою этническую культуру проводит мысль: «не озлобиться». «Мужественный человек благороден и жалостлив, трусливый – жесток» (*Денал дола саг к̄ахетамег1а ва, зовза сага к̄ъиза ва*) – такова философия жизни народа, призывающая быть всегда выше обстоятельств. Это является ценностным ориентиром в культуре народа, подчеркивающего приоритет человеческого в человеке, и как подтверждение тому постулаты ислама гласят: «Мусульманин должен быть прощающим» (*Бусалба саг к̄ахетаме хила веза*), должен сохранять благородство души. Быть благородно-воспитанным не для того, чтобы достичь каких-либо привилегий в жизни, а потому что ингуш, потому что должен быть именно таким, должен иметь признание обществом, как благородный человек (*эздий саг*).

Кровная месть. Среди горцев Кавказа, всегда вооружённых, обычай кровной мести существовал, как сдерживающий фактор от опрометчивых поступков, отступления от социальных норм. Каждый человек был в ответе за свои действия перед своей семьёй, родственным кругом. В некоторой степени, кровная месть сохраняла равновесие, не допуская безнаказанного нанесения оскорбления человеку, насилие, прелюбодеяние, увечье, тем более, убийства. Месть, прежде всего, распространялась на убийцу. Родственник, обязанный отомстить за его смерть, не принимал участие в массовых мероприятиях до тех пор, пока не настигнет убийцу. Кровная месть приводила к тяжёлым последствиям и убийствам, переходящим из поколения в поколение. Со временем народ выработал механизм примирения кровников. Как только возникала кровная месть, в обществе предпринимались меры по мирному разрешению ситуации. Нередко народные суды решали вопросы, связанные с кровной местью. Устанавливалась цена за прощение крови. Неоценимую роль в вопросах установления мира играл народный судебно-правовой орган Мехк-кхел. Вынесенное им решение имело силу закона.

Существовали нормы, регулирующие права кровников, защиту и этикет. К примеру, кровник был в безопасности, если прикоснулся к надочажной цепи дома или обвил её вокруг себя, прикоснулся к пище этого дома.

Нельзя было убивать человека, забежавшего во двор. Хозяин дома должен был его защитить, даже если он являлся фамильным кровником. В присутствии детей и женщин кровник не мстил. В былые времена, когда шли в лес по дрова, брали с собой ребёнка, зная, что его присутствие остановит месть кровника. Если во время драки противник упал, этикет не позволял продолжать схватку. В спину не стреляли, считая это ниже своего достоинства. Кровник, соблюдая этикет, нередко покидал родные места и уходил в соседние районы жить. Виновная сторона не проводила ярких торжеств. Убийца сам никогда не ходил на веселье, даже вдали от своих мест.

Кровная месть многими прощалась в годы тяжёлых испытаний для народа. По воспоминаниям старейшин, в годы Великой Отечественной войны, кровники сами шли к тем, кого должны были преследовать и говорили: «Я прощаю тебе кровь. Война – это общее горе». В 1944 году по пути следования народа в Казахстан и Среднюю Азию (депортация 1944-1957 гг), люди прощали друг другу кровь. Во время остановок, человек, желающий простить кровь, шёл от вагона к вагону, спрашивая громко «Есть ли представители таких-то фамилий? Передайте, что я прощаю кровь».

Нельзя сказать, что обычай кровной мести искоренён. В меньшей степени, чем в прошлом, но он продолжает сохраняться. Он напоминает о том, что жизнь и судьба человека бесценны, и любое посягательство на них недопустимо. В ингушском обществе есть глубокое понимание того, что нужно максимально противодействовать возникновению кровной мести, ибо все семьи взаимосвязаны сетью родственных взаимоотношений, и в случае возникновения кровной мести, в число кровников попадают родственники по отцовской и материнской линии. Потому прощение кровника «Во имя Аллаха» считается богоугодным делом, и в этом принимают участие уважаемые в обществе люди. В наши дни в Республике Ингушетия работает Примирительная комиссия, которая добивается хороших результатов, способствующих мирному согласованию спорных и конфликтных вопросов.

Общественный быт ингушей. Жизнь ингушей была строго регламентирована. Она подчинялась неписаным нормам и правилам горского обычного права (адата).

Издrevле в ингушском обществе существовал своеобразный орган управления, сочетавший в себе функции высшего органа законодательной и судебной власти *Мехк-кхел*. Мехк-кхел обладал высшей демократичностью. Собирался совет, как правило, в окрестностях почитаемого храма Тхаба-Ерды. Под сводами Тхаба-Ерды решались вопросы войны и мира, власти и экономики, религии и культуры. Отсюда уходили вооружённые дружины на войну и в походы, здесь проходили общенародные сходы и

сбор ополчения для защиты страны, здесь вершили свой суд старейшины «Мехк кхел».

Мехк кхел был строго выборным и верховным органом союза всех общин, составлявших Ингушетию (*Г1алг1айче*). Таким образом, Ингушетия осуществляла своё собственное самоуправление. У неё были развиты определённые ступени общественного устройства: «Глава тайпа» (*тайпан да*), «Совет общества» (*Ерда кхел*), «Совет странь» (*Мехк-кхел*). Тамада *Ерда-кхел* выдвигался в *Мехк-кхел*. В основном это были люди, умудрённые большим жизненным опытом, помимо наличия у них природных качеств: ума, мужества, благородства. Их называли «большие люди» (*бокхи нах*), в значении их высокого статуса. Это не обязательно могли быть только старцы. К категории «бокхи нах» относили и тех молодых людей, которые достигли в обществе признания, благодаря своим умственным способностям и духовному просвещению.

Совет «Мехк кхел» имел консолидирующее значение. «В особо сложные периоды жизни народов Северного Кавказа совещательная и миротворческая деятельность Совета нередко была направлена на решение общекавказских проблем. В компетенцию Совета страны входило формирование основных стратегий внутренней и внешней политики, члены собрания решали правовые вопросы общества, занимались проблемами преодоления общественных и политических противоречий, препятствующих прогрессивному развитию народов. Поэтому на собрания Совета часто приглашались представители соседних народов Грузии, Осетии, Чеченских обществ», — пишет Ф.Албакова.

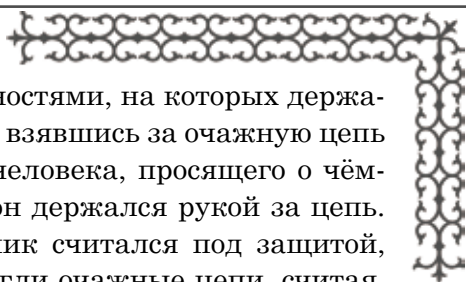
Исполнение решений Совета было обязательным для всех ингушских обществ. Об этом совете Б.Далгат писал: «Ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого не смогут мечтать когда-либо цивилизованные народы мира».

Старейшины, наиболее прославившиеся своею удачливостью или своею многочисленной родней, поддерживали единодушие в обществе. «Единство народа крепче камня» (*Адамий барт кхерийла ч1оаг1аг1а ба*), — говорили в народе.

Народ соблюдал традиции и обычаи, сохранял духовный потенциал жизнестойкости, толерантности, и уже в последующей истории народа ни условия крайнего малоземелья, ни попытки политического и духовного порабощения не могли разрушить его традиционную жизнеспособность.

Очаг. Издревле ореолом святости был окружён у ингушей семейный очаг. Очаг (*кхуврч*), согласно народному сознанию ингушей, кроме древнего культа огня, символизировал собой семейное единение, культ предков. Находился очаг ближе к центральной части помещения с отверстием наверху для выхода дыма. Огонь в очаге,

котёл и надочажная цепь являлись ценностями, на которых держалось благополучие семьи. Слово, данное, взявшись за очажную цепь рукой, являлось клятвенным. Просьбу человека, просящего о чём-либо, нужно было удовлетворить, если он держался рукой за цепь. Убегающий от преследования преступник считался под защитой, если он держался за цепь. Ингуши берегли очажные цепи, считая, что надочажная цепь «олицетворяет собою обилие, радость, покой, чадородие и вообще благословение на данный дом». У семейного очага решались важные вопросы и исполнялись обрядовые ритуалы в жизни семьи.

Очаг и огонь считались самым священным местом в доме. В нартском эпосе герои при встрече приветствовали друг друга словами: «Пусть огонь ваш не угаснет». Поскольку в традиционных культурах дом являет собой образ Вселенной, считалось, что солнечный мир (*маьлха дуне*) и подземный мир (*1ел дуне*) соединяются через опорный столб и очаг, которые находятся в центре жилища.

Культ домашнего очага имел у ингушей общественное и нравственное значение. Прикосновением к очажной цепи происходил ввод невесты в новую семью. Сегодня невесту вводят в комнату, где горит огонь (*наьна ц1а*), т.е. в кухню. Культ домашнего очага подразумевает сохранение семейных традиций и родственных связей, единство и память о предках.

Семья и семейный быт ингушей. Создание семьи у ингушей является важной ступенью, как в жизни молодых, так и их родственников, вступивших в новые взаимоотношения друг с другом, и обязанных поддерживать эти узы родства на протяжении жизни. Семья является важным социальным институтом общества. «Семья – это корень, питающий народ. Добропорядочность народа, его сознание, честь, достоинство, здоровый образ – всё это результат того, как каждый в отдельности воспитывает семью», – писал А.Айдамиров.

Самым старшим и почитаемым в семье является отец семейства, старший мужчина в доме (*цен-да*). Уважение к мужчине, к защитнику семьи и народа, сохраняется в этикете ингушей. Женщина-ингушка никогда не пересекает дорогу мужчине. Уважение к мужчине, к его высокой ответственности, передаётся младшим поколениям. Старшей женщиной в семье, имеющей важную роль в формировании духовного климата, является хозяйка дома (*цен-нана*). За женщиной сохраняется понятие «хранительница семейного очага», что подразумевает воспитание в детях традиций и обычаев народа, скрепляющих семью, общество.

Рождение детей отмечали торжественно, особенно рождение мальчиков. Многодетные и большие семьи, широкий круг родственников вызывали одобрение. «Это хорошо, когда много родни» (*Наьха дикал – цар дукхала*), – говорят ингуши.

Основу семейных отношений составляют отношения между родителями, и между родителями и детьми. Родители для детей – высший авторитет. Родители подают пример своим детям соблюдением традиций и обычаев народа, искренностью гостеприимства, участием в общественной жизни. Поначалу, дети неосознанно копируют их, совершают многие поступки, потому что так поступают старшие. Согласно правилам семейной этики, ингуши не называют по имени мать, отца, деда, бабушку. Обращение к матери звучит: «*нана*», к бабушке – «*нани*», к отцу – «*дада*», к деду – «*дади*». Во взаимоотношениях родителей и детей не должно быть панибратства. Глядеть глаза в глаза (*Бларг бларга тла оттабаь*) отцу, матери, старшему ингуши считают неэтичным.

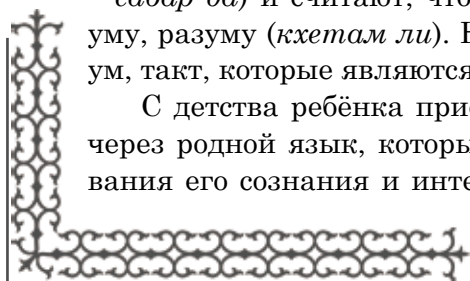
Согласно нравственному идеалу, семейный долг – это родительский долг по отношению к детям и тесно связанный с ним сыновний и дочерний долг, являющийся как бы его оборотной стороной. Почтительное, заботливое отношение к родителям, умение чувствовать их и беречь, с честью выполнять обязанности членов семьи является святым долгом для детей. Почтение, уважение к родителям и старикам воспитываются у ингушей как необходимые качества характера. При появлении родителей и всех взрослых дети встают в полный рост. Где бы ни находились они – дома, в учебных заведениях, в транспорте, они обязаны соблюдать эти этикетные нормы.

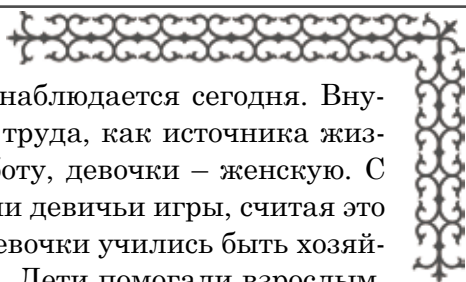
С заботой о родителях дети взрослеют, создав свои семьи, они первым своим долгом считают внимание к родителям. Взрослые дети начинают своё утро с вопроса о том, как самочувствие родителей. Женатый сын, живущий в своём доме, делая покупки, всегда учитывает родительскую долю и приносит её матери и отцу. Возвращаясь домой с работы, из дальней поездки, взрослые дети в первую очередь идут к родителям, делятся с ними своими успехами, и только после этого идут в свои комнаты (дома).

В воспитании детей ингуши никогда не применяли жёстких правил, суровых наказаний или побоев. Воспитание убеждением, словом считается более достойным и приемлемым. «Если бить ребёнка, то он теряет чувство собственного достоинства» (*Бера етташ хилча, дог эш цун*), – гласит народная мудрость.

Ингуши высоко ценят мудрость, знания, выдержку: «Горы озаряются солнцем, человек умом (*Лоамаш сийрдадоах малхо, саг – хьаькьало*), «Вершиной ума является терпимость, неторопливость» (*Хьаькьала корта – сабар да*) и считают, что ребёнка надо с раннего возраста учить уму, разуму (*кхетам ли*). Ничто в человеке так не ценится, как его ум, такт, которые являются критерием оценки личности человека.

С детства ребёнка приобщали к своей национальной культуре через родной язык, который являлся важным средством формирования его сознания и интеллекта. И происходило это естественно,

а не на уроках родного языка, как это наблюдается сегодня. Внушалось уважение к труду и понимание труда, как источника жизни. Мальчики выполняли мужскую работу, девочки – женскую. С раннего возраста мальчики игнорировали девичьи игры, считая это недостойным для будущего мужчины. Девочки учились быть хозяйками дома, подражая матери и бабушке. Дети помогали взрослым, со временем проявляли инициативу и овладевали секретами прикладных ремёсел. Трудовое и физическое воспитание в ингушских семьях дополняли друг друга. Нравственное и эстетическое воспитание проявлялось во внешней культуре, в умении следовать установленному в обществе этикету и красивым правилам поведения. Всё это было вплетено в жизнь и быт семьи и общества. В самых добрых пожеланиях ингуши говорят: «Пусть вырастет у вас достойное потомство!»

Трудовая взаимопомощь «белхи». Ингушам по своей культуре характерна жизнь, полная труда и достатка, уверенности в себе и в том, что они могут помочь другим морально и материально. Характер немецанской ментальности обуславливал готовность ингушей в любое время прийти на помощь к тому, кто оказался в беде, не требуя вознаграждения. Аналогичный институт мы видим и в культуре других народов Северного Кавказа.

В течение многих веков горцы выработали в себе эстетическое чувство прекрасного, благородного и бережного отношения к образу своей жизнедеятельности, к труду. «Ингуши славятся своим трудолюбием», - писали кавказоведы. С трудолюбием, душевной щедростью, жизненной мудростью, умением быть полезным и нужным обществу, ингуши связывают понятие благодати. Отсюда и развитый институт «белхи».

Обычай трудовой взаимопомощи «белхи» уходит корнями в глубокую старину. Коллективный труд на разных исторических этапах поддерживал общество. В условиях горных склонов, чтобы выкосить на отвесном склоне траву, горцы связывались одной веревкой. Вместе строили мосты, дороги, собирались на сельскохозяйственные работы. Традиция «белхи» помогала народу выживать в трагические годы истории. Традиция взаимной поддержки выработала в народе отзывчивость на радость и чужое несчастье. В любом несчастье, особенно если семья теряла кормильца, горцы брали на себя заботу о потерпевших. Сельчане не садились к столу, пока часть еды не была отнесена в дом, где нет мужчины – кормильца. Если пожилой человек начинает какую-то работу по хозяйству, то по правилам хорошего тона соседи, друзья, юноши принимают в этом участие, и часто начатое дело закачивают добровольные помощники. Если у соседа, родственника, друга – свадьба или другое мероприятие, тут же собираются все и помогают хозяевам. На генетическом уровне зафиксирована у ин-

гушей установка – быть рядом в горе и в радости с соседями, друзьями, родственниками. Если горе в доме, то соседи открывают настежь ворота, показывая тем самым, что горе соседа – это и его горе. Все односельчане выражают соболезнование, оказывают моральную и материальную поддержку. Хлопоты полностью берут на себя родственники и соседи. Долгое время отсутствовавший в селе человек, общается с соседями, идёт в семьи, где за время его отсутствия умер человек, и высказывает соболезнование, если кто-то женился – поздравляет.

Никогда ингуш не просил милостыню. В годы депортации народа (1944-1957 г.г.) много людей погибло от голода, так и не переступив порог унижительного состояния, потому что побираться считается позором.

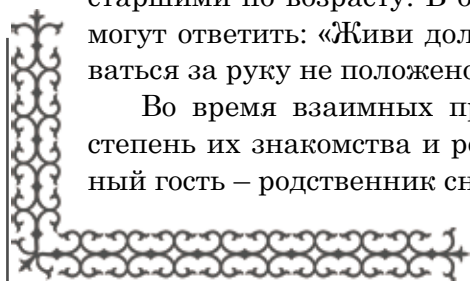
Не меньшим позором у ингушей считается наличие в обществе беспризорных сирот. Если нет близких родных по отцу и по матери, которые могли бы усыновить (удочерить) ребёнка, то в обществе возникает вопрос: «У них что, в роду никого не осталось?» Круг людей в роду, отвечающих за таких детей, определяется автоматически, согласно издавна установившимся в обществе нормам. И ингуш не имеет права не считаться с этими нормами.

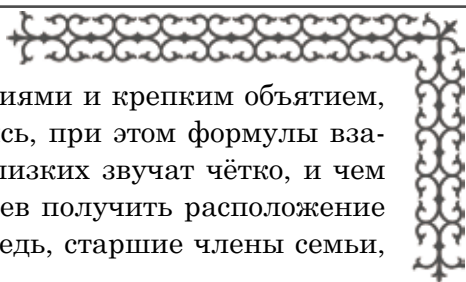
Миролюбие ингушей. Миролюбие ингушей проявлялось в том, что в повседневной жизни они старались избегать острых конфликтов, неприятных сцен, шумных споров, да и резких слов.

В давние времена верили в магическую силу слова. Особое значение придавали приветствиям и пожеланиям. Со временем этикет регулировал технику выражения приветствий и пожеланий. Для каждой конкретной ситуации выстраивались наиболее приемлемые формулы приветствий. К примеру, мужчины, здороваясь, обнимаются «сердцем к сердцу», выражая тем самым чистоту помыслов, сердечность и искренность в отношениях друг к другу, что говорит о дружелюбном и открытом характере ингушей. Звучат приветствия: «Асалам аллейкум!»; «Ва, аллейкум салам!». Затем звучат вопросы о здоровье родных и близких, на что традиционно каждый отвечает положительно.

Согласно этикету ингушей, во время приветствий, младший никогда не подаёт руку для приветствия старшему. За руку здороваться могут ровесники. Несмотря на то, что нормы ислама позволяют это делать, в обществе придерживаются давних традиций и сохраняют субординацию перед старшими по возрасту. В ответ на приветствие младшего, старшие могут ответить: «Живи долго!» (Дукха вахалва!) Женщинам здороваться за руку не положено.

Во время взаимных приветствий ингушей можно определить степень их знакомства и родства. Если приветствуют *захал* (почётный гость – родственник снохи или замужней дочери) или дальнего

гостя, мужчины здороваются рукопожатиями и крепким объятием, женщины здороваются, слегка обнявшись, при этом формулы взаимных вопросов о здоровье родных и близких звучат чётко, и чем артистичнее, тем больше шансов у хозяев получить расположение гостей. Приветствуют их, в первую очередь, старшие члены семьи, родственники и соседи.

Если гость – сосед или односельчанин, то ритуал приветствия и вопросы о жизни могут звучать кратко. Если здороваются близкие родственники, то достаточно просто проговорить приветствие, при этом младший должен первым поздороваться. Формулы приветствий здесь можно сокращать до одного, двух слов: «Как вы? Все в здравии?» (*XIam de? Massавара могаши ве?*).

В повседневных встречах приветствуют словами: «Пусть добрым будет утро (вечер)!» (*Йири (сейри) дик хийла шун!*), – в зависимости от времени дня. После взаимных вопросов о жизни и здоровье родных, особенно, старших членов семьи и детей, говорят: «Чем могу быть полезен? Я готов оказать услугу» (*XIама йише? Г1улакхаг1а кича вакха со!*). Это не просто формальные высказывания, а обязывающие установки долга. У человека, оказавшегося вдали от родины, желание оказать услугу и быть полезным ещё более усиливается. Прощаясь друг с другом, говорят: «Живите с миром!» (*Маьриша дахалда шоа!*). Провожающие желают: «Приезжайте к нам чаще! Счастливой дороги!» (*Дог1аша хийла! Дикача наькхада хилда!*).

Отсюда, мы можем делать вывод о том, что важным условием в воспитании человека является не только освоение принципов ингушской этики, но и знание этикета и умение проявлять это в формулах сложившегося речевого этикета и благожелательности. Языковое богатство речи даёт такую возможность.

Эздел. Ядром ингушской культуры является *эздел*. *Эздел* (ингушская этика) – это мораль и нравственность, воспитанность и благородство, этика и философия жизни народа.

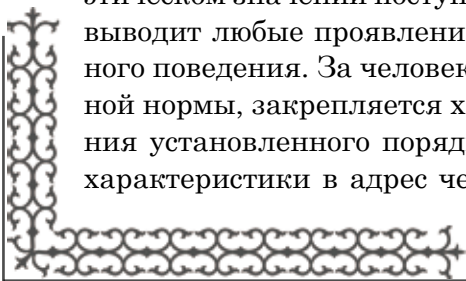
Уникальный комплекс морально-этических и эстетических правил *эздел* прививаются ингушам с раннего детства. Структура *эздел* состоит из таких понятий как терпение (*сабар*), добросовестность, скромность (*эхь*), осознание долга, уважение к людям (*бехк*), достоинство (*юхь*), щедрость (*камоаршал*), мужество духа (*денал*), вежливость, культура поведения (*г1улакх*), соревновательность (*яхь*) в стремлении к лучшему проявлению духовных и созидательных качеств. «Если теряешь одно из этих качеств, теряешь всё», – говорят ингуши. «*Эзди нах* зачастую имели звание *sidola nah* (благочестивые, сиятельные люди). Si в переводе с ингушского языка – чистый дух – честь, *dola* – обладающий, то есть живущие по законам чести, благочестивый. О чести, как о высшем нравственном культе, пове-

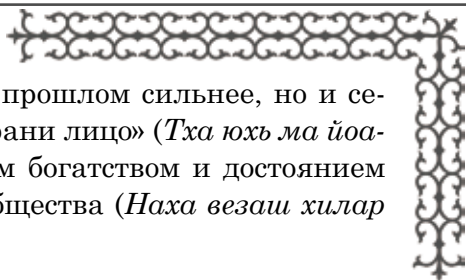
ствуется притча «Утерянную честь не вернуть». В ней говорится следующее: «Когда-то дружили Вода, Ветер, Огонь и Честь. Они всегда были вместе, но как-то им необходимо было на время разойтись, чтобы каждый мог заняться своими делами. При расставании стали они рассуждать, как им вновь найти друг друга. Вода сказала, что её можно найти там, где растёт камыш. Ветер сказал, что он всегда находится там, где трепещут листья. Огонь отметил, что его можно найти по идущему вверх дыму. Лишь одна Честь стояла молча. Поинтересовались, почему она не называет своих признаков. Она сказала: «Вы можете и расходиться, и вновь сходиться, а мне это не позволено. Тот, кто однажды расстался со мною, расстался навсегда и более со мною не встретится».

Sidola nah являлись служителями высокого духовно-нравственного сознания народа, хранителями и проповедниками ингушских обычаев – национальной культуры (*адмий оамал*), национального лица (*адмий сибат*), национального языка (*адмий мотт*), – пишет Б.Харсиев.

Важную часть духовной культуры народа занимает нравственная сторона. Издревле в ингушской среде примером для подражания служили достойные мужчины (*дика кьонахий*), достойные женщины (*дика истий*), достойные девушки (*дика мехкарий*), благородные и достойные юноши (*яхь йола кегий нах*), отличившиеся высоким благородством и нравственными поступками. «Красота человека – в нравственности» (*Саги хозал – дика оамал*), «Красота – до обеда, доброта – до смерти» (*Хозал-делкъелца, дикал – валлалца*), – говорят ингуши.

В сознании ингуша заложен некий идеальный образ, в стремлении к которому он поднимается в самосовершенствовании. Собственное несоответствие идеальному вызывает массу порицаний в его сознании. Каждый ингуш в нравственном ответе за взаимоотношения с людьми, он не замкнут в узком кругу своей малой общности, и не видит необходимости что-либо менять в сложившихся человеческих связях. Ингуши большое значение придают родственным связям. Каждый ингуш – часть единого целого в близкой системе фамильных родственников, и свою индивидуальность обязан был подтягивать до установок общества, которым обязан следовать каждый его представитель. Понятие «Иметь чистые мысли и намерения» (*Уйла – нигат цIена хила деза*) входит в кодекс ингушской чести и, тем самым, имеет статус этнической ценности, нравственного закона. Для ингушского кодекса чести традиционна установка – думать об этическом значении поступка. «Силовое поле» этических требований выводит любые проявления малодушия, гордыни за рамки достойного поведения. За человеком, однажды отступившим от нравственной нормы, закрепляется характеристика «неустойчивый». Требования установленного порядка действуют во всём. Благопристойные характеристики в адрес человека одновременно распространяются

и на семью, и на фамилию. Поэтому, в прошлом сильнее, но и сегодня можно слышать напутствия: «Сохрани лицо» (*Тха юхь ма йоагаелахь*). И в наши дни самым большим богатством и достоянием ингуши считают заслужить уважение общества (*Наха везаш хилар доккха рузкъа да*).

Уважение к старшим. Уважение к старшему заложено в самом менталитете ингушского народа, и по праву является одним из основных столпов ингушской моральной этики (*эздел*). Говоря о благополучии в семье и в обществе, ингуши говорят, что здесь соблюдается принцип «Старшему – почести, младшему – уважение» (*Воакхачун – воакхагIал, зIамагIчун – зIамагIал*). Именно это условие является критерием гармонии семейных и общественных отношений в ингушском обществе. В ингушских семьях принцип старшинства имеет место между детьми, между детьми и родителями, между супругами и их родителями, между мужем и женой, между женами в полигамной семье, между невестками, между гостем и хозяином.

Все члены семьи: сыновья, дочери, снохи, внуки с почтительностью относятся к старикам. «Дом в котором есть старики – богатый дом» (*Боккхий нах чу бола цIа – дIаьхий цIа да*), «Иметь старика в доме – большое счастье» (*ЦIагIа воккха саг хилар ираз да*), «Со стариками – изобилие и благородство» (*Боккхача нахаца – беркат да*), – говорят ингуши. В будни и в праздники дом, в котором есть старики, бывает наполнен гостями. Во время общения, старший обычно находится в центре. Старшего все слушают, не перебивая. Во время передвижения по улице, старший занимает почётную правую сторону, если группа людей – центральную часть. Старший должен вести себя предельно корректно и мудро.

С особой любовью тянутся к старикам их внуки. В их воспитании общение со стариками имеет особое значение. Мир открывается им глазами человека, имеющего опыт и знания. Внуки узнают важные для себя сведения, особенно относительно того, что касается семьи и рода: кто они по отцу и матери, кем были их предки, где жили и чем славились. Своим примером, своевременным тактичным советом старики направляют внуков по достойному пути.

Старики – это естественное пополнение сословия учителей. Дедушка, и особенно, бабушка являются главным звеном в механизме передачи этнических, религиозных и иных традиций молодому поколению. Личным примером достойного поведения они подают пример своим. В культуре общения со старшими, с родителями обычай ингушей требует выдержанности, скромности.

Народная мудрость гласит: «Кто чтит отцов, тот возвышает свою честь» (*Давь сий дечо ший сий хьалдоаккх*). Неуважение к старости считается по-

роком. Уважение и почитание старших – это унаследованный от предков, «усвоенный с молоком матери» благородный этический обычай горцев. Ингуши говорят: «В семье, в обществе, где уважают и почитают старших, царствуют согласие и любовь (*барт, безам*)».

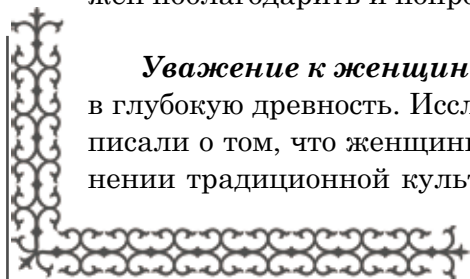
Уважение к старшим людям проявляется у ингушей, прежде всего, в том, что самые значительные вопросы в жизни семьи, общества ингуши не решают без их непосредственного участия. Общество, считаясь с самой старшей по возрасту социальной общностью, активизируя их социальную роль, тем самым способствует их комфортному состоянию в обществе. Это возможно, в свою очередь становится одной из причин наличия большого количества долгожителей у ингушей. Этому способствует и разумный семейный уклад, в котором воплотилась вековая мудрость народа. Ингушское общество не допускает самой мысли о существовании домов престарелых, где находились бы старики, считая, что для человечества одинокие старики в домах престарелых – это результат подорванности корней традиционного жизнеустройства народа.

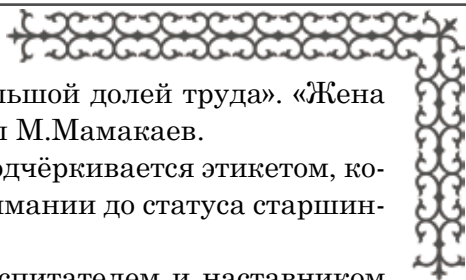
Этикет почитания младшими старших разработан до мелочей. В самых многолюдных застольях за одним столом не могут сидеть отец и сын, дядя и племянник, старший и младший братья, между которыми большая разница в возрасте. В присутствии старших младшие не должны вести себя бестактно. В пути, в транспорте, в любом общественном месте, дома, на улице младшие должны уступать место старшим. Если на улице, в общественном месте сидят почтенные люди, проходящий должен с ними поздороваться, даже если они незнакомы. Когда мимо сидящих молодых людей проходят старшие, сидящие должны встать и ждать, пока те не пройдут.

Ментальность ингушей не позволяет развязности при старших. Курить, а тем более употреблять спиртные напитки в присутствии стариков, родителей, дядей, тетей, старших братьев недопустимо. В позе, жестах, в силе голоса, в темпе речи во время общения со старшими, не должно быть панибратства.

При появлении старшего следует немедленно встать и повернуться лицом к нему. Встают, когда человек заходит, встают каждый раз, даже если человек многократно заходит и выходит из комнаты. В качестве высоких идеалов ингуши приводят примеры из жизни пророков, которые вставали даже при виде маленького ребёнка. Старший непременно должен поблагодарить и попросить сесть.

Уважение к женщине. Традиция почитания женщины уходит в глубокую древность. Исследователи Б.Далгат, Н.Грабовский и др. писали о том, что женщины-ингушки играли важную роль в сохранении традиционной культуры, «пользовались большими правами

и свободой, хотя и были обременены большой долей труда». «Жена была не служанкой, а хозяйкой», – писал М.Мамакаев.

Роль женщины в ингушской семье подчёркивается этикетом, который поднимает её в уважительном внимании до статуса старшинства.

Женщина-мать является первым воспитателем и наставником ребёнка. Она даёт представления о мире, жизни, людях, нормах поведения. Первая нравственная высота, которую дети постигают уже в начальные годы жизни – это любовь и уважение к матери, отцу. Именно мать бережёт добрые взаимоотношения между детьми, какой бы большой не была семья, умеет объять своим материнским чувством одновременно всех и каждого, детей и внуков. Мать может любить и прощать своего ребёнка бескорыстно, всем сердцем любя. Он остаётся для неё ребёнком в любом его возрасте. Меняя внешне своё отношение к нему, соответственно возрасту, в мыслях она продолжает оберегать и любить его так же, как и в детские годы, заботится о нём. К женщине-матери, воспитавшей хороших детей, достойных членов общества проявляют уважение самые почтенные старейшины из народа.

Этикетные взаимоотношения в семье регулирует мать. Если где-то детьми совершён проступок, мать старается сама сделать замечание детям, устранить нарушение этической нормы, не доводя дело до отца и его прямого обращения к детям. Взрослым сыновьям отец сам делает замечание. В присутствии женщины неприлично ссориться, тем более сквернословить, курить, кричать. В далёком прошлом даже самый жестокий поединок прекращался, если женщина, прося об этом, снимала головной платок. Если мужчина оказывался попутчиком женщины в дороге, он обязан был её опекать. Такое отношение сохраняется в этикете и сегодня. Согласно этикету мужчина идет впереди женщины. У этого обычая древние корни. В старину на узкой горной тропе могли быть опасные встречи со зверем, грабителем и др. Мужчина шел впереди своей спутницы, готовый в любую минуту её защитить. Большим грехом считается у ингушей недобрый взгляд в сторону своей матери.

Особым почитанием пользуются у мужчины родственники жены. По отношению к теще зять обязан соблюдать нравственные требования повышенного порядка. Только в ингушском обществе зять не встречается с тещей, ибо общение друг с другом «сокращает дистанцию». В ингушском нравственном сознании нет нормы, посредством которой зять мог бы выразить своё почтение к ней, что не снимает с него ответственности в оказании внимания в жизненных ситуациях опосредованно.

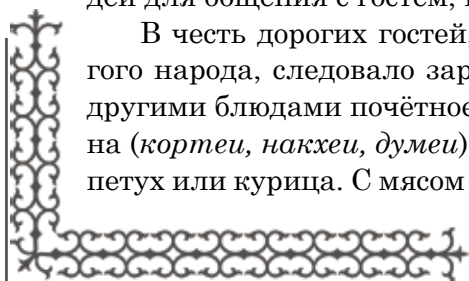
Гостеприимство. Согласно вековым ингушским традициям гостеприимство является священным законом, обязательным для всех. О госте-

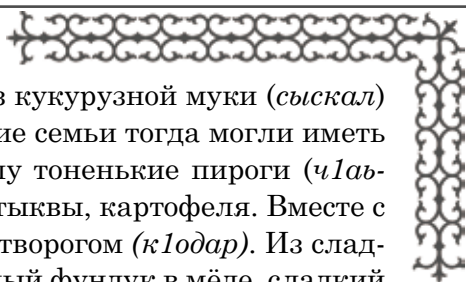
приимстве ингушей, как отличительном свойстве их национальной души писали ученые и писатели XVIII-XIX веков, которые на своем опыте могли судить о щедрости и радушии ингушского характера. На Кавказе издревле сложились единые для всех горцев ценности: «Гость – лицо священное». На гостя смотрели как на «Благодать от Бога» (*Даьла беркат*). В давние времена гость являлся и носителем информации о жизни в других регионах, о незнакомых культурах. Дом, в который приходит много гостей, в представлении ингуша, является наиболее почётным и благородным. «В этом доме всегда бывают гости!» (*Хьаьша-да дика тIа эца ков да из*), «Кто не любит гостей, того Бог не любит» (*Хьаьша ца везар – Далла а везац*), – говорят в народе. Забота о госте, как и семейный долг, входит в этический кодекс ингушей. Для приема гостей мало-мальски зажиточный человек имел особое помещение – кунацкую (*хьаьша цIа*). И сегодня у ингушей гостиную комнату называют *хьаьша цIа*. Интерьер кунацкой создавался с учётом того, чтобы гостю было приятно находиться в этом помещении.

Гости делятся на несколько категорий: соседи, родственники, сослуживцы по работе, приехавшие издалека гости или представители другого народа. Родственники, имеющие близкое родство и проживающие рядом, мыслятся членами семьи. На них распространяется обязанность по достойному приёму гостей. Если же гость приехал издалека или является представителем другой фамилии, народа, то встреча и приём гостя становятся частью долга и ответственности всех членов семьи и соседей. «Сосед ближе далеко живущего родственника», – говорят ингуши, интегрируя этикетные обязанности в различных жизненных мероприятиях. Если хозяин испытывает в чём-либо недостаток, то он без колебаний обращался к родственнику или соседу за помощью. Родственники и соседи сами заботились о том, чтобы хозяин не уронил достоинства перед гостем.

Достойный приём гостя – это было первое правило, которое прививали с детства каждому человеку. Ингушам нравится приглашать к себе гостей. Любой сложный церемониал взаимной обходительности с людьми завершается у ингушей приглашением их к себе в гости. Одна из главных обязанностей хозяина, принявшего гостя, – это защита его жизни, чести и имущества от посягательств со стороны кого бы то ни было, иногда даже с риском для собственной жизни. В каждом доме принято отдельно хранить угощение для гостей (*хьаьша даар*). Изысканный прием, оказываемый гостю, имеет самые разнообразные проявления. Нередко приглашают соседей для общения с гостем, готовят специальное угощение.

В честь дорогих гостей, в первую очередь, представителей другого народа, следовало зарезать барана и подать вместе с мясом и другими блюдами почётное блюдо: голову, грудинку и курдюк барана (*кортеи, накхеи, думеи*). Вторым по значимости является индюк, петух или курица. С мясом подают галушки из кукурузной или пше-

ничной муки и чесночный соус. Чурек из кукурузной муки (*сыскал*) в прошлом подавали вместо хлеба. Редкие семьи тогда могли иметь в доме пшеничный хлеб. Подают к столу тоненькие пироги (*чIаь-пилгаи*) с начинкой из творога, зелени, тыквы, картофеля. Вместе с *чIаьпилгаи* – соус из топлёного масла с творогом (*кIодар*). Из сладких блюд готовили халву (*хьовла*), жареный фундук в мёде, сладкий хворост (*зовкаи*), чай из разнотравья.

Пища, этикет принятия пищи являются скрепляющими элементами в отношениях сотрапезников. Интересным представляется этикет застолья. Кодекс вежливости проявляется в рассаживании принимаемых людей за столом, в том, как сотрапезники уступают друг другу более почётные места. В прежние времена ингуши трапезничали за невысокими круглыми столами на трех ножках (*шу*). На массовых семейных торжествах предпочтение отдавали большим круглым столам. Как правило, вместе трапезничали нечётное число людей (5, 7 и более).

В любом застолье, от рядового до праздничного, обязательно наличие тамады. Тамадой у ингушей избирался старший, но с обязательным знанием ингушских застольных традиций, и, желательно традиций тех лиц (представители других национальностей), которые могли оказаться за столом. Открывает трапезу тамада. Застольный этикет (*шун эздел*) предполагает благоговейно-уважительное отношение к пище. Это благодарственные слова-молитвы, произносимые при прикосновении к пище, сакральное отношение к пище. По окончании трапезы, тамада благодарит Аллаха за благодать, хозяев дома – за хлопоты и желает изобилия этому дому. Все повторяют негромко слова благодарности и встают из-за стола.

При прощании гость и хозяин обязательно обменивались благопожеланиями, гость благодарил за гостеприимство: «Пусть изобилие не покидает этот дом» (*Беркат ма эшалда укх фусаме*), «Пусть Бог наделит вас всеми благами, какие он дает тому, кто достойно сумел принять трех гостей» (*Кхо хьаша кхьабачоа Далла бенна бола маьл лулба хьона*), а хозяин приглашал еще раз посетить его дом и провожал ближнего гостя до ворот, дальнего – до околицы села.

Условия жизни народа несравненно изменились. Некоторые правила приёма гостя позабыты в связи с более развитым социально-общественным положением общества, но однозначно, гостеприимство было и остаётся морально-этической нормой и неписаным законом для ингушей. Гость после нескольких визитов переходил в новую категорию и становился кунаком.

Куначество. Основные принципы обычая гостеприимства передавались из поколения в поколение как нравственный долг настоящего горца. Куначество – это связь между гостем и хозяином, переросшая в дружбу.

О важности и незыблемости устоев гостеприимства и куначества говорит ингушская народная песня «Гази, сын Олдама». В ней говорится о том, что за сына Олдама ещё при жизни отца была засватана кабардинская княжна. Однажды к Гази одновременно пришли три важных известия: о том, что вечером его посетят кунаки (друзья его покойного отца из Кабарды), о том, что в это же время убийца его отца будет переходить мост и, наконец, о том, что его невесту этой ночью отдадут замуж за другого. Гази растерялся. На помощь ему пришла мать. Она сказала: «Пусть уходит твой враг: настанет час, и покарает его твоя пуля, и княжна не уйдёт от тебя, если суждено тебе жениться на ней. Но кунаков надо принять так, как принимал их всегда твой отец. Это – самое важное и неотложное дело». В этом предании подчёркивается значимость гостеприимства и куначества у ингушей.

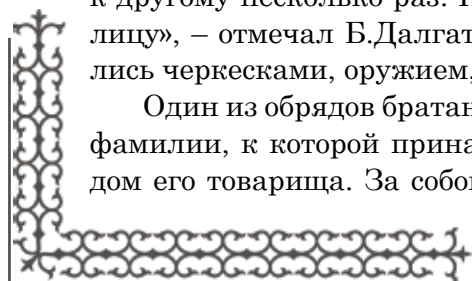
Дальний гость, кунак считался гостем не только отдельно взятого хозяина, но и всего села. Ингуши братались не только между собой, но и с другими горцами Северного Кавказа. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что институт побратимства в прошлом занимал у ингушей заметное место. Про известного в Ингушетии человека и в прошлом, и в настоящее время могут сказать, что у него есть друзья в Грузии, Чечне, Осетии, Кабарде, Ставрополье и т.д. В свою очередь, кунаки из разных мест, приехав в Ингушетию, считаются гостями этого человека.

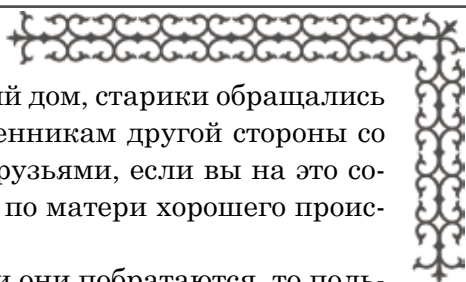
Кунаки приравниваются у ингушей к родственникам. Кунаки принимали и принимают участие в различных торжествах и событиях, проходящих в семьях друг друга. О том, что побратимы должны помогать друг другу во всех жизненных ситуациях говорится в Нартском эпосе: «Пхагал-Баьре, Колой кант и Сеска Солса были побратимы. Когда Солса бы захвачен, побратимы отбили его».

Побратимство. Искусственное родство ингуши издавна скрепляли церемониально. Кунаков могли называть «братьями, скреплёнными клятвой верности». Существовали различные ритуалы скрепления дружбы и родства. Это надрезание ладоней рук и рукопожатие «скреплением крови» и мн.др.

«При братании ингуши совершали следующий обряд: в чашку молока, водки и пива один из молодых людей бросал серебряную монету, пил из чашки сначала сам и давал пить другому. Чашка переходила от одного к другому несколько раз. Потом эту монету отдавали постороннему лицу», – отмечал Б.Далгат. При этом названные братья обменивались черкесками, оружием, папахами.

Один из обрядов братания описал Н.Яковлев. Почетные старики фамилии, к которой принадлежал один из молодых людей, шли в дом его товарища. За собой они вели быка или барана для торже-

ственного угощения. Придя в намеченный дом, старики обращались к отцу и собравшимся почетным родственникам другой стороны со словами: «Мы хотим сделаться с вами друзьями, если вы на это согласны. Наш молодой человек по отцу и по матери хорошего происхождения.

Ваш тоже из хорошей фамилии. Если они побратаются, то польза будет от этого для всей Ингушетии». «Мы согласны», — отвечали старики другой фамилии. Получив согласие, пришедшие резали быка, и хозяйка дома начинала готовить угощение. Вскоре, в комнату, где собрались старики, на блюде заносили варенные почетные части зарезанных животных (грудинку, голову и курдюк) и стакан с молоком. Приглашали молодых людей, которые до этого находились в кругу молодежи в другом помещении. Старший по летам брал стакан, опускал в него золотую или серебряную монету и говорил друзьям о значении названного братства: «Названные братья ближе всяких других родственников, даже ближе, чем единоутробные братья. В случае убийства одного из них, другой обязан мстить за его кровь, как за родного брата...». Затем оба молодых человека поочередно выпивали молоко из стакана и становились как бы родными братьями на всю жизнь. Обряд заканчивался обильным угощением. Молодежь устраивала танцы.

В побратимстве особо нуждался тот, кто по тем или иным причинам оказывался одиноким человеком. Заручившись дружбой и искусственным родством, он уже мог рассчитывать на поддержку принявшего его тейпа, в случае надобности.

И.А.Дахкильгов пишет о том, что в далёком прошлом среди ингушей был обычай «посестрия» (*наьшаи*), — это когда две девушки становились клятвенными сёстрами. В активной памяти обычай не сохранился и только в устном народном творчестве можно обратить внимание на наличие такого обычая. К примеру, герои мифических сюжетов Пхагал-баэри и Сеска Солса не вступают между собой в схватку, т.к. выясняется, что их жёны стали клятвенными сестрами, и в этом случае их мужья становятся свояками и не имеют право враждовать.

Дружба и скреплённое родство настолько близки, что если двое мужчин стали братьями, то их родные тоже входят в круг близкого родства, и уже не допускается даже мысли о брачном союзе между ними. В качестве предостережения пословица гласит: «Друг брата полюбился сестре» (*Веший доттаг1 – йиший везарг*). В 40-х гг XX века в ингушском селении Яндырка была такая история, когда Дзаам Часыгов, глубоко любивший девушку из своего села, стал для неё названным братом. Это произошло при следующих обстоятельствах. Как то Дзаам увидел, что волны разбушевавшейся реки Сунжа уносят девушку. Вдоль берега стояло огромное число растерянных людей. Тут же, на своём коне устремился Дзаам впе-

рѣд и, вступив в волны горной реки, выхватил девушку из воды и вынес к берегу. Эта была та самая Залихан из рода Мальсаговых, которую он безумно любил. Понимая, что спасая, он коснулся её, Дзаам твердо решил: «Отныне, она – сестра». Так ему пришлось расстаться с мыслями о ней и, в течение всей жизни глубоко в душе хранить свою любовь.

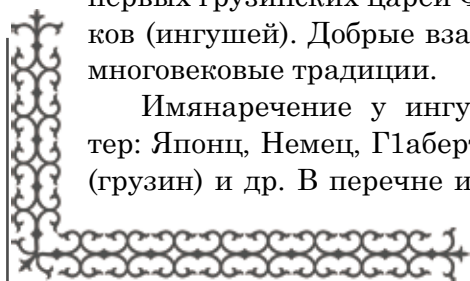
Побратимы становятся очень близкими людьми друг для друга. Они несут большие нагрузки во время проведения праздничных и траурных событий в семье кунака. Если умирал один из кунаков, то другой брал на свои плечи опѣку о его семье.

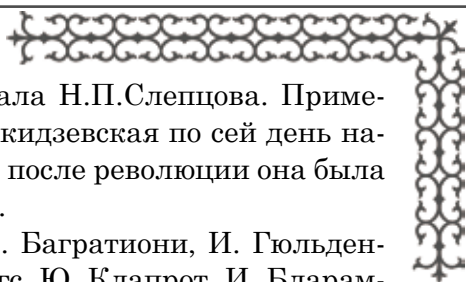
Интернациональный дух культуры. В Ингушетии с давних пор сложились добрые традиции интернационального сосуществования. Надо отметить, что горцы Кавказа всегда были заинтересованы в дружбе и взаимопонимании с народами этого края. Храм Тхаба-Ерды, который находится в центре Ассинского ущелье, являлся духовным, общественным и политическим центром ингушей. Сюда же приглашали старейшин – представителей разных народов и совместно обсуждали вопросы мира и согласия.

В обществе были широко распространены обычаи побратимства и дружбы с представителями разных народов. Уважительное отношение к разным народам заложено в национальной культуре народа, и это можно наблюдать в повседневной жизни. «Да, сохранит Всевышний мусульманина и христианина от горя» (*Дала т1а ма кхоачадолда хьо бусулбана а, керастана а*), – говорят ингуши в горе. Завершая трапезу: «Не обдели, Всевышний, пищей мусульманина, христианина и всех живущих на этой земле» (*Дала эша ма йойла хьо бусулбана а, керастана а, хьа мел кхеллачунна а*). К представителям другой национальности или вероисповедания, оказавшемся в своём кругу, ингуши проявляют уважение в большей степени.

Культура ингушского народа, имеющая глубокие, самобытные черты, находилась в постоянной взаимосвязи с другими народами. Открытость культуры и дружелюбие ингушей проявляются и в фольклоре. Так согласно одному из распространенных преданий, некто по имени Га имел двух сыновей – *Галгай* (ингуш) и *Габерте* (кабардинец), от которых и были основаны Галгаевское и Кабардинское общества. Много общего обнаруживается в ингушском и адыгском этикете. Известно, что жена одного из первых грузинских царей Фарнаваза (III в. до н.э.) была из дзурдзуков (ингушей). Добрые взаимоотношения ингушей и грузин имеют многовековые традиции.

Имянаречение у ингушей носит интернациональный характер: Японц, Немец, Глаберте (кабардинец), Глумки (кумык), Гуржи (грузин) и др. В перечне ингушской ономастики есть мужское имя

«Сипсо», данное в честь царского генерала Н.П.Слепцова. Примечательно, что ингуши станицу Орджоникидзевская по сей день называют «*Sipso-gIal*», несмотря на то, что после революции она была переименована в честь С.Орджоникидзе.

Об ингушах и Ингушетии писали В. Багратиони, И. Гюльденштедт, Л. Штедер, П. Паллас, Я. Рейнегтс, Ю. Клапрот, И. Бларамберг, А. Шегрен, В. Миллер, Н. Харузин, Ф. Горепекин, Г. Мартиросиан, А. Генко, Б. Далгат, Л. Семенов, Е. Крупнов, Н. Яковлев, В. Марковин и др. Немало произведений посвятили Кавказу классики российской литературы и учёные А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой и др.. Традиции народа и гостеприимство ингушей запомнились исследователю Д. Менделееву. Все они, пожалуй, любили Кавказ, иначе при всём научном чутье и энтузиазме, они не замечали бы той высокой культуры народа, о которой доселе не было известно российской науке.

О прочных добрососедских связях ингушей с разными народами Северного говорят многие факты и фамилии. Это братские отношения с чеченским народом, фамилии потомков ремесленников из дагестанских народов, которые некогда обосновались среди ингушей. Просветитель и инженер Ибрагим Базоркин был зятем княжеской осетинской фамилии Тугановых. Великий поэт балкарского народа Кайсын Кулиев был зятем ингушской фамилии Дахкильговых. Родословная главного редактора журнала «Ингушетия» Лейлы Тамасхановой связана с княжескими грузинскими фамилиями Дадзиане и Чочуа, кабардинской княжеской фамилией Кануковых и др. И таких примеров много.

Согласно учёному А.Максидову общее происхождение имеют ингушские фамилии Муталиевых, Гатагажевых, чеченские Хакоевых, Хакиевых, грузинская фамилия Циклаури из города Казбеги и кабардинская фамилия Гетигежевых. Есть общие фамилии у ингушей и осетин: Колоевы, Дзараховы, Цуровы, Льяновы, Дударовы и др. Свои истоки связывают с ингушами жители ряда сёл из Осетии – Саниба, Даргавс, Кобань и др., что подтверждается письменными и архитектурными памятниками культуры.

В дохристианских и домусульманских верованиях ингушей и многих народов Северного Кавказа были общие праздники и культурные ценности.

Казаки на ингушском языке звучит «*gIazkhi*», т.е. собственно «казак», и это не случайность, а национальное название. «Русских» ингуши называют «*эрсий*». Можно предположить, что это говорит о тесных контактах ингушей с этими народами. Известны многочисленные примеры дружбы и совместной службы казаков и ингушей. Генерал-лейтенант Эльберт Налгиев, полковник Николай Альдиев, Ахриев Габерт, Шамиль Батыров и десятки других генералов и офицеров прошли школу военной

науки в казачьих войсках. «Кзаки и ингуши издавна совместно решали проблемы межнационального характера», – пишет российский политолог А.А. Жариков.

В лице кавказских народов, и ингушей в частности, нашли поддержку и понимание декабристы, высланные на Кавказ в первой половине XIX века: В.Д. Сухоруков, П.А. Муханов, Е.Е. Лачинов, А.А. Бестужев и другие. «Их гостеприимный порог надежнее всякого оружия защищает странника», – писал в своих воспоминаниях П.А. Бестужев.

Открытость и доброжелательность характера ингушей проявилась в 1932-33гг. когда Ингушетия приняла и спасла жизнь многих людей из Украины от голодной смерти. В горе и радости стали родственными народы, депортированные в середине XX века: ингуши, чеченцы, балкарцы, карачаевцы и другие.

В 90-х годах XX столетия Ингушетия приняла потоки вынужденных переселенцев из сопредельных республик. Если обратить внимание на то, что это были годы становления молодой республики, то это ещё более подтверждает истинную ценность характера народа, его глубокую толерантность.

Не утерял народ ингушский основополагающих принципов своей этнической культуры. В дни и годы наибольших испытаний люди стихийно возвращаются к истокам традиций и обычаев, и в состоянии безысходности черпают в них чувства безопасности и организованности. На уровне подсознания заложены в людях установки, которые заставляют в критической ситуации вести себя так, как в таких же условиях умели вести себя их предки.

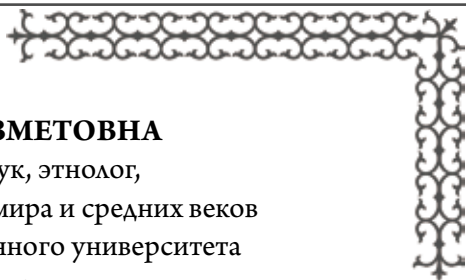
Самобытность народа проявляется в повседневной практике, в наиболее типичных для него моделях поведения, в оригинальном образе мыслей и защищается всем ритмом жизни, традициями, и потому никакие изменения условий жизни народа не могут убить реальности его национального духа. Из глубины веков ингуши пронесли, сохранив, свою культуру, свои традиции и обычаи, и в новых условиях жизни, сохраняя свою самобытность, будут жить, творить, вносить свой посильный вклад в человеческую цивилизацию!

ОСЕТИНЫ

ХАДИКОВА АЛИНА ХАЗМЕТОВНА

кандидат исторических наук, этнолог,
доцент кафедры истории древнего мира и средних веков
Северо-Осетинского государственного университета
им. К.Л. Хетагурова

Культурное наследие народов Северного Кавказа уникально и многогранно. Каждый народ, издревле проживающий в этом прекрасном крае, интересен и неповторим. Но всегда было и есть то, что совпадает в устройстве их повседневной и праздничной жизни, системе ценностей, поведенческих предписаниях и прочем, а значит, объединяет всех в самобытную северокавказскую культурную общность. Но более всего этническое сходство проявляется в тех традициях и обычаях, которые связаны с различными гранями народного общения – с гостеприимством, куначеством, побратимством, национальным этикетом. Существование общего поведенческого кода и общих культурных символов народов Северного Кавказа с определенными поправками можно признать как факт. В этом смысле рассказ о моральных и нравственных убеждениях (мужестве и чести, верности традициям, сдержанности и благопристойности, преданной дружбе), а также нормах поведения (почтение к старшему, женщине, внимание младшему, мирного разрешения конфликтов и пр.) каждого народа может отразить и прошлое, и настоящее, и даже будущее каждого из веками соседствующих здесь этносов.

Вплоть до начала научного изучения Кавказа, в массовом сознании европейцев господствовало убеждение, что кавказские горцы по природе своей агрессивны, что их поступки, образ жизни и само сознание в корне лишены духа миролюбия и лояльности, созидательного начала, как основы социального порядка и взаимопонимания. В российской публицистике 19 века кавказские сюжеты рассматривались не иначе, как в рубриках «В краю абреков», «В диком крае», «Варварские обычаи и нравы» и т.д. Что и не удивительно – военные, путешественники и прочие наблюдатели тех лет формировали свои впечатления, во-первых, с позиций европейской культуры и ментальности, а, во-вторых, в историческом контексте длительной Кавказской войны и ее последствий.

Ситуация стала меняться уже в 80-х годах XIX века. М. Ковалевский и В. Миллер, положившие начало научному изучению осетин и шире – народов Северного Кавказа смогли авторитетно разъяснить, что объективный облик горцев-осетин складывается не только из воинских реликтов. Куда в большей степени – это нормы, составляющие стремление к понима-

нию и приятию людей иной национальности, иной культуры, готовность к сотрудничеству и взаимодействию. Они распознали суть и действенное воплощение горского права, народной дипломатии, как и нравственные и моральные ценности, на которых они были основаны.

Ученые всячески подчеркивали те детали и принципы культуры общения, поведенческие правила, которые были направлены на предотвращение конфликтов любого уровня. В. Миллер, в частности, неоднократно сосредотачивал свое внимание на том, что у осетин и семейные, и общественные отношения определялись строгим этикетом и понятиями благопристойности. Следование требованиям морали, осознание приоритета общественного блага над личными эмоциями формировали основы гражданского сознания и толерантного поведения.

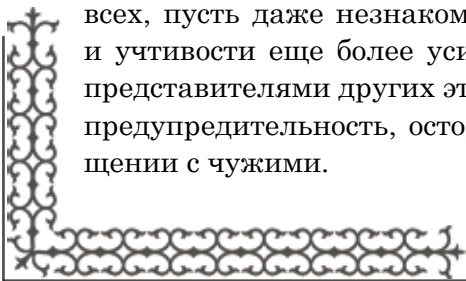
Осетины как хранители древнейшей индоевропейской архаики, но в то же время полноценные носители кавказской культурной традиции в какой-то степени создавали прецедент сближения Европы с Кавказом, по сути – гармоничного сочетания различных цивилизаций.

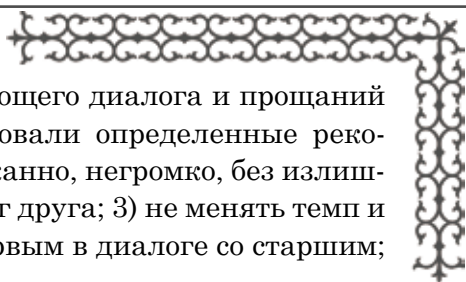
В иерархии жизненных ценностей осетин всегда колоссальное значение придавалось понятию «древний обычай, норма поведения» (*агъдау*). Это целый мир этических, эстетических, морально-нравственных категорий, создававшийся и совершенствовавшийся в течение веков. «*Агъдау*» содержит и представления о правильном поведении, идеалах, красоте, чести, отваге, благородстве, справедливости, образцах человеческой личности и деятельности.

Серьезное отклонение от его принципов (учтивость, почтительность, деликатность, лояльность, толерантность и т.д.) грозило возможностью «потерять всякое человеческое достоинство и значение в глазах даже самых близких людей, не говоря уже об обществе, которое заклеит его, раз и навсегда, своим полным презрением».

Вообще в сложившихся веками моральных убеждениях осетин положительные или отрицательные качества человека определялись тем, насколько он считался с требованиями уже упомянутого «агъдау». Очень важны были такие его категории, как стыдливость (*афсарм*), «диктуемое обычаем почтительное поведение» (*нымд*), «пристойность манер и речи» (*уаг*) и т.д.

Общение с кем бы то ни было должно начинаться исключительно доброжелательно. В частности, это выражалось в привычке приветствовать всех, пусть даже незнакомых. Требования предельной лояльности и учтивости еще более усиливались во «внешнем» общении, т.е. с представителями других этносов осетины проявляли чрезвычайную предупредительность, осторожность в словах и вежливость в обращении с чужими.

Относительно приветствий, последующего диалога и прощаний в народной культуре общения существовали определенные рекомендации: 1) говорить необходимо сдержанно, негромко, без излишнего темперамента; 2) не перебивать друг друга; 3) не менять темп и тембр речи, не заканчивать разговор первым в диалоге со старшим; 4) излишне не жестиковать и т.д.

Таким образом, в культурном наследии осетин, особенно в той его части, что касается правил «внешнего» и «внутреннего» общения отчетливо прослеживается тщательно разработанный «дипломатический регламент». Неукоснительное следование тщательно разработанным поведенческим нормам, их эстетика и зрелищная эффектность позволили Миллеру В.Ф. в XIX в. утверждать, что у осетин «этикет соблюдается строже, чем в европейских раззолоченных палацах».

Попробуем заглянуть в мир горцев-осетин этого времени. Для начала необходимо отметить, что осетинская патриархальная семья, которую наблюдал В.Ф.Миллер, являла собой целостную, обособленную систему социального порядка и могла объединять до 100 и более домочадцев. Жизнь в такой семье строилась в соответствии с определенными правилами, которые так впечатлили ученого. Обратимся к ним подробнее.

Центром традиционного жилища всей семейной общины был *хадзар* – здесь проводились семейные советы, принимались жизненно важные для семьи решения, совершались ритуально-культовые действия. Убранство *хадзара* было неизменным, оно организовывалось в строгом соответствии с нормами семейного этикета – пространство делилось на различные по назначению и степени престижности зоны: для старших и младших, для женщин и мужчин, здесь были и зоны священные (те, что связаны с культовыми представлениями), были зоны и обыденные (они обеспечивали исключительно бытовые потребности семьи). Необходимой пристройкой в каждом дворе была кунацкая – специальная, хорошо обставленная комната, предназначенная для гостей.

Все важные события осетинской семьи (свадьбы, рождение детей, прощания и встречи домочадцев, производство присяги и т.д.) сопровождалось ритуальными действиями, обращенными к очагу (*кьо́на*), который был одной из важнейших семейных святынь осетин. Он располагался в самом престижном по традиционным представлениям месте – в центре хадзара и условными перекрестными линиями делил помещение на мужское и женское пространства.

Мужчины в традиционном осетинском мировоззрении имели высокий социальный статус. Это не удивительно – ведь в условиях патриархального общества, да и много позже именно мужчины брали на себя ответственность за обеспечение мира, безопасности, за установление порядка

в своей семье, в своем селении, в своем Отечестве. В организации хадзара ведущее значение мужчин, в особенности старших, выражалось в том, что мужская его половина считалась более почетной.

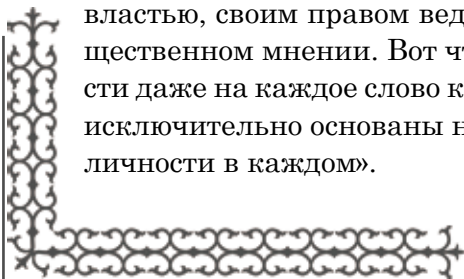
Места старших по возрасту располагались ближе к очагу и напротив, чем моложе мужчина, тем дальше от очага и ближе к выходу фиксировалось место его расположения в хадзаре. Молодежь вообще не имела там так называемых «сидячих» мест. Одна из ключевых позиций внутрисемейного этикета проявлялась в том, что все располагались по старшинству лет, в несколько рядов, кто в полусидячем положении, кто на маленьких треножных скамейках.

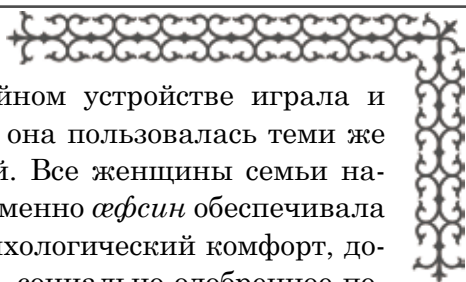
Престижность места определялась не только расстоянием от очага, но и самим качеством сиденья: достаточно ли оно удобно, менее или совсем не удобно. Поскольку в народном мировоззрении мир мужчины сосредотачивался вне хадзара, а сферой его жизни являлась общественная деятельность («мужчина в доме – гость» гласит народная пословица), мебель исключала особые удобства для всех. Не распространялось это только на самых старших.

Глава семьи (*хаздары хицау*) был центральной фигурой патриархальной семьи. По наблюдениям Е.Маркова, глава дома представлялся «живым законом осетинской семьи». Почтительное отношение и безусловное ему подчинение являлось нравственным идеалом в формировании образцов поведения не только в семейной, но и в общественной жизни. Есть множество наблюдений, подобных тому, что было сделано в 19 в. И. Собиевым: «Лицо, стоящее во главе двора, считается его представителем во всех отношениях семейной общины с ее соседями и властями, вместе с тем он – заведыватель всеми интересами семьи, не только экономическими, но и религиозно-нравственными. Блаженство предков, честь семьи, снабжение семьи всем необходимым, увеличение семейного достояния, накопление запасов и приращение капитала, а также отчуждение в случае нужды семейного достояния одинаково вверяются его попечению».

Поведение домочадцев было строго регламентировано не только в общении с главой семьи, но и друг с другом в его присутствии, он обладал неограниченными полномочиями в семье. Вместе с тем власть *хицау* не была деспотичной. Руководство семьей осуществлялось по установленным и неукоснительным правилам.

По замечанию М.Ковалевского: «малейшее злоупотребление своей властью, своим правом ведет к полному подрыву его значения в общественном мнении. Вот что кладет печать величайшей осторожности даже на каждое слово к младшим, следовательно, все отношения исключительно основаны на взаимном уважении и признании прав личности в каждом».

Значительную роль во внутрисемейном устройстве играла и *æфсин* (хозяйка). На женской половине она пользовалась теми же привилегиями, что и *хицау* на мужской. Все женщины семьи находились под ее опекой и присмотром. Именно *æфсин* обеспечивала внутреннюю семейную «политику» – психологический комфорт, добрые взаимоотношения, правильное, т.е. социально одобренное поведение женщин, девушек, подростков и детей большой семьи, она пользовалась определенным влиянием и на мужчин. В большой семье, соединяющей потомков нескольких родных братьев, свекровью всех невесток независимо от реального родственного соотношения, являлась *æфсин*. Эта женщина играла видную роль в семейных событиях общественного значения.

Преимущества старшинства в полной мере действовали среди женщин. Но у них этикетный статус обозначался не столько посредством определения престижной зоны как у мужчин, сколько распределением и закреплением за каждой из них рода трудовой деятельности. Это означает, что выпечка, как наиболее престижное занятие, была уделом старших невесток, и их расположение более других было приближено к постоянному месту *æфсин* возле кладовой (*кабиц*). Приготовлением молочных продуктов были заняты невестки помоложе. По убывающему статусу следовали все прочие «специализации»: у самого выхода (самая непрестижная зона) обычно стояли ведра – ношение воды считалось уделом младших женщин.

От младших женщин требовалось кроткое и уступчивое поведение. В особенности это относилось к молодой снохе, недавно вступившей в дом, но ее и оберегали более других, первое время освобождая от хозяйственных работ. Это давало ей возможность адаптироваться в новых условиях жизни.

Как уже указывалось, неременной обязанностью *æфсин* была забота о порядке и добрых взаимоотношениях женщин большой семьи, она покровительствовала своим подопечным – если было нужно сделать какое-то замечание, то *æфсин* делала его преимущественно в иносказательной форме, т.е. без прямых поименных упреков.

В случае прямого назидания оно должно было начинаться все-таки с похвалы: «Ты сноровиста, но...», «Всем известно твое трудолюбие, но...», «Ты дочь достойных родителей...» и т.д. Даже утренним приветствием *æфсин* была похвала за то, что женщины уже собрались в *хадзаре* и что-то успели сделать к ее выходу, а также благопожелание всем на грядущий день. И она особое внимание и заботу проявляла к молодой снохе, недавно вступившей в дом. *Æфсин* была обязана строго следить за нравственным обликом членов своей большой семьи, во многом являя собой поведенческий эталон. *Æфсин* – единственная женщина, за которой было признано

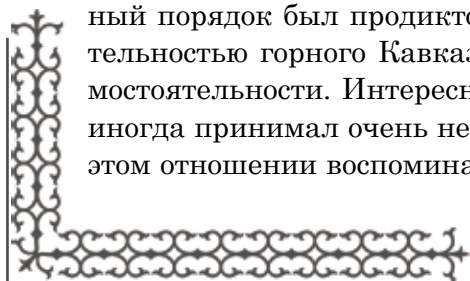
право прямого обращения к *хицау*, необходимое для общего координирования жизнедеятельности семьи.

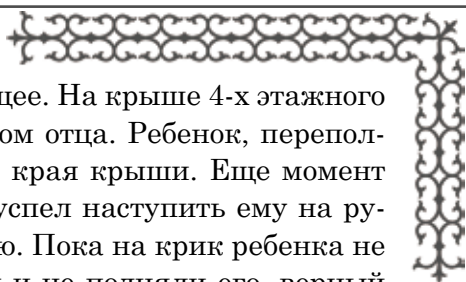
Вокруг главы семьи и старшей женщины складывались сложные церемониальные отношения. Это касалось всех членов семьи. Единственное исключение составляли дети, которые имели к ним свободный доступ. Высокий авторитет этих семейных руководителей обеспечивал их исключительно важную роль в воспитании детей и молодежи.

Взросление мальчиков осуществлялось на принципах мужественности, сдержанности, достоинства и чести. Приобщение ребенка к социальным ценностям начиналось с требований соблюдения предписаний *кастариуаг* (младшинство) – кодекса правил для младшего. Большое значение в воспитательных усилиях придавалось прививанию детям не только уважения к старшим и беспрекословного им подчинения, но и умения держаться с достоинством, но в то же время почтительно, вежливо говорить и соблюдать поведенческие установки, приличествующей возрасту. На первой ступени возрастной иерархии в мальчиках, в числе прочего, вырабатывали терпимость к физической боли, стоицизм. Благопожелания, адресованные юноше, призывали небесных покровителей послать ему неимоверную силу и стойкость духа.

В рамках большой семьи воспитательные функции под контролем *хицау* и *афсин* выполняли практически все взрослые по принципу, замеченному в 1781 году Л. Штедером: «Красноречие может много сделать среди них, убеждение еще больше, а пример делает все». Мальчиков в воспитательных целях допускали на семейные советы. Не вступая в разговоры и занимая самые отдаленные позиции, юноши внимали своим старшим, следовали их примеру, изо дня в день приобщаясь к древним законам своей земли. Стоит ли говорить, сколь огромную ответственность это накладывало на всех взрослых. Ведь пока не наступили времена доступа молодых к просвещению и образованию, только старшие были источником и знаний, и нравственности, и морали. Понимая это, старшие тщательно контролировали свои слова и поступки, всю свою жизнь посвящая тем, кому надлежало скопировать их образ мыслей и действий. При этом они не делали особых различий в отношениях к своей молодежи либо соседской.

Неприличным и даже непристойным в патриархальном семейном быту считалось проявление особой нежности к собственным детям. Подобный порядок был продиктован самой природой и суровой действительностью горного Кавказа, требующей раннего взросления и самостоятельности. Интересно, что этикет общения мужчин с детьми иногда принимал очень необычные формы. Весьма показательны в этом отношении воспоминания К.Хетагурова: «С моим отцом, когда

он был еще ребенком, случилось следующее. На крыше 4-х этажного здания мать оставила его под присмотром отца. Ребенок, переползая с места на место, очутился у самого края крыши. Еще момент – и он теряет равновесие. Дед, однако, успел наступить ему на рубашонку, и мальчик повис над пропастью. Пока на крик ребенка не бежались заметившие эту сцену соседи и не подняли его, верный традициям, дед стоял как вкопанный и не сделал ни одного движения, чтобы освободить своего первенца от опасного положения». Это отголосок древней культуры, диктующей свои правила. Воспитание отважного мужчины было лишено внешних проявлений отцовской любви.

Общение с матерью регламентировалось меньше, чем с отцом, но определенные предписания действовали и в отношении нее. Одно из них заметил В. Миллер: «...сыновнее уважение требует, чтобы сын ... всячески избегал встретить мать не вполне одетым. И вот поутру он тщательно высматривает, не находится ли мать поблизости. Показаться ей в этом виде было бы грубым оскорблением чувства стыдливости».

Несмотря на внешнюю отстраненность мужчин от домашних забот и якобы отчужденное общение с собственными детьми, воспитание и детей и юношей проходило под пристальным присмотром, при усиленном внимании и деятельном участии мужчин. К. Кох замечал: «Едва они достигают юношеских лет, как начинают сопровождать отца в охоте, оказывая ему также помощь во всех занятиях, которых требуют скотоводство и хлебопашество». Поскольку общественным мнением место мужчины было определено вне дома, там и продолжало осуществляться воспитание мальчиков, происходило их приобщение к принятым в обществе нравственным нормам и правилам поведения.

В осетинской народной культуре общения важное значение придается гендерным нормам (правилам общения с противоположным полом). В народном мировоззрении издревле сложились образцы идеального мужского и женского поведения. Мужская стилистика во многом характеризовалась исполнением рыцарских нормативных действий – в этнографической литературе именно так часто именуется поведение конного воинства, позже всадников. К примеру, доказательством недостойного для мужчины легкомыслия считалось выхватывание оружия сгоряча, любое проявление вспыльчивости. Обычай запрещал также обращать оружие на женщину. По преданию первыми видами оружия были камень и палка. Поэтому, когда по дороге шел мужчина с палкой, а навстречу ему шла женщина, он обязан был укрыть от нее палку, как вид оружия.

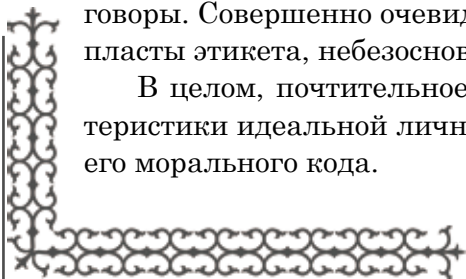
Взросление девушек, по сути, заключалось в приобщении к ценностям, которые должны быть присущи хорошей дочери, жене, снохе, матери, хозяйке, а знание правил приличия было неотъемлемой составляющей

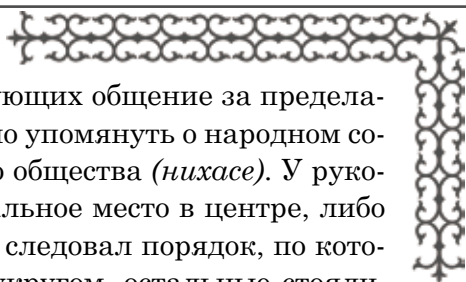
этих качеств. Воспитание девушки-осетинки отличалось строгостью, но отнюдь не затворничеством – одним из ее главных достоинств считалась светскость, т.е. умение держаться в обществе. Девушки не скрывались от глаз посторонних людей и чужестранцев и могли ответствовать скромно на все их вопросы, не ведя с ними продолжительных разговоров. Осетинский этикет предписывал мужчине оберегать женщину, не возлагать на нее тяжелый хозяйственный труд и выполнять ее просьбу о помощи. Осетин никогда не позволял себе грубости в отношении женщин, ни словом, ни действием оскорблял ее честь. Примерами почтительного отношения к женщинам изобилует нартский эпос. В ряду самых настоятельных потребностей нартов – постоянное повышение своего престижа вообще, а в глазах женщин – в особенности. Зачастую женщины были побудительной силой осуществления самых славных мужских подвигов. Грозные, бесстрашные нарты очень опасаются только одного – женского упрека и делают все возможное, чтобы его избежать.

Исключительно высокий социальный престиж женщины встречается при обращении к миру осетинских традиций. Примеров очень много в бытоописательной литературе, в частности, в этнографических зарисовках Инала Канукова. Интересны поведенческие стандарты, исполняемые при встрече с женщинами всадника – носителя рыцарской этики. Показателен следующий сюжет: «У дороги... стояла большая кавалькада вооруженных с ног до головы всадников, которые при виде приближения женщин слезли с коней и почтительно их пропустили. Проходя мимо них, женщины, потупив взоры, проходили молча, – замечает И. Кануков и добавляет – «...если всадник едет навстречу идущей женщине, то он считает долгом приличия слезть с коня и, ведя его на поводу, пропустить мимо женщину и тогда уже садиться. То же самое, если бы всадник стоял, а женщина проходила бы».

Важно отметить, что женщина должна была исполнять комплекс стыдливости (*нъмд*) в присутствии мужчин, конных и пеших без изменения. Однако, если она на почтительном расстоянии уступает дорогу пешему мужчине, то всадник должен не только сам остановиться и дать дорогу женщине, но и спешиться при том. Женщины редко появлялись на улицах без мужского сопровождения. Но если такое случалось, любой встречный всадник, пусть даже посторонний, считал своим почетным долгом сопроводить ее до дома в качестве охраны, следуя поодаль и не вступая в разговоры. Совершенно очевидно, что всадник исполнял более древние пласты этикета, небезосновательно называемого рыцарским.

В целом, почтительное отношение к женщине входит в характеристики идеальной личности мужчины, является важным звеном его морального кода.

Что касается норм этикета, регулирующих общение за пределами семьи, то в первую очередь необходимо упомянуть о народном собрании мужчин в период традиционного общества (*нихасе*). У руководителя (*нихасы хистар*) было персональное место в центре, либо «наверху», т.е. во главе всех мест. Далее следовал порядок, по которому старшие восседали на *нихасе* полукругом, остальные стояли. Ближе всех к старшим стояли мужчины среднего возраста, еще дальше стояли мужчины помоложе – 25-30-летние и далее всех – молодежь.

Присутствие в общественном месте, особенно на *нихасе*, было честью и вырабатывало определенные требования к внешнему виду. В общественном месте было необходимо следовать определенным правилам: не облакачиваться, не горбиться, не жестикулировать, выслушивать собеседника, не перебивая, т.е. демонстрировать сдержанность и учтивость, т.е. следовать поведенческим требованиям, позволяющим делать вывод о природной гордости, свойственной горцу, которая выражается во взглядах, походке и т.д... Проводимые на *нихасе* действия, помимо своей основной цели достигали огромного воспитательного эффекта, создавая идеальные условия для критической самооценки человека. Именно на *нихасе* происходило прямое и непосредственное общение поколений. Младшие воспринимали поведение старших как образец, старшие же получали реальную оценку своей деятельности. Так давался практический пример поведения и осуществлялась обратная связь между поколениями. Знания и соблюдение правил поведения на *нихасе* было хорошей возможностью получить общественное признание.

Нельзя обойти вниманием и весьма существенный пласт культуры поведения – воинские нормы обхождения, повлиявшие на формирование, как осетинского традиционного этикета, так и народов Кавказа в целом. Воинское, т.е. «рыцарское» мировоззрение, в значительной степени характеризующее суть образцов мужского поведения и шире – норм обхождения в целом, сложились под воздействием энергичных импульсов североиранского культурного наследия, конкретнее – кавказской Алании.

Вообще история становления и развития стереотипов всаднического, т.е. «рыцарского» поведения, обусловлена целым рядом примечательных особенностей, в частности, формированием требований к эстетическому внешнему облику всадника. Иной хоть «и одет бедно, и лошадь-то у него не Бог весть чего стоит, а вся фигура всадника, с его оригинальной посадкой, закутанного в башлык, в бурке, надетой на бок, с винтовкой за плечами, пашкой и кинжалом так и просится на картину», – писал М.Н.Владыкин.

Высокий престиж конного воина в народном мировоззрении осетин проецируется в наиболее характерном приветствии, адресуемом всаднику: «Да пошлет тебе Бог прямой путь». Это приветствие содержит в себе

не только пожелание хорошей дороги, но и всех качеств, связанных с понятием прямого: справедливости, благородства, так приличествующих всаднику-воину.

Существенным компонентом мужской воинской этики являлось представление о неприкосновенности мирных жилищ, в том числе семьи и жилища других воинов. Принцип уважения к жилищу получил свое выражение и в особенностях всаднического поведения (останавливаться у дома можно только лицом к нему, коня оставлять также развернутым к жилищу и т.д.), и в поведенческих стандартах примирения нартов: «...бросили они в разные стороны свое оружие, подали друг другу руки и крепко обнялись. – Раз мы стали друзьями, должен ты побывать у меня в доме».

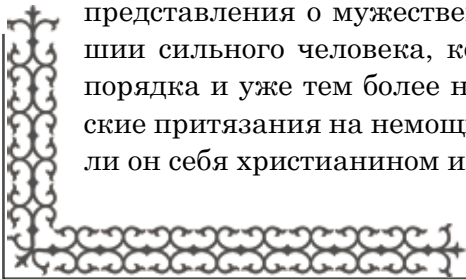
Запрещалось добивать лежачих, раненых и соперника в личном поединке. В кодекс «мужчинство» (*лагдзинад*) входит опека над слабым, нуждающимися в помощи и обратившимися за ней, не вовлечение женщин и детей в отношения войны и мести.

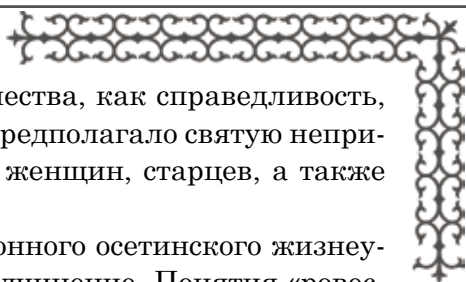
Часто встречается установленный речевой шаблон: «Эй, Нарт Сослан, я тебе поручаю мою жизнь». Информативно и продолжение сюжета: «Торопился нарт Сослан на помощь к матери своей и не взял он с собой ничего съестного. Но даже в голову ему не пришло бросить на голодную смерть человека. Поскакал он в лес и вернулся оттуда с тушей оленя. Развел он костер, насадил мясо на вертел и только после этого, пожелав голодному доброго дня, хлестнул коня и помчался своей дорогой». Сослан – один из основных героев осетинского эпоса. Поэтому все его поступки являлись образцовыми моделями мужского поведения.

Основным постулатом всей системы воинской культуры и идеологии было убеждение в том, что сильный человек – это не обидчик и притеснитель слабых. В первую очередь, он их заступник, хранитель справедливости, защитник мира, одним словом – рыцарь.

В целом, традиционная культура общения осетин преимущественно отражает два пласта их этнической истории. Это быт и мировоззренческая система североиранских предков, а также тяжелейший безземельный период выживания осетинских обществ в горах. Основные нормы народной дипломатии, таким образом, формировались под воздействием всаднической идеологии, а также нравственных убеждений, порожденных самым мирным и усердным созидательным трудом. Уйдя в века, воинское мировоззрение сослужило добрую службу потомкам, утвердив в их сознании

представления о мужественной чести и сдержанности, о великодушии сильного человека, который был учредителем справедливого порядка и уже тем более не распространял свои собственные воинские притязания на немощных и беззащитных. Облик горца, считал ли он себя христианином или мусульманином, веками формировал-

ся в условиях, превозносящих такие качества, как справедливость, доблесть и честь. В первую очередь, это предполагало святую неприкосновенность домашних очагов, детей, женщин, старцев, а также больных и немощных.

Существенным принципом традиционного осетинского жизнеустройства было также и возрастное соподчинение. Понятия «ровесник» (*æмгар*), «старший» (*хистæр*) и «младший» (*кæстæр*) были важнейшими компонентами народной этики. Термин, на осетинском языке обозначающий старшего «*хистар*», восходит к древнеиндийскому «*hvaistra*», что означает «главный деятель», «главный участник какого-либо действия». Осетины оказывали почести своим достойным старшим, безоговорочно принимая их руководство. Уже упоминалось о том, что это накладывало огромную ответственность на старших, поведение которых было регламентировано и подчинялось ряду предписаний, не менее строгих, чем у младших. Если старшие своими поступками не будут являть живой пример младшим, то их назидания потеряют действенную силу, а авторитет будет утерян. Иногда даже похвала, произнесенная в определенном контексте, например: «А ведь предки твои были достойными людьми», действовала более эффективно, чем самое жесткое порицание. Старшему приличествовало говорить коротко, не прибегать к пренебрежительному тону, в общении с младшим признавать и уважать его достоинство.

Старость сама по себе, конечно же, являлась основанием для уважительного отношения, но признание и почтение молодежи, а уж, тем более, право руководить ими необходимо было заслужить достойными поступками. В народной системе ценностей немалое значение имели личные таланты и достижения человека, порой превалируя над реальным возрастом. Пословицы и поговорки утверждают: «Хороший младший – это старший, плохой старший – это младший» (*Хорз кæстæр – хистæр, æвзар хистæр – кæстæр*). Важно, что «*хистæр*» – это понятие, применяемое не только в отношении старцев, но и лидеров, которые были востребованы в любой ответственной ситуации. Считалось хорошим тоном, если переговоры от имени определенной группы ведет один человек. Таким образом, этико-поведенческий комплекс «*хистæриуæг*» во многом предопределял специфику политической культуры осетин.

У осетин принято считать, что самым высоким жизненным достижением старших является это достойное потомство.

Важнейшим явлением осетинского этикета является традиционное застолье. По этому поводу в устном народном творчестве имеются достаточно содержательные описания: «Все уселись чинно в ряд, только принявшие на себя обязанность прислужника (*урдигистаг*) остались на середине круга. Наконец пришло время трапезничать, но никто не смел дотронуться

до пищи в ожидании разрешения, которое вскоре и последовало. Созрыко встал, держа рукой деревянную чашу, за ним поднялись все прочие».

Приобщением к общей трапезе вся последовательность застолья призвана была олицетворять ритуальное, а также идеологическое единство всех пирующих. После молитвы старшего в течение застолья предоставляется слово каждому, происходит это в строгой последовательности. Наиболее авторитетному после главы застолья участнику предоставляется место справа, третий старший сидит по левую руку от «старейшины» (*хистара*).

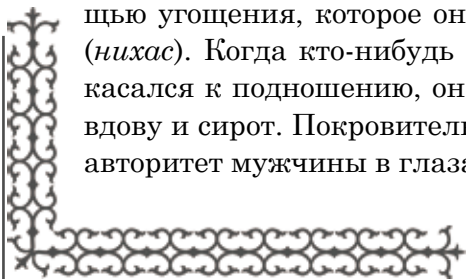
Определенные правила предписывает церемония передачи почетного бокала – «*нуазан*»: «Наполненный вновь бокал передается соседу, когда первый выпил и при этом произнес слова. Пока один пьет, другие поют старинную застольную песню и бьют в ладоши, пока пьющий не опорожнит бокал». Почетный бокал (*нуазан*), знаменующий уважение и признание, отсылается и младшим.

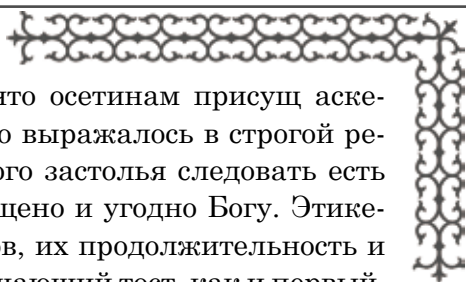
Этикетное выделение младших, специальное к ним обращение с речью, содержащей нравственные назидания и благопожелания, можно отметить в качестве отдельного и существенного этапа застольной последовательности. Содержание обращения зависит от особенностей застолья, но неизменно оно сопровождается преподнесением почетного бокала (*нуазан*) и почетной доли (*хай*) от самих старших самым младшим. Это глубоко символично и олицетворяет ритуальное единство сообщества пирующих мужчин.

В разных источниках информации о прошлом можно обнаружить немало указаний на преподнесение ритуальных «*нуазан*» и «*хай*» женщинам-хозяйкам, подготавливающим пиршество, «почетным женщинам» (руководительницам женской частью больших патриархальных семей и т.д.). На общественных пирах почетное подношение для танцующей молодежи зачастую преподносили девушкам, дабы подчеркнуть престижный статус. «Девушка принимает бокал и передает его более отдаленному, т.е. менее знакомому ей гостю. Тот благодарит девушку и тех, кто принес бокал и после этого пьет его», – отмечает Б.М.Каргиев.

Почетным правом инициирования «*нуазан*» обладали женщины, которые могли послать его гостю, и это считалось знаком высокого уважения к нему.

Вполне объяснимым становится то, что при отсутствии мужчин в роду женщины просили о заступничестве мужчин – не родственников с помощью угощения, которое они выносили на место мужских собраний (*нихас*). Когда кто-нибудь из мужчин, хотя бы символически, прикасался к подношению, он подавал знак о том, что готов защитить вдову и сирот. Покровительство слабым, опека над ними повышали авторитет мужчины в глазах окружающих.

Многим авторами было замечено, что осетинам присущ аскетизм – умение обходиться немногим. Это выражалось в строгой регламентации блюд. Во время ритуального застолья следовать есть и пить только то, что может быть посвящено и угодно Богу. Этикетом регламентированы количество тостов, их продолжительность и уместность содержанию застолья. Завершающий тост, как и первый, также произносит хистар, замыкая цикл застольного общения.

Потребление спиртного сопровождалось определенным церемониалом. «Молодежь должна прислуживать, поднося рог с аракой и хлопать в ладоши, петь до тех пор, пока рог не будет осушен», – пишет А.Л.Зиссерман. Получить спиртное можно только от обслуживающего, просить которого о лишней чарке категорически недопустимо. Особенности застольного этикета были предусмотрены строгие меры, обеспечивавшие достойное поведение. Непристойных разговоров за столом не полагается. Едят обычно мало. Невоздержанность в еде считается большим пороком, а малейший намек на страдания голодом – нескромностью.

В целом, поведенческие стереотипы, нравственные нормы, традиции наполнены идеалами мира, взаимного уважения и социального порядка. Наиболее же ярким воплощением горской дипломатии было гостеприимство, законы которого чтились в горской среде. Любой, кто в качестве гостя (*уазæг*) переступал порог дома, неизменно мог рассчитывать не только на ночлег и угощение, но и на опеку и покровительство хозяина (*фысым*). «Гость – Божий гость», – издревле полагали осетины. Столь устойчивым моральным убеждением есть древнейшее мифологическое объяснение. По поверьям, принимая гостя достойно, хозяин обеспечивал себе и своим потомкам благодать, ниспосланную свыше (*фарн*). Отправление церемониала гостеприимства во всех его тонкостях, подчас очень обременительных, осмысливалось как нравственный и поведенческий образец, как долг, заповеданный достойнейшими предками.

Целесообразное или прагматическое объяснение столь высокого значения обычая гостеприимства мы можем найти у Коста Хетагурова: «Всякий осетин принимает путешественника очень любезно и по мере сил и возможности делает все, чтобы только угодить ему. При наших путях сообщения, – писал он, – попасть из одного ущелья в другое – равносильно явлению с небес». Действительно, прием гостя в сложных условиях горного Кавказа, большую часть года разделенного непроходимыми тропами, был вопросом физического выживания тех, кто отправился в более или менее дальнюю дорогу. Именно поэтому путник, прибывший издалека, имел более почетный статус и мог рассчитывать на более радушный прием. Всякий осетин принимал путешественника любезно и по мере сил и возможностей делал все, чтобы только угодить ему. Сидящие вставанием

проявляли уважение, говорящий молчанием, а занятый работой на время оставлял все, чтобы приветствовать гостя.

Такое внимание отнюдь не формальность, ведь в подобных обстоятельствах понятия «гостеприимство» и «защита» совпадали. «Осетинец жертвует всем, чтобы защитить от обиды своего гостя», – писал В.Пассек в 1838 г. Таким образом, приглашение и прием гостя предполагали всестороннюю ответственность за него и его охрану. Незыблемость этого правила отражена в молитве о ниспослании покровительства свыше: «*Де уазæг æй скаен*» (дословно: «Сделай его [Боже] своим гостем»).

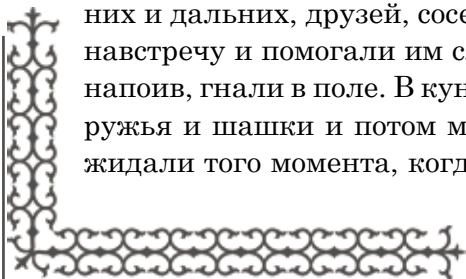
В 1807 г. Ю. Клапрот зафиксировал ситуацию, в которой русский офицер, преследуемый властями, «зная осетинское гостеприимство, бросился в один дом. Уважаемая матрона приветствовала чужеземца и в знак своей защиты протянула ему кусок хлеба. Вскоре вошел ее сын и заверил русского офицера в его полной безопасности. Так широко распространяется осетинское гостеприимство».

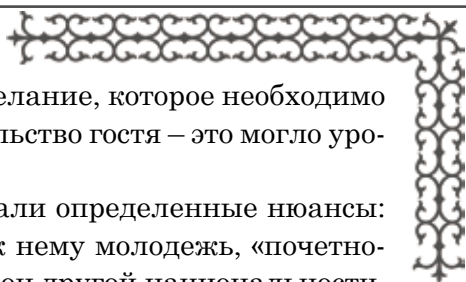
В связи с этим интересно свидетельство А.Л. Зиссермана о том, что по приезде гостя начинаются угощения «смотря по назначению приехавшего, с приглашением соседей и родных». Значение гостя определялось такими факторами как его возраст, личный авторитет, дальность пути. Прибывшим издалека отдавался заметный приоритет в почестях, нежели соседу, заглянувшему на огонек. Конный путешественник приравнивался к столь почитаемому рыцарю и именовался «*балцон*». Возможно, этим и обусловлена особая престижность «дального гостя».

В случае приезда гостя, по всем критериям почетного, устраивался настоящий общинный праздник. А.Л. Зиссерман отмечал, что по этому поводу резали быка, что делалось только в особенных случаях. В.Б.Пфаф даже определял застольную церемонию гостеприимства как ритуальное молитвенное пиршество (*куывд*).

Полагалось быть очень вежливым и корректным не только в отношении самого гостя, но и кого бы то ни было в его присутствии – «при госте не ударь даже собаку» – гласит народная пословица.

Нормы гостеприимства имели еще и высокий воспитательный ресурс. Здесь впервые в сферу важнейшего общественного действия как активные участники вводились и подростки. Юноши привлекались к исполнению норм и требований гостеприимства, постигая его тонкости и нюансы, обучаясь принимать гостей различного «ранга» – своих и иностранцев, ближних и дальних, друзей, соседей. Обычно мальчики выходили гостям навстречу и помогали им слезать с коней, которых расседывали и, напоив, гнали в поле. В кунацкой они развешивали по стенам седла, ружья и пашки и потом молча становились у косяка дверей и выжидали того момента, когда кто-нибудь из гостей пожелает выпить

воды или выскажет какое-либо другое желание, которое необходимо было упредить, чтобы не вызвать недовольство гостя – это могло уронить честь семьи.

В нормах гостеприимства существовали определенные нюансы: «обычного» гостя встречала высланная к нему молодежь, «почетного» же (зачастую он прибывал издалека, он другой национальности, либо прославленный земляк).

Любопытно, что поведение гостя тоже имело варианты в зависимости от его собственных позиций: пеший входил в кунацкую сам, конный же мог спешиться у ворот кунацкой только после приглашения хозяев.

Подсаживание к гостю почетных старцев символизировало изъявление особого, т.е. наивысшего к нему уважения.

В случае прибытия гостя молодого, его чаще всего угощали одного, а участие всего сообщества выражалось в официозном присутствии соседской молодежи в парадной одежде. Барон В. Иксуль, знаток и ценитель Кавказа, в своем творчестве любовался не только природной красотой пленившего его края, но и красотой человеческой души, величием мужской дружбы, правилам приема гостя: «Сыновья соседей, ровесники Габо входят и становятся у стены в полном вооружении, с папахой на голове. Так они приветствуют гостя». Приведенный отрывок и есть эпизод «внешней политики», т.е. приема в осетинском доме гостя другой национальности. Участие в подобной «дипломатической» деятельности было наиболее ответственно и почетно. Поэтому лицом, официально принимающим гостя (*фысымом*) является не пригласивший его юноша, а сам хозяин дома – старший. Он и ведет беседу. Почтительное же отношение всего сообщества обозначено представительством ровесников гостя, т.е. молодежью, выстроенной у стены. Юноши не вступают в разговор в присутствии старшего, стоят неподвижно, исполняя приличествующий ей поведенческий регламент так называемого «младшинства» (*кастæриуæг*).

Функция непосредственного обслуживания гостя предполагала определенные требования к внешнему виду. В прошлом обслуживающему юноше полагалось одеть черкеску, сапоги и снять головной убор, замечал В.Я. Иксуль.

Сельское сообщество воздавало наивысшие почести «дальним» гостям в определенной иерархии их статуса и ранга. Для молодежи добрачного возраста после угощения следовали игрища, позднее – общественные танцы.

По поводу приезда гостей-иностранцев зрелого возраста в доме собиралось общество во всем возрастном представительстве. «Едва мы вошли и стали выгружать наши переметные сумы, как уже комната наполнилась народом. Один ветхий старик сел рядом с нами на скамью, а все, кто помо-

ложе, выстроились вдоль стен, образуя как бы античный хор», – уточнял В.Ф.Миллер.

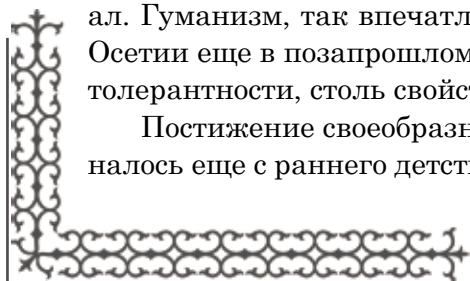
Важным этапом церемониального общения были проводы гостя. Один из представителей хозяев снимал шапку, поднимал «нуазан» и произносил прощальное слово. Этот ритуал описал В.Ф. Миллер: «Затем следуют пожелания здоровья всем членам семьи... пожелания счастливого пути и благословения Дзуаров Уастырджи, Уацилла и Рекома. Все присутствующие обнажают головы и повторяют «оммен». Затем наливают следующему по иерархической лестнице». В этой ситуации круговая чаша символизировала единство общины в исполнении древнего закона гостеприимства. Заключительный этап предъявлял определенные требования и к поведению гостя. По воспоминаниям В. Миллера: «Садясь на коня после прощального стакана и всяких пожеланий, я, не зная того, нарушил важное правило осетинского этикета. Я подошел сам к коню и просил подержать его. Уже за пределами аула я узнал, что гость должен ждать, чтобы ему подвели коня и подержали стремя. При этом излишняя поспешность может обидеть хозяев».

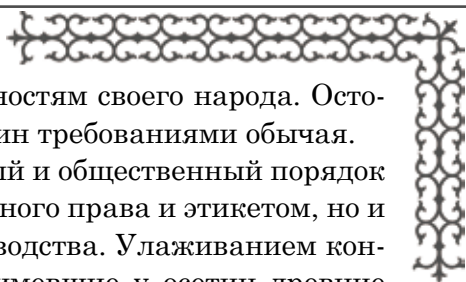
Ни в коем случае нельзя было ударить коня в присутствии хозяев. Можно добавить, что прощались с гостем только мужчины. Мужской всаднический кодекс не позволял сесть в седло в присутствии женщин. Существовали и другие нюансы: гости подходили к коням, держа бурку, башлык и плеть в левой руке. Затем кони разворачивались к дому, вещи перекладывались в правую руку. Садились на коней по старшинству. Хозяева обычно провожали гостей за село, а иногда и далее. Сидящие в седле за руку уже не прощались.

Гостеприимство – значительный фактор поддержания добрых взаимоотношений. Знаток осетинских традиций В. Пфаф утверждал: «Форма обращения хозяина с гостем и гостя с остальными членами семейства совершенно аристократическая даже у простых мужиков». По-видимому, он считал наблюдаемое им поведение аристократическим вследствие тщательной разработанности церемониала гостеприимства и его высокой эстетики. Формы и стереотипные поговорки при встрече гостей были проникнуты гуманным духом и предупредительностью.

Действительно, предупредительность во взаимоотношениях была чрезвычайно важна там, где суровые горные условия выживания могли озлобить людей, снизить накопленный предками культурный потенциал. Гуманизм, так впечатлявший тех, кто обнаруживал его в горах Осетии еще в позапрошлом веке, и предопределил высокий уровень толерантности, столь свойственный современным осетинам.

Постижение своеобразной народной «школы дипломатии» начиналось еще с раннего детства в процессе социализации, т.е. последо-

вательного приобщения к главным ценностям своего народа. Осторожность и вежливость, являются у осетин требованиями обычая.

Мирные взаимоотношения, общинный и общественный порядок обеспечивались не только нормами обычного права и этикетом, но и развитой системой народного судопроизводства. Улаживанием конфликтов занимались общинные суды, имевшие у осетин древние корни.

Традиционный осетинский суд являлся посредническим. Состав судей избирался конфликтующими сторонами. Знатоки правовой культуры осетин писал Г. Лиахвели, что слово судей (*тæрхоны лæгтæ*) «было незаметно, их решение свято..., так как умнее и опытнее *«тæрхоны лæг»*-ов не было». Занимать эту почетную должность удаивался не всякий: в совет судей мог попасть только имеющий от рода не менее 60 лет, заявивший себя в каких-нибудь делах, отличившийся особым мужеством, владеющий особенной опытностью, расположением народа, знанием народных обычаев, адатов и т.д.»

Споры улаживались путем переговоров, которые вели посланники (*минæвар лæгтæ*). Их выбирала каждая сторона среди посторонних людей. Только после деятельности этих миротворцев, в случае, если конфликт все еще сохранялся, приступали к выбору посредников. При этом обиженной стороне предоставлялся один посредник дополнительно.

Одним из действенных способов мирного разрешения конфликтов была присяга. Ее, как и процесс судопроизводства, производили возле святилищ. В целом, все основные принципы культуры общения, поведенческие установки были направлены на предотвращение столкновений любого уровня.

Оценивая миротворческий потенциал кавказских народов и его современные перспективы, необходимо учесть и еще несколько существенных обстоятельств. Схожие экологические, а отчасти и социально-экономические условия сформировали схожий облик северокавказских народов, их своеобразную цивилизацию.

Нельзя, однако, приуменьшать и роль прямых контактов, существующих еще с древности. Массовая миграция алан в горы, их адаптация к новым условиям проходила на фоне активных взаимных заимствований и установления генеалогических связей с населением Северного Кавказа. Межнациональные браки также усиливали позитивный фон взаимоотношений соседних народов.

Во многих поколениях осетины роднились с кабардинцами, балкарцами, ингушами, грузинами и пр., что серьезно влияло на особенности культурно-бытового и этнического развития каждого из народов. Кроме того, бывали случаи переселения целых семей. Идентичными явля-

ются среди осетин и ингушей фамилии Таутиевых, Гайтовых, Хаматхановых, Цуровых, Апаевых, Дзараховых и пр.

Известно, что имена не заимствовались у враждебной стороны. О дружественных взаимоотношениях народов Кавказа, в числе прочего, свидетельствует наличие фамилий, производных из единого корня. Множество подобных фамилий имеется, к примеру, у осетин и абазин. Это Мхциевы, Гапповы, Бежановы, Джанаевы и др.

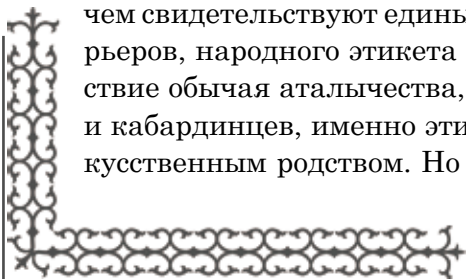
У осетин можно найти личные имена, заимствованные у кабардинцев – Батако, Афако, Увжико и др. Есть фамилии, общие для этих двух народов: Бетровы, Агузаровы, Сокуровы, Темиркановы, Тугановы, Кардановы, Бацезевы. Из Кабарды выводят свое происхождение осетинские фамилии Кайтуковых, Сосрановых, Шавлоховых, Увижевых.

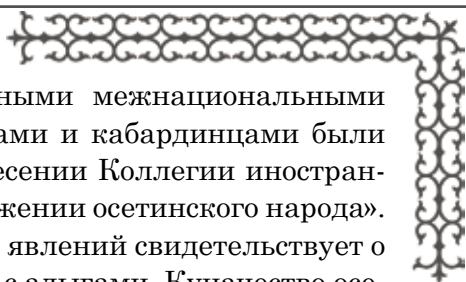
Достаточно часто переселялись друг к другу осетины, балкарцы и карачаевцы. Так, общими являются фамилии Калабековых, Джагаевых, Ортабаевых и др. Между осетинами и карачаевцами имеется множество идентичных фамилий – Текиевы, Гаппоевы, Баевы, Дулаевы и т.д. Осетины Базиевы, Мистуловы, Нафиевы и др. ведут свое происхождение от карачаевцев и балкарцев.

На Северном Кавказе было распространено куначество, в поколениях укрепляющее дружбу между народами. Кунаком осетина мог стать представитель каждого кавказского народа, а с появлением казачьих поселений – и русский.

Огромную роль в установлении и поддержании мира и добрососедства сыграли и такие формы искусственного родства, как побратимство и аталычество (воспитательство). Они были серьезным фактором укрепления внешних связей. Отношения побратимов считались очень крепкими, так как были освящены клятвой. Суть аталычества, чаще всего заключаемого у осетин с кабардинцами, состояла в том, что семьи передавали друг другу сыновей на воспитание до 14-летнего возраста. В задачу воспитателя входило прививание парню лучших качеств мужчины – отваги, светскости, трудолюбия и т.д. Возвращение юноши в родную семью обставлялось очень торжественно. В присутствии лучших представителей двух фамилий происходил своеобразный экзамен – демонстрация лучших качеств воспитанника. Впоследствии между двумя семьями устанавливались родственные взаимоотношения.

Многовековую историю имеют адыго-осетинские культурные связи, о чем свидетельствуют единые формы народной одежды, утвари, интерьеров, народного этикета и, конечно же, нартовского эпоса. Вследствие обычая аталычества, распространенного именно среди осетин и кабардинцев, именно эти два народа оказались тесно связаны искусственным родством. Но они были связаны и реальным родством

повсеместно среди них распространенными межнациональными браками. Частные браки между осетинами и кабардинцами были зафиксированы еще в 1744 году в «Донесении Коллегии иностранных дел Синоду о состоянии и местоположении осетинского народа». Огромное количество общих культурных явлений свидетельствует о давних и очень тесных контактах осетин с адыгами. Куначество осетин с кабардинцами было широко распространено. В частности, хорошо известно о связях тагаурских алдаров Дударовых с малокабардинскими князьями Мулдаровыми. Осетины и кабардинцы совместно сражались против крымских ханов султанской Турции и т.д.

Мирные и добрососедские взаимоотношения осетин с ингушами также установились несколько веков назад. Доказательством служат общие элементы культуры и быта двух народов – от строительной техники до схожих легенд.

Еще академик А. Шегрен в 1846 году обратил внимание на общность семейных обрядов и религиозных ритуалов. О долгих связях свидетельствуют общие для двух народов обряды («посвящение коня», вызывание дождя и т.д.), значительное сходство в одежде, технике, кустарных изделий, в устройстве жилищ, в культе железа и пр. Интересно, что этнографы замечали сходство юридических норм в обычном праве. В прошлом случилось, что из Ингушетии в Осетию и в обратном направлении из Осетии в Ингушетию в особо конфликтных случаях приглашали знатоков обычного права в качестве судей. Между осетинами и ингушами были развиты куначество и побратимство.

Давнюю историю имеют связи осетин и близкими по происхождению, культуре и языку балкарцами и карачаевцами, что отразилось даже в языке, а также в почти полном совпадении многих феноменов материальной и духовной культуры. У балкарцев и осетин обнаруживается уникальное сходство общественных и семейных традиций. Интересно, что башенная архитектура Осетии и Балкарии идентична. М. Ковалевский обнаружил «осетинское начало» в судопроизводстве балкарцев. Он считал, что связи осетин и балкарцев настолько тесны и глубоки, что исследуя архаику, сохранившуюся у балкарцев, можно объяснить некоторые осетинские обычаи – те, что сами осетины утратили под воздействием русского влияния и христианства. В осетинской культуре жизнеобеспечения замечено много карачаевского влияния.

В этнических культурах осетин и ногайцев также много общего – в традициях обычного права, гостеприимства, судопроизводства и т.д. Что-то просто совпадает, например, ставить над могилой покойника флаг (у ногайцев сохранялось дольше). Названия осетинских селений Эльхот, Заманкул, Чиколла – ногайского происхождения. Кроме того, ногайцы покло-

нялись Татартупу, глубоко почитаемому осетинскому святилищу. У осетин есть много тюрко-ногайских имен – Мурза, Кантевр, Темиркан и др.

История взаимоотношения осетин и грузин также исчисляется столетиями. Осетины активно поддерживали связи с Грузией, в Грузии присутствовало стремление к добрососедству с осетинами. В этом смысле весьма характерно содержание грузинской летописи: «грузины уважают осетин за их доблесть и значение для Грузии, им отводится первенствующее место в официальных церемониях».

Известно, что особое место в истории осетин заняли русско-осетинские отношения. В целом, история дружбы кавказских народов с терско-гребенскими казаками знает немало случаев куначества, побратимства, межнациональных браков. Декабрист А.Бестужев-Марлинский, наблюдавший за жизнью и горцев, и казаков, писал: «казаки отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, ухватки – все горское... все водят с горцами дружбу, даже родство».

Различные факты этнической истории, многие социальные институты и культурные феномены неоспоримо свидетельствуют о том, что традиции добрососедства народов Северного Кавказа сильнее любых негативных тенденций новейшего времени. Если мы обратимся к историческому прошлому каждого народа Северного Кавказа, то убедимся, что у наших истоков – образ не агрессивного варвара-фанатика, а в первую очередь защитника, труженика-созидателя с присущим ему лояльным отношением к людям другого происхождения, другого образа жизни, другой веры.

Изучение общего исторического прошлого и этнического облика кавказских этносов позволяет осознать огромный миротворческий потенциал каждой из культур, а также рассчитывать на благополучные перспективы развития этого древнего края.

РУССКИЕ

НЕВСКАЯ ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

доктор исторических наук, профессор
Северо-Кавказского федерального университета

Появление славян на Северном Кавказе. На территории Ставропольского края в современных границах проживают в настоящее время кроме русского и украинского крестьянства несколько групп казачества, исторически относившиеся к разным казачьим войскам. В районе Кавказских Минеральных вод (бывший Пятигорский отдел Терской области) проживают казаки Терского войска, в западной части края проживают казаки Кубанского казачьего войска (эти земли, относящиеся раньше к Кубанской области, вошли в состав края в советское время). Кроме того, на Ставрополье есть ряд населенных пунктов, жители которых в период Кавказской войны были казаками Линейного войска. По окончании войны эти станицы стали селами, а казаки – крестьянами. Однако жители этих сел до сих пор помнят свое казачье прошлое, а многие считают себя по происхождению казаками.

Первые поселения русского казачества на Северном Кавказе относятся к середине XVI века, когда на Тереке и его притоках стали основываться казачьи городки, в которых поселились беглые крестьяне, а также рязанские, донские и волжские казаки. Себя они называли Гребенскими казаками (гребни – горы). Стали селиться здесь и беглые из среды северокавказских народов. Позже в низовьях Терека образовалось Терское казачье войско, где было особенно много выходцев из местных народов.

Северокавказское казачество с самого начала отличалось пестрым этническим составом. Вот как описывал процесс возникновения терского казачества В.А.Потто в книге «Два века Терского казачества (1577-1801): «В разметах низового течения Терека... стекались удальцы со всего Поволжья.

Сюда же, как в безопасное убежище, бежали разные кабардинцы, чеченцы, кумыки, большие и малые ногаи, даже грузины, армяне и закубанские черкесы, – все, кому тесно было жить на родине. Это были люди такого же пошиба, что и русские вольные казаки, а поэтому последние легко с ними дружились и уживались.

Так мало по малу собиралась эта разноплеменная и разноязычная община. Случалось, что какой-нибудь джигит Гасан похищал в соседнем ауле красавицу Фатьму, и оба, на одном коне, спасаясь от погони, являлись ночью в один из гребенских городков, а наутро Гасан превращался уже в казака Ивана, а Фатьма становилась Марьей, или, или по-гребенски – Машуткой.»

История славянского населения нынешнего Ставрополья берет свое начало в XVIII веке. Территория степного Предкавказья, на которой в на-

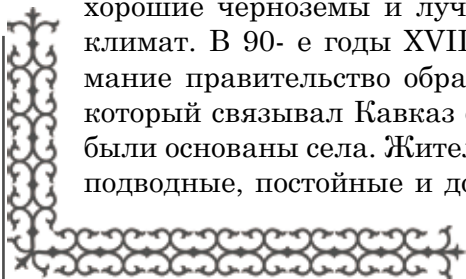
стоящее время находится Ставропольский край, была включена в состав Российской империи по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года. На этой обширной территории кочевали ногайские племена, считавшие себя вассалами Крымского хана. Проживали здесь также туркмены и калмыки. Правительство Екатерины Великой понимало, что закрепить за Россией эти земли можно их прочной защитой. Казачья колонизация северокавказских земель носила в своей основе официальный характер. Она была тесно связана со строительством на Кавказе военно-оборонительных линий и укреплений. Вблизи крепостей возводились казачьи станицы.

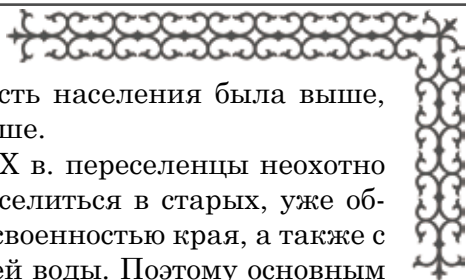
В 1784 году граница российских владений передвинулась на р.Кубань, где также стали строиться оборонительные сооружения. В 1794 г. при кубанских укреплениях для охраны новых границ было поселено 1000 семей донских казаков, образовавших Кубанский казачий линейный полк. Многие из переселенцев были староверами. При ранее устроенных крепостях и редутах они основали ряд станиц. Центром, где сосредоточилось командование, стал Ставрополь.

Массовое основание крестьянских сел было положено Указом Екатерины Великой 1782 года. Переселением на Кавказ государственных крестьян правительство пыталось решить одновременно несколько задач – заселить край, что привело бы к более прочному закреплению России на Кавказе и хозяйственному освоению новой территории, создать продовольственную базу для войск в регионе, а также создать отток населения из малоземельных центральных черноземных губерний.

Первыми переселенцами на Ставрополье были крестьяне из Курской и Орловской губерний, за ними пришли крестьяне из Воронежской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Тамбовской и Черниговской губерний. В каждом селении селились крестьяне из разных губерний, при первоначальном преобладании выходцев из какой-либо одной области. Партии переселенцев селились в одном конце села, образуя «сотню» (территориальную и административную единицу), таким образом, село выглядело первоначально совокупностью отдельных хуторов. Названия «сотни» получали по названию местности, из которой вышли переселенцы, или по имени первого поселенца. Со временем сотни разрастались, население смешивалось путем взаимных браков, и к концу XIX века уже все села имели сплошную застройку.

Первые села основывались на реках, где был строевой лес, а также плодородные почвы. С конца XVIII в. села начинают основываться преимущественно в западной части губернии – Ставропольском уезде, где хорошие черноземы и лучший, чем в заболоченных низинах рек, климат. В 90-е годы XVIII в. здесь появляются села. Особое внимание правительство обращало на заселение Черкасского тракта, который связывал Кавказ с центральной Россией. Вдоль него тоже были основаны села. Жителям этих сел приходилось нести тяжелые подводные, постоянные и дорожные повинности, а также оборонять

дорогу от набегов. В этих селах плотность населения была выше, поэтому и земельные наделы были меньше.

Надо отметить, что уже с начала XIX в. переселенцы неохотно основывали новые села, а старались поселиться в старых, уже обжитых селениях. Это было связано с неосвоенностью края, а также с отсутствием в степях источников хорошей воды. Поэтому основным типом поселений на Ставрополье стали крупные села, насчитывавшие по несколько сотен дворов.

В результате колонизации степного Предкавказья в 1802 году на огромном пространстве — от устья Лабы до Каспийского моря и к северу до Маныча — была создана Кавказская губерния (с 1827 г. — область). В её состав входили пять уездов: Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Население Кавказской губернии в 1804 г. насчитывало 97875 человек обоего пола, из них 24683 проживало в городах и 73192 — в сельской местности.

К началу XIX в. на Кавказской военно-оборонительной линии было уже восемь казачьих полков и одна горская команда — всего тридцать тысяч человек. Тем не менее, нужда в казачьих частях все больше и больше возрастала. Пополнение Кавказского линейного казачества в первой половине XIX в. было постоянной заботой местных и центральных властей. Были сделаны попытки пополнить казачьи полки даже за счет горских народов, перешедших на русскую сторону. Так, еще в 1786 г. Екатерина Великая специально выделила 50 тысяч рублей для жалования горцам, поступившим в казаки.

Генералом Ермоловым, который в 1816 г. был назначен Командующим Отдельным кавказским корпусом и управляющим гражданской частью на Кавказе, выдвигается идея превращения Кавказской губернии в казачий край. Однако, уже в конце XVIII века станицы Хоперского и Волгского полков утратили свои защитные функции. Так, Ставропольская крепость довольно скоро оказалась в стороне от военных стычек с горцами.

Границы империи двигались на юг, поэтому было решено переселить казачьи станицы ближе к границам горских народов. Переселение было начато в 1825 г. В 1825-1827 гг. было переселено 11 станиц (2647 дворов) с общим числом 8093 души. К 1830 году на переднем крае появилось еще 15 новых станиц. Казаки основали на новых местах станицы. Хоперские казаки, выселившиеся из станицы Ставропольской, были поселены в двух новых — Баталпашинской (ныне г. Черкесск) и Карантинной (с 1883 г. — Суворовская). Казаки Волгского полка, проживавшие ранее в станице Александровской, положили начало трем новым станицам — Ессентукской, Кисловодской, Бургустанской.

Переселения тяжелым бременем ложились на казачьи семьи, так как в ходе их многие казаки лишались скота и имущества, нажитого за многие годы на прежнем месте. Денежные пособия, выплачиваемые переселенцам, не могли компенсировать всех убытков, порой они вообще не

попадали в руки простых казаков. Нужда в казачьих пополнениях была так велика, что правительство рядом положений и указов 1829-1830 гг. открывало большие возможности к заселению казачьих станиц выходцами из внутренних губерний России. При этом даже допускалось отступление от ранее принятых законов, что давало возможность просачиваться в казачество даже беглым крепостным крестьянам.

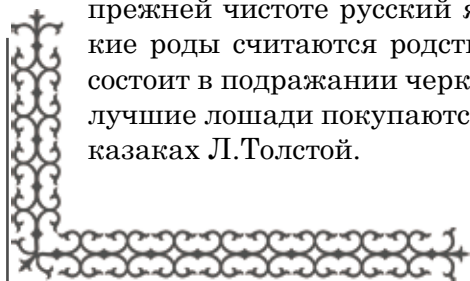
Центром, где сосредоточилось командование как регулярными, так и казачьими войсками, стал Ставрополь.

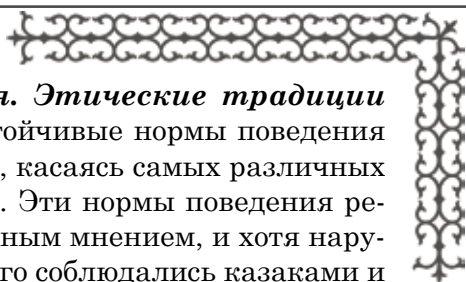
Воинская служба была делом всех способных к ней мужчин. На действительную службу или в строй поступали казаки с 20 лет. Порядок определения на службу обставлялся торжественными обрядами.

Молодые казаки являлись в станичное правление в длинных зипунах, а старые казаки обрубали зипуны топором до положенной длины, подпоясывали молодым саблю и вели в церковь для присяги. До 45-ти летнего возраста казак нес военно-полевую и станичную службу. Затем 5 лет он считался на нестроевой или внутренней службе и в 50 лет получал отставку. Все казаки приобретали за свой счет лошадь, обмундирование и оружие.

С окончанием Кавказской войны, в казачьих войсках произошли большие перемены. Были возвращены в гражданское ведомство станицы, образованные в 30-е годы из казенных сел. В 1860 г. Командующим Кавказской армией князем Барятинским А.И. была проведена административная реформа, по которой Правое крыло Кавказской линии стало именоваться Кубанской областью, Левое крыло – Терской. Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области стали именоваться Северным Кавказом. Вместо Черноморского и Линейного казачьих войск были образованы Терское и Кубанское войска. Таким образом, в Ставропольской губернии стало проживать только гражданское население. Исторический путь казаков, проживавших до середины XIX века на Ставрополье, теперь продолжался в Кубанском и Терском войсках.

Образ жизни и обычаи крестьян и казаков. В образе жизни и нормах поведения северокавказских крестьян и казаков смешались традиционные русские обычаи и кавказские, воспринятые от горцев. «Очень, очень давно предки их, старoverы, бежали из России и поселились за Терском, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. ...Еще до сих казацкие роды считаются родством с чеченскими. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же», – писал о терских казаках Л.Толстой.

Традиционные нормы поведения. Этические традиции и формы общения. Традиционные устойчивые нормы поведения передавались из поколения в поколение, касаясь самых различных сторон общественной и семейной жизни. Эти нормы поведения регулировались исключительно общественным мнением, и хотя нарушение их не влекло наказаний, они строго соблюдались казаками и крестьянами, так как отвечали требованиям народной нравственности.

Большую роль в жизни крестьян и казаков играли обычаи взаимопомощи. Было принято оказывать безвозмездную помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении. Если все трудоспособные члены семьи были больны, то соседи топили им печи, готовили еду и ухаживали за больными. Вдовам и сиротам часто оказывали помощь трудом во время жатвы и покоса. Особенно была распространена помощь погорельцам.

Совместный неоплачиваемый труд у одного хозяина крестьяне называли помочами. Хозяин приглашал соседей и родственников для завершения строительства дома, хозяйка готовила для всех угощение. Помочане участвовали в изготовлении самана, кладке дома и обмазке стен. Соседи и родственники обязательно помогали в подготовке к свадьбам, крестинам, поминкам. Желающих помочь всегда было немало, так как каждый хозяин знал, что когда-нибудь и ему понадобится помощь. Крестьяне считали для себя невозможным отказаться от участия в помочах, особенно, если сам хозяин уже пользовался помощью соседей. «Кто на помощь звал, тот и сам иди», – говорилось в народной пословице.

Хозяин был приветлив и любезен с помочанами, он не мог принуждать, указывать, как и сколько кто-то должен работать. Даже, если чья-то работа ему не нравилась, хозяин не мог сделать замечания. Угощать помочан должен был сам хозяин или кто-то из членов его семьи. Во время работы звучали песни, шутки, затевались нередко игры и шалости. Для помочей было характерно сочетание коллективной работы и праздника, переплетение трудовых и праздничных элементов. На помочах устраивали состязания по конкретным видам труда, выделялись наиболее умелые работники. Таким образом, для крестьян всех возрастов помочи были одной из форм общения.

Существовали в сельских общинах и другие коллективные работы. Так, в каждом ставропольском селе была общественная запашка – то есть участок земли, который обрабатывали все вместе, а урожай с него шел либо на помощь нуждающимся в случае неурожая в следующем году, либо на постройку церкви или школы. Такие коллективные работы были особенно важны для осуществления связи поколений, во время них происходила передача молодым производственных навыков и приемов, обмен знаниями и наблюдениями. Здесь формировались трудовые репутации крестьян, что было особенно важно для молодежи, оценивались будущие женихи и невесты.

Важным обычаем, который нравственно закреплял индивидуальную взаимопомощь, был обычай побратимства или посестримства. Побратимы называли друг друга «названными» или «крестовыми» братьями. Крестьяне и казаки становились побратимами через обряд обмена нательными крестами. При этом они произносили слова: «Будь ты мне братом» и целовали друг друга три раза. После совершения обряда обменивались подарками, но это не считалось обязательным. Главным считалось установление духовного родства, которому придавали большое значение. Поэтому иногда братание проводилось перед иконами. Ссориться или браниться с побратимом считалось грехом.

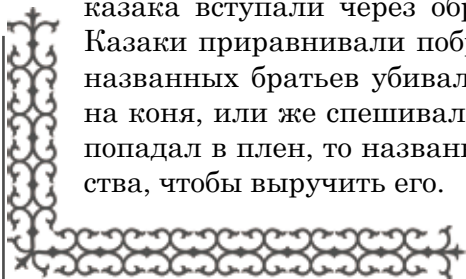
Побратимство – обычай очень древний, сведения о нем мы находим еще в былинах, которые, несомненно, свидетельствуют о наличии у русских исторической традиции обычая побратимства. Названными братьями были былинные герои Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович:

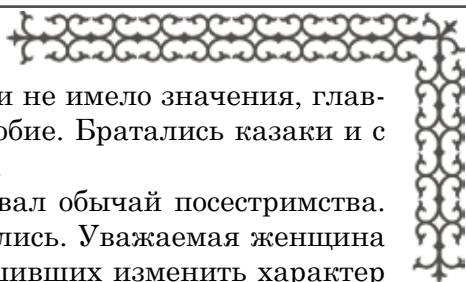
«Старый казак Илья Муромец сын Иванович
И поехал он на горы высокие
А искати он брата названова,
Молоду Добрынюшку Никитича».

В былинах один случай побратимства описан как мирный выход из боя с врагом. Братание выступало как гарантия надежности договора. Известно, что побратимами были князь Александр Невский и сын Батыя Сартак.

У крестьян братались обычно друзья, желавшие закрепить дружбу. Чаще всего побратимами становились люди, не имевшие родных братьев и сестер. Обычай был в равной мере распространен среди мужчин и женщин. Между побратавшимися устанавливались более чем родственные отношения: они заботились друг о друге в случае болезни, принимали активное участие во всех семейных событиях друг друга, как в праздниках, так и в горе. При этом близкое участие в таких событиях принимали и жены их, или мужья. Они не решали без согласия друг друга вопроса о вступлении в брак детей, помогали друг другу материально в случае нужды.

Наиболее распространен был обычай побратимства среди казачества. Военная служба казачества создавала благоприятные условия для сохранения этого обычая. Редкий казак не имел названного брата, с которым он и заключал союз на жизнь и на смерть. Отношения, в которые эти два казака вступали через обряд, считались неизменными «по гроб». Казаки приравнивали побратимство к родству. Если под одним из названных братьев убивали в бою коня, то другой брал его к себе на коня, или же спешивался и разделял его участь. Если же казак попадал в плен, то названный брат выискивал всевозможные средства, чтобы выручить его.

Соответствие возрастов при братании не имело значения, главное было, по словам казаков, – дружелюбие. Братались казаки и с чужаками, пришедшими из других мест.

Среди девушек-казачек также бытовал обычай посестримства. «Сестрились» точно так же, как и братались. Уважаемая женщина обменивала кресты у двух девушек, решивших изменить характер своих дружеских отношений, переводя их на более высокий уровень. При этом казачки делали друг другу подарки: платки, кольца. Отныне они считались «по крестам» сестры и оказывали друг другу всевозможные услуги.

Поселившись на Кавказе, казаки устанавливали тесные взаимоотношения с местными народами, вступали с ними в хозяйственные, торговые, культурные связи. Нередко между казаками и горцами завязывалась крепкая дружба. Друга-горца называли «кунак», это слово в переводе с тюркского означает «приятель», «гость». Обычай куначества был издревле известен у народов Кавказа, он зародился, как считают исследователи, в результате тесных межэтнических контактов кавказских народов. Казаки не только поддерживали обычай куначества, но и гордились своей дружбой с горцами и передавали ее детям как священный завет из поколения в поколение. Установление куначества означало вечную до конца жизни дружбу между людьми различных этносов и вероисповеданий.

Вот как говорит об отношениях с кунаком терский казак в повести Л.Толстого «Казаки»: «Меня так-то за рекой Гирей-хан привел в саклю, говорит: выбирай любое. Вот я эту пашку и взял. Такой у нас закон».

Кунак считался другом семьи, помогал в горе и радости, обязательно участвовал в свадьбах и похоронах. У казаков были кунаки из всех кавказских народов. Терские казаки куначились с кабардинцами, кумыками, ногайцами, чеченцами. Газета «Ставропольские губернские ведомости» описывала в 1853 г. приезд русского кунака в ногайскую семью. Кунак считал своим долгом приехать, чтобы выразить соболезнование по случаю смерти члена семьи своего друга. Он вспоминает: «Мне предложили одно из почетных мест. Здесь я нашел многих знакомых приезжих кунаков». Кунаки должны были обязательно угощать приехавшего друга, обмениваться с ним подарками.

Обычай установления куначеских отношений, после которых люди становятся друзьями «на жизнь и на смерть» описывает и Л.Н. Толстой. Молодой Лев Николаевич, прибывший на Кавказ, стал кунаком чеченца Садо Мисербиева. Садо пригласил его в гости, устроил угощение и попросил выбрать себе в подарок то, что понравится в его доме. Видя растерянность Л.Н. Толстого, Садо принудил его взять дорогую пашку, стоимость которой Лев Николаевич определил в 100 рублей серебром. В ответ Л.Н. Толстой подарил музыкальную шкатулку, которая привела в восторг юного чеченца.

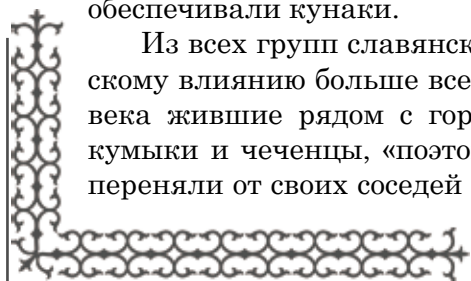
Обычай куначества был так распространен среди казаков и горцев, что не исчез даже в период Кавказской войны. Во второй половине XIX в. представители властей неоднократно на казачьих сходах поднимали вопрос о запрете куначества, но казаки не соглашались с этим. Многие казаки знали язык кумыков и кабардинцев, поэтому принимали их у себя, когда те приезжали торговать седлами, оружием или серебряными украшениями, которые они мастерски изготавливали. Нередко казаки давали детям кабардинские имена и прозвища, так как имели в Кабарде друзей и родственников.

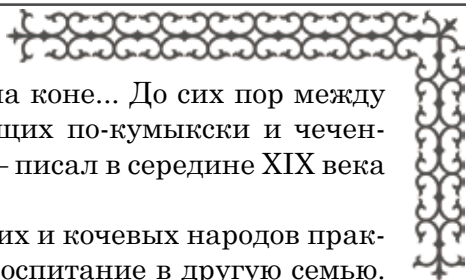
Кунак-казак имел такие же права и обязанности, как и кунак-горец. Кунаку нельзя было отказать ни в какой просьбе, даже, если он просил у друга самое ценное – оружие, коня, деньги. Но в то же время кунак был обязан защищать честь и имущество друга до последней капли крови. Кунаки посылали друг другу своих сыновей, чтобы те, прожив среди другого народа, выучили его язык и обычаи. Часто в семьях казаков долго проживали дети чеченцев, которые осваивали русский язык. Например, первый чеченский историк и этнограф У. Лаудаев выучил русский язык в станице Наурской.

В давние времена из семей кунаков казаки брали себе жен, что значительно повлияло на семейный быт и обычаи казачества. Кунаки гордились своей дружбой, казаки не считали за человека того взрослого парня или мужчину, который не имел одного или нескольких кунаков из соседних народов. Старейшие жители гребенских станиц до сих пор помнят, с каким кабардинским, чеченским, кумыкским или иным родом куначились их деды и прадеды.

Соблюдение и сохранение обычая куначества было совершенно необходимо в условиях беспокойной жизни на Кавказе, благодаря этому обычаю казаки и горцы могли устанавливать и поддерживать связи с соседними народами. Так, кизлярские казаки просили администрацию выделять им деньги на подарки кунакам во время их поездок в горы, так как казаки не только проживали у кунаков, но и просили у них помощи в выполнении заданий. В свою очередь казаки принимали у себя по обычаю многочисленных гостей с гор, в связи с чем даже настаивали на повышении жалованья. Куначество облегчало и торговые операции. Благодаря поддержке казаков-кунаков чеченцы, кумыки и другие горские народы открывали в станицах терских казаков торговые лавки, приезжали на ежегодные ярмарки и еженедельные базары. Казаки также выезжали торговать на рынки Дагестана и Чечни, где покровительство и защиту им обеспечивали кунаки.

Из всех групп славянского населения, живших на Кавказе, горскому влиянию больше всего подверглись гребенские казаки, с XVI века жившие рядом с горцами. Ближайшими соседями их были кумыки и чеченцы, «поэтому не удивительно, что гребенцы много перенимали от своих соседей не только в одежде, образе жизни и обы-

чаях, но и в поступи, походке, посадке на коне... До сих пор между гребенцами сравнительно более говорящих по-кумыкски и чеченски, нежели в других казачьих полках», – писал в середине XIX века М.Я. Ольшевский.

Казаки Терека заимствовали у горских и кочевых народов практику аталычества – передачу детей на воспитание в другую семью. Казаки отдавали своих детей на несколько лет на воспитание в кумыкские, чеченские семьи для обучения языку, обычаям и нормам поведения.

Одним из замечательных обычаев у казаков и русских крестьян был обычай гостеприимства. Любого путника принято было пригласить в дом, накормить и предоставить ночлег. Со случайного прохожего за хлеб-соль денег не брали, вспоминая пословицу: «хлеб – соль разбойника побеждает». Гостей было принято хорошо и обильно угощать, если гости мало ели и пили, то хозяева обижались. Потчевание наиболее дорогих гостей постоянно сопровождалось поклонами и чествованиями. В жизни казаков, более тесно общавшихся с горцами, чем крестьяне, обычай хлебосољства играл особую роль. Гостеприимство оказывалось всем, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания. Какой бы казак ни был бедный, он всегда находил угощение для пришедших в его дом.

Казаки разных гостей принимали по-разному. Во время храмовых праздников (это праздник в честь того святого, которому посвящена церковь), которые жители селения отмечали один или два раза в году, в станицу приезжали жители соседних и даже дальних сел. Для приезжих накрывали столы прямо на площади перед церковью. В домах также устраивали угощения для знакомых и незнакомых людей. По наблюдениям современников, такие праздники происходили шумно и дружно.

И казаки, и крестьяне считали своим долгом принять в доме нищих, странников, беглых старцев-старообрядцев. Прием таких людей происходил размеренно и спокойно, хозяин дома оказывал им особое покровительство. Если же гостем казака был человек мусульманского вероисповедания, то образа (иконы, висевшие в комнате) закрывали пеленой, на стол не ставили спиртного, а гостю давалось право самому забить скотину или птицу. Исследователи отмечают, что особым хлебосољством в этом плане отличались казаки станицы Червленной. Здесь нашли приют и остались навсегда многие выходцы из горных и плоскостных районов Северного Кавказа, о чем свидетельствуют фамилии гребенских казаков – Кучуковы, Закоевы, Грузиновы, Гулаевы, Байсунгуровы, и также их предания.

Во взаимоотношениях казаков и горцев встречались не только дружба и взаимопомощь, как у и любых соседей, могли быть ссоры и конфликты, однако народная дипломатия, опираясь на сложившиеся веками обычаи, прекрасно справлялась с их урегулированием, не обращаясь к помощи властей. Казаки восприняли от горцев обычай баранты, по которому считалось допустимым захватывать скот и имущество обидчика до возмещения

ущерба. Виновная сторона поэтому старалась вовремя возместить ущерб. По свидетельству И.Дебу, в начале XIX века взаимоотношения чеченцев и казаков строились «по правилам здесь известной баранты, заключающейся в дружелюбном расчете, то есть во взаимном отгоне скота, который, в случае несправедливости, возвращался обиженному с помощью посредников, кунаками здесь называемых».

Об использовании методов примирения, выработанных народной дипломатией, писала в своем письме в Петербург горская княгиня Кячи Беки: «А когда б между нами и казаками произошло что противное, то надлежит разбраться по прежним нашим обычаям... И когда мы с казаками так поступим, как они прикажут, и по нашим имеющимся древним обычаям станем себя присягою очищать и по сем мир между собою продолжим» (цитата по книге: Н.Н. Великая. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII- XIX вв.).

Исследователь Восточного Предкавказья Н.Н. Великая справедливо считает, что в этом регионе на основе традиций и обычаев разных народов сформировалась обычно-правовая система, признаваемая всеми этническими группами.

У казаков, в первую очередь терских, сформировались своеобразные брачные и семейные обычаи, в которых сильно чувствовалось влияние горских обычаев. Так как Терек первоначально заселяли группы воинов-профессионалов, то жен они брали себе среди местного населения или путем умыкания, или по добровольному согласию. Со временем казаки вступали в родственные отношения с семьями выходцев из среды горцев, поселившихся в казачьих городках, а также с их родственниками и кунаками. Следы подобных браков прослеживаются в антропологическом типе населения старожильческих гребенских станиц.

О браках казаков с горянками свидетельствует песня, записанная в конце XIX века в станице Расшеватской (бывшей Кавказского уезда Кубанской области, ныне – Ставропольского края):

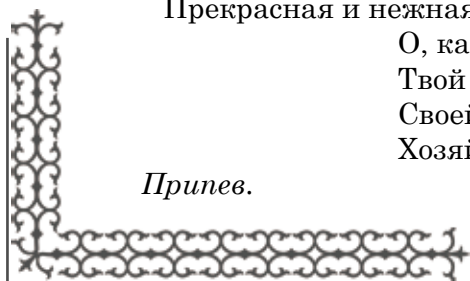
«О, девушка, о, стройная,
Склонилась у ручья.
Скажи мне, черноокая,
Откуда ты и чья?»

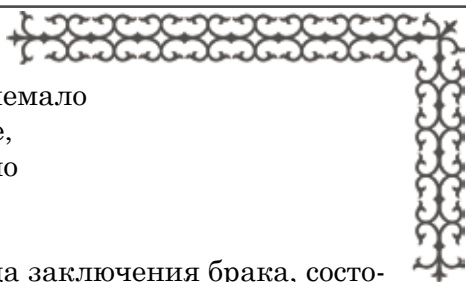
Припев:

Горянка, горянка,
Веселая южанка,
Как наши горы снежные,
Прекрасная и нежная.

О, как мне хочется понять
Твой ясный, нежный взор,
Своей любимую назвать,
Хозяйкой снежных гор.

Припев.

Прекрасных есть немало
Красавиц на земле,
Но сердце не устало
Петь песню о тебе.

Привеи».

Кроме традиционного русского обряда заключения брака, состоявшего из сватовства и свадебного пира, у казаков бытовал и брак путем увода, заимствованный у горцев. Как и у горцев, существовало насильственное похищение вопреки желанию девушки, и похищение по сговору с целью сокращения свадебных расходов.

В свадебную обрядность включались детали, характерные для местного северокавказского населения. Это оставление части приданого в семье родителей, одаривание молодых предметами домашнего обихода, изготовленными из металла (кувшинами, блюдами, тазиками), возведение невесты на белый войлок, кошму или шкуру, и особенно внешнее оформление казачьей свадьбы, где обязательно присутствовали джигитовка, исполнение кавказских танцев, стрельба из огнестрельного оружия.

Дружественные и родственные связи с горцами оказали у казаков влияние и на особенности семейного и общественного быта. Многие терские казаки, как и горцы, стеснялись в присутствии посторонних брать на руки детей и играть с ними, оказывать знаки внимания жене, что совершенно нехарактерно для традиционной русской семьи. Женщина никогда не переходила дорогу мужчине, а при его появлении в доме вставала в знак уважения. В вопросах врачевания в станицах широко использовали опыт горских врачей.

Все казачьи праздники сопровождалась джигитовкой, скачками, соревнованиями по владению оружием. Оружие и военное воспитание казаки заимствовали у соседних горцев. Старые казаки обучали юношей верховой езде, стрельбе, виртуозному владению холодным оружием. Для этого за станицей специально отводили площадку. Здесь молодые люди постигали азы джигитовки.

На полном скаку выполняли различные упражнения, например, две скакали на лошадях и держали турник, а третий на нем переворачивался. На праздники устраивали скачки, где молодежь показывала свою удалость. На скачки собиралась все население станиц, казаки к ним тщательно готовились, приводили в порядок сбрую и оружие, чистили лошадей, тренировались в наездничестве. Особенно трудными были скачки через препятствия, когда наезднику надо было преодолеть ров с водой, плетень или земляную насыпь. Победитель скачек должен был подхватить приз с земли на полном скаку.

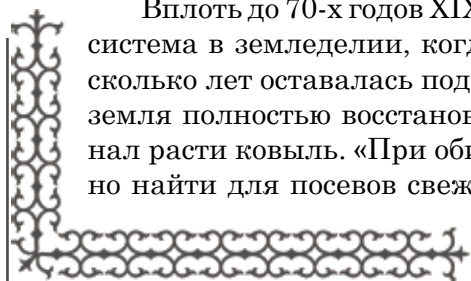
Связи славян с местными народами. Заимствования в хозяйстве и материальной культуре. Хозяйство и хозяйственный быт славянского населения складывались в процессе колонизации региона.

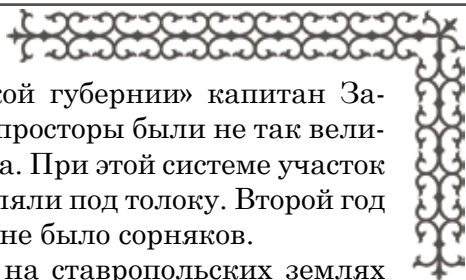
Поселяясь на новых землях, переселенцы вступали в тесные экономические, торговые и культурные связи с местными народами, ставропольские крестьяне – в первую очередь с ногайцами, а также калмыками и туркменами, терские казаки – с чеченцами, кумыками, караногайцами. Часть ногайцев принимала участие в строительстве укреплений и населенных пунктов Кавказской линии. Они перевозили продукты и строительные материалы при постройке Ставропольской крепости. Постепенно между русскими и кочевниками все более крепились хозяйственные связи. Ногайцы помогали русским крестьянам, только что начавшим осваивать степные просторы, в уборке хлеба и сенокосении. У кочевых народов было много скота и лошадей, поэтому они стали основными перевозчиками продовольствия, леса, казенной почты и т.п. Перевозка грузов стала основным видом натуральных повинностей, возложенных правительством на ногайцев.

Основной единицей военного, административного и хозяйственного устройства была у крестьян и казаков община. Община выступала хранителем обычного права, распорядителем земель, данных казакам и крестьянам в пользование. Военная служба, хотя и являлась важнейшим занятием казака, была далеко не единственным его делом. Получив земельные наделы, казаки должны были не только обеспечивать свои семьи, но и сами снаряжаться на службу.

Основными занятиями казаков, проживавших на Ставрополье, были земледелие и скотоводство, причем их соотношение в хозяйстве изменялось на протяжении конца XVIII- середины XIX в. Первые переселенцы вначале занялись разведением скота, а затем уже приступили к распашке земель. Еще в начале XIX века наиболее устойчивые доходы давало скотоводство. Лишь со второй половины 40-х годов земледелие становится главным занятием казаков. С 60-х годов, с окончанием Кавказской войны и проведением реформ земледелие начинает развиваться особенно бурно. Формально душевой надел казака составлял 30 десятин земли. Полковому командиру полагалось 300 десятин земли, старшинам – 60 десятин. На душу мужского пола государственным крестьянам на Ставрополье полагалось 15 десятин. Однако до середины XIX века как у казаков, так и у крестьян господствовала захватная система землепользования, когда при наличии больших земельных просторов размер запашки зависел лишь от количества скота и рабочих рук в семье. В назначенный день станичники выходили в поле, и каждый хозяин занимал тот участок, который успевал опашать кругом. Также поступали и с сенокосными землями.

Вплоть до 70-х годов XIX века применялась залежно-переложная система в земледелии, когда после ряда лет вспашки земля на несколько лет оставалась под залеж или пастбу скота. Считалось, что земля полностью восстановила плодородие, когда на залежи начал расти ковыль. «При обилии земли в здешних краях всегда можно найти для посевов свежую землю», – писал в 1850 г. в «Военно-

статистическом описании Ставропольской губернии» капитан Забудский. В тех станицах, где земельные просторы были не так велики, устанавливается трехпольная система. При этой системе участок два года засевался, а на третий его оставляли под толоку. Второй год сеяли без вспашки, так как на поле еще не было сорняков.

Основной полеводческой культурой на ставропольских землях была пшеница. В процессе освоения целинных земель и приспособления к местным природным условиям ставропольские казаки и крестьяне создали замечательные местные сорта пшеницы: такие как яровая пшеница «гарнавка» и «гирка», озимая пшеница «буйволинка». Они отличались высокими качествами и засухоустойчивостью, что было особенно важно в ставропольских степях.

Скот и продукты скотоводства стали основным предметом обмена между славянами и коренными народами – кочевниками и горцами. Однако связи русских и украинских крестьян и казаков с местными народами не сводились только к торговле. Местное население и переселенцы рядом пахали землю и пасли скот, арендовали друг и друга земли, перенимали хозяйственные навыки. Переселенцы из центральных губерний страны были земледельцами, но навыки ведения земледельческого хозяйства, передававшиеся из поколения в поколение, оказались во многом непригодны к новым природным условиям, а большие земельные просторы и удобные степные пастбища способствовали развитию скотоводства. К тому же, для ставропольских степей были характерны сильные колебания в урожайности хлебов в зависимости от количества осадков. Поэтому, чтобы сделать хозяйство более стабильным, крестьяне и казаки стали заниматься скотоводством, и не в качестве подсобного занятия, как это было в центральной России, а в качестве основного.

Скотоводство меньше зависело от погодных условий и поэтому надежнее обеспечивало хозяйство. Разводили крупный рогатый скот, лошадей и овец. В конце XVIII – начале XIX в. скотоводство носило на Ставрополье экстенсивный характер, большую часть года скот содержался на подножном корме. Такую систему ведения хозяйства славяне заимствовали у местных кочевников. Сена запасали немного, давая его только в сильные морозы. В начале XIX в. был распространен скот калмыцкой и ногайской пород, который был неприхотлив, хотя и малопродуктивен. Горские породы скота попадали в казачьи хозяйства различными путями, большинство скота покупали на ярмарках. Разводили скот не только для своих потребностей, но и большей частью для сбыта, как шерсти, так и мясного скота.

У казаков было издавна развито коневодство, что объяснялось военной спецификой их быта. Живя в соседстве с кочевыми народами и горцами, русские переселенцы восприняли у них и породы лошадей, наиболее приспособленных к местным условиям, которые способны были пройти в сутки на подножном корму 100 верст.

Если методы ведения скотоводческого хозяйства были заимствованы у местных народов, то последние, в свою очередь, перенимали у русских их опыт по выведению более высоких пород скота. Земли под выпас скота крестьяне арендовали у местных кочевых народов или же отдавали свой скот для пастбы ногайцам или калмыкам.

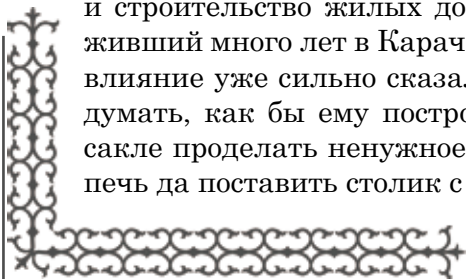
Быстрое заселение ставропольских степей русским и украинским крестьянством, усиленная распашка земель ограничивали возможности кочевания. Это не могло не отразиться на хозяйственной жизни кочевого населения. Невозможность в прежних размерах заниматься кочевым скотоводством принуждала их переходить к оседлости, осваивать земледелие. К 40-м годам XIX века уже многие ногайцы стали строить постоянные жилища. В них они жили зимой, а летом продолжали кочевать в кибитках. К середине XIX века до 30% ставропольских ногайцев стали вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием. В оседлых поселениях появилось птицеводство, стали развиваться ремесла: выделка кожи, изготовление седел, кузнечное дело.

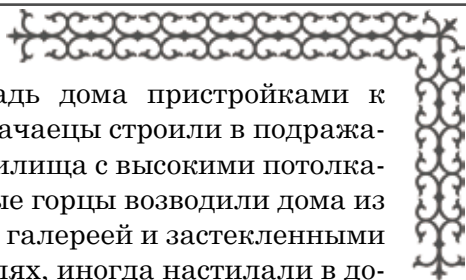
Заимствования в области материальной культуры у русских и горцев были взаимными. Приезжая в села и станицы на ярмарки или в гости к кунакам, горцы видели, как выглядели русские поселения, как было устроено жилище, и перенимали то, что казалось им удобным и практичным. При строительстве новых аулов усадьбы стали располагаться вдоль улиц, проходивших через все поселение.

Окна домов стали делать на той стороне дома, которая выходила на улицу. Такие изменения во внешнем облике селений стали возможны с установлением мирной жизни на Кавказе, когда дом и двор горцу уже не нужно было устраивать как крепость.

Учитывая крайнюю земельную тесноту горского населения, российское правительство выделило земли на равнине для расселения наиболее малоземельных аулов. При переселении на равнину горцы стали использовать новые строительные материалы, менять технику постройки домов. Так, карачаевцы Малого Карачая стали строить турлучные жилища, как у черкесов, а позже – саманные, как у русских. Шире применялись привозные строительные материалы, в частности, жость, в срубных домах появились большие окна, которых не было в традиционном горском жилище.

Под влиянием русского и украинского населения менялась и планировка жилищ. Вначале по русскому образцу строились только общественные здания: аульные правления, школы, больницы. Но вскоре началось и строительство жилых домов русского и украинского типов. Проживший много лет в Карачае учитель В. Колесников писал: «Русское влияние уже сильно сказалось на карачаевце... И стал карачаевец думать, как бы ему построить русский домишко или хоть в своей сакле проделать ненужное до сего времени окно и сделать русскую печь да поставить столик с табуреткой».

Черкесы стали увеличивать площадь дома пристройками к основному помещению, Зажиточные карачаецы строили в подражание казачьим домам многокомнатные жилища с высокими потолками, большими окнами и дверями. Богатые горцы возводили дома из дерева на каменном фундаменте, часто с галереей и застекленными окнами. Двери делали на железных петлях, иногда настилали в домах деревянные полы. Значительным новшеством было появление в горских домах русских печей. Сначала их ставили в комнате для молодых. А там, где жили старики, обходились очагом с дымарем. В некоторых домах очаг на зиму обкладывали и обмазывали глиной, превращая в печь. Дома знати всех горских народов в конце XIX века все больше походили на дома русского населения.

Изменилось и внутреннее убранство жилищ. У богатых горцев появилась европейская мебель – столы, стулья, металлические кровати, шкафы, комоды, зеркала. На окна стали вешать занавеси и портьеры из фабричных тканей, столы накрывать скатертью. Зажиточные горцы и кочевники покупали самовары, швейные машины, изредка даже граммофоны и пианино.

Русские крестьяне и казаки также заимствовали у горцев и кочевников понравившиеся им элементы жилища и интерьера. Так, очень популярны стали в селах и станицах настенные ковры, которые покупали у горцев. Позже появились в русских селениях мастерицы, которые сами научились изготавливать ковры без ворса. Причем, если у хозяина не было денег на ковер, то его заменяли куском ситца, который вешали на стену, а некоторые девушки раскрашивали стену, имитируя ковер.

Казаки по горскому обычаю стали вешать на стену оружие. По словам историка терского казачества И.Д.Попко, русские много переняли у горцев во внутреннем убранстве дома. По одной стене, иногда по-кавказски украшенной коврами, было развешено оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; на самом видном месте красовалась на полочках тщательно вычищенная и парадно расставленная посуда, причем особой любовью пользовалась металлическая – главным образом, медная и более редкая серебряная (кувшины для воды, блюда, кубки и т.д.). Все это сочеталось с традиционной русской печью с широким устьем, просторными русскими лавками, порой на кавказский манер покрываемые коврами, столами, стульями, сундуками, иконами в красном углу.

Коснулись взаимные заимствования у казаков, крестьян и горцев – одежды. Костюм казаков, поселившихся на Ставрополье, первоначально не отличался от костюма населения тех районов, из которых они переселялись. Волжские казаки носили кафтаны, шаровары, шапки с красным верхом и голубые кушаки. Хоперские казаки не имели форменного обмундирования и вооружения, «а носили одежду нарядную, подобную одежде донских казаков, т.е. короткий кафтан, застегнутый на крючки, широкие

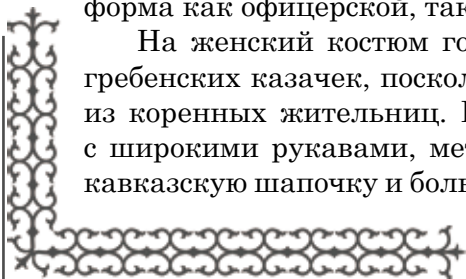
шаровары поверх сапог и высокую черную шапку с длинным красным верхом, выпушенным набок. Летом хоперцы выходили на службу в простых холщевых рубашках домашнего изделия, которые запускались в широкие, холщевые же шаровары и на поясе завязывались очкурор; шапка оставалась та же», – писал современник.

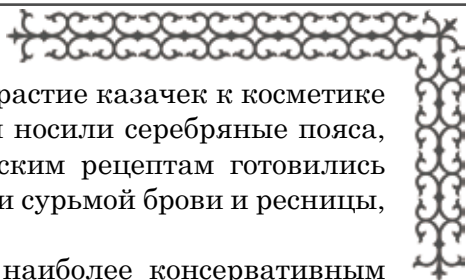
По прибытии на Кавказ казаки стали заимствовать горское вооружение и костюм, так как они были лучше приспособлены к местным климатическим и боевым условиям. «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя». Горский костюм, состоявший из скроенных в талию бешмета, черкески и суживающихся книзу штанов, с высокими мягкими сапогами, действительно был удобен как при верховой езде, так и на дежурстве. Кроме того, он отражал представления горцев о красоте, мужественности, эта одежда олицетворяла тип лихого и отважного наездника, которой на Кавказе стал понятен и близок казакам.

Вот как описывает внешний вид казака Л.Толстой в повести «Казаки»: «Широкая черкеска была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, ноговицы спущены ниже колен. Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с той особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам. На настоящем джигите все всегда широко, оборвано, небрежно: одно оружие богато. Но надето, подпоясано и пригнано это оборванное платье и оружие одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку или горцу».

Высочайшим повелением 1817 г. казакам впервые официально предписывалось иметь обмундирование «черкесского образца», что знаток казачьей культуры О.В.Матвеев считает утверждением горского костюма на государственном уровне. 16 января 1831 г. в полках и войсках, поселенных на Кавказской линии, впервые устанавливалась форма обмундирования. Казаки должны были носить черкески, бешметы, суконные шаровары, ноговицы и чуваки. Вместо шинели носили горскую бурку, которая не только защищала от ветра и дождя, но и предохраняла от сабельных ударов и даже пуль. В комплект одежды входил также башлык, наборный пояс, кинжал, шашка и пистолет. Офицерам полагались золотые чешуйчатые эполеты, казакам – суконные погоны со знаком полка. В принятом в 1845 г. Положении о Кавказском линейном казачьем войске была закреплена форма как офицерской, так и казачьей одежды.

На женский костюм горская одежда повлияла больше всего у гребенских казачек, поскольку те нередко были по происхождению из коренных жительниц. Казачки носили платье горского покроя с широкими рукавами, металлическими нагрудными застёжками, кавказскую шапочку и большой, спадающий на спину платок. Влия-

нием горского быта объясняется и пристрастие казачек к косметике и металлическим украшениям. Казачки носили серебряные пояса, монисты, кольца, браслеты. По кавказским рецептам готовились косметические средства, казачки красили сурьмой брови и ресницы, отбеливали и румянили лицо.

Пища является у каждого народа наиболее консервативным элементом материальной культуры, однако и в этой области у русских и у горцев было немало заимствований. Казаки научились изготавливать из просяной муки саламату, употреблявшуюся вместо хлеба, которая напоминала по способу приготовления и использования адыгскую пшеничную пасту. Русские восприняли от горцев также технику и приемы обработки продуктов скотоводства, так, большой популярностью пользовался соленый и сушеный овечий сыр, а также мучные изделия с добавлением в пресное тесто соленого творога и сыра. Местные народы, в свою очередь, заимствовали у русских способы приготовления различных славянских блюд из рыбы, овощей, теста.

Таким образом, связи славян с коренными народами Северного Кавказа привели в процессе приспособления к местным условиям к формированию нового комплекса культуры и типа хозяйственной деятельности. У горских и кочевых народов славянами были заимствованы многие способы и методы ведения скотоводческого хозяйства, породы скота, элементы материальной культуры.

Торговые связи. В первой половине XIX в. Ставрополье, как и весь Северный Кавказ, стало активно втягиваться в товарное обращение во всероссийском масштабе. Торговые связи возникали как внутри губернии между русским, украинским населением, горскими и кочевыми народами, так и с другими народами Кавказа и с центральной Россией. К середине века получили развитие торговые связи и с границей, так как скот, хлеб и другие продукты Северного Кавказа пользовались большим спросом на международном рынке.

Северный Кавказ превращался в поставщика скота и хлеба, шерсти и мяса, вина и спирта, в потребителя промышленной продукции центральной России: тканей и металлических изделий, посуды и галантереи. Спросом пользовались колониальные товары: чай, сахар, кофе.

Города, возникшие на Азовско-Моздокской линии, быстро превращались в значительные центры губернской торговли. В Георгиевске и Ставрополе к началу XIX в. уже были учреждены по две ярмарки в год. Для развития торгового оборота в губернии в 1814 г. издан специальный указ «О дозволении производить торговлю на ярмарках всем сословиям». В Георгиевске и Ставрополе на ярмарки съезжались не только купцы Северного Кавказа, но и Воронежской, Курской, Екатеринославской губерний.

Ставрополь становится в 1815 г. центром управления учреждённых на Кавказской линии меновых дворов, здесь находился главный смотритель

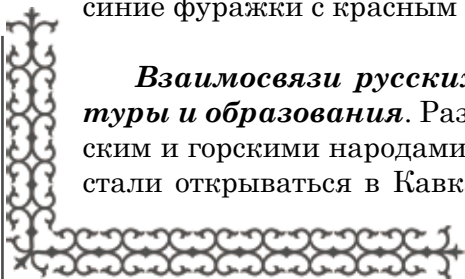
меново́й торговли с горскими народами. Превращение Северного Кавказа в рынок сырья и рынок сбыта для промышленности центральной России способствовало росту товарности хозяйства. Пшеница стала основным продуктом во внутренней и во внешней торговле Северного Кавказа. Вывозили за границу, кроме того, скот и кожи, масло и шерсть. Лучшей по качеству после тонкорунной считалась шерсть, получаемая от карачаевской породы овец. Её охотно покупали как на внутренних рынках, так и на внешнем.

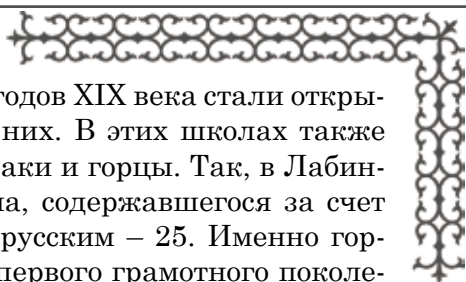
Основными центрами торговли были ярмарки, проводимые в городах Ставрополе, Георгиевске и в ряде сёл. В Ставропольской губернии и на Кавказской линии в 1849 г. насчитывалась 41 ярмарка. Своеобразный характер носила торговля с местными народами Северного Кавказа, которую правительство попыталось взять в свои руки. Для этого по всей Кавказской линии были открыты меновые дворы и карантинны. Меновые дворы создавались около крупных станиц и укреплений. Горские народы привозили на меновые дворы продукты своего сельского хозяйства и ремесла, лес, пригоняли скот. В обмен на это первое время они получали, главным образом, соль, позже стали продавать свои товары за деньги, на которые покупали ткани и металлические изделия, хлеб, сундуки и т. д. Всего охотнее посещали горцы ярмарки и базары в Ставрополе, Георгиевске и крупных селах. На Ставропольскую ярмарку ногайцы и другие народы проезжали обычно через Невинномысскую карантинную заставу.

Особой популярностью у кочевого населения Ставрополья пользовались ярмарки: «калмыцкая» у с. Ивановского Больнедербетовского улуса, проводившаяся в марте каждого года, и майская ярмарка туркменского народа в Летней Ставке. Самым большим спросом на ярмарках пользовался крупный рогатый скот, овцы, кожи, шкуры («курпеи»), продававшие которые кочевники покупали муку, чай, бакалейные товары, шёлковые и шерстяные ткани, табак, лён, пеньковые изделия.

Кроме периодического торго́га на ярмарках, торговля велась в лавках. В сёлах Привольном, Летницком, Жуковском, Красной Поляне, Ивановском, Новогорлыкском и Новоманычском было много лавок, торговавших «красным товаром», которые, по словам современника, «удовлетворяют потребности не только местного населения, но и соседнего калмыцкого Больнедербетовского улуса и оттого круг их торговой деятельности обширнее». В лавках продавали миткаль, кумач, нанку, плис, коленкор, бязь, ситец, бумажные, шерстяные и шёлковые платки, сукно, трико, кисею, а также сахар и чай. Большим спросом у местных народов пользовались синие фуражки с красным околышком.

Взаимосвязи русских и горцев в области духовной культуры и образования. Развитию дружественных связей между русским и горскими народами способствовали русские школы, которые стали открываться в Кавказской области. В этих школах вместе с

русскими учились и дети горцев. С 60-х годов XIX века стали открывать горские школы с пансионатами при них. В этих школах также обучались вместе русские крестьяне, казаки и горцы. Так, в Лабинской горской школе из 40 мест пансионата, содержавшегося за счет казны, горцам было выделено 25 мест, русским – 25. Именно горские школы способствовали появлению первого грамотного поколения горцев. За первые 18 лет три горские школы Терской области выпустили 337 воспитанников, за первые 30 лет Майкопскую школу окончили 177 адыгов.

Горских школ, тем не менее, не хватало для удовлетворения потребности в образовании. Аульные общества постоянно ходатайствовали об открытии русских школ, причем брали на себя обязательства за свои средства строить здания и содержать школы. Первая школа для горцев Баталпашинского отдела (ныне Карачаево-Черкесия) Кубанской области была открыта в 1877 г. в ногайском ауле Мансуровском, в 1878 году – в карачаевском ауле Учкулан, затем в ауле Теберда и Бибердовском. В начале XX века в Баталпашинском отделе было уже 30 школ. В школах дети горцы изучали русский язык, письмо и счет. К 90-м годам XIX века, в результате обучения в русских школах, уже имелись учителя-просветители из горских народов.

Большую роль в установлении дружеских контактов русского и северокавказских народов, а также в развитии и пропаганде русской культуры на Кавказе сыграла Ставропольская гимназия – первая гимназия в этом регионе. Гимназия была преобразована из уездного училища в 1837 г. с приездом в Ставрополь императора Николая I. Гимназия размещалась в каменном доме, два этажа занимали учебные комнаты, а третий – пансион для детей дворян. Ставропольская мужская гимназия стала центром образования для всего Северного Кавказа. В 1842 г. при гимназии было открыто подготовительное отделение для подготовки детей горцев к поступлению в кадетские корпуса, а также создан пансион для горской молодежи. Это положило начало приобщения горских и кочевых народов к передовой русской культуре. Таким образом, в ставропольской гимназии стала формироваться местная интеллигенция, как из среды славянских, так и коренных народов.

Первые горцы-гимназисты появились в Ставрополе в 1849 г., жили они в «благородном», как его официально называли, пансионе при гимназии. Горцам предоставлялось определенное количество мест за счет государства, эти места назывались «казеннокоштные», то есть содержание и обучение детей велось полностью за счет казны. На эти места брали учеников по рекомендации местных властей, причем тех детей, которые знали русский язык. Если ученик успешно закончил горскую школу, то в гимназию его принимали без экзаменов, остальные сдавали вступительные экзамены. Число горцев, обучавшихся в гимназии, было велико, так в 1854 г. из 94 воспитанников пансионата горцев было 40%.

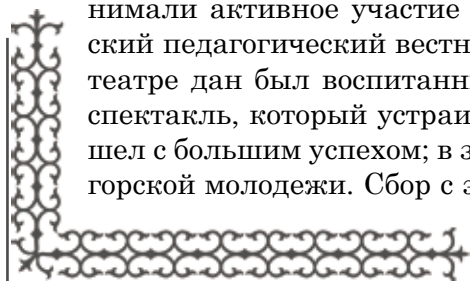
В гимназии работали замечательные и прогрессивные педагоги. В 1850-1861 гг. директором гимназии был Януарий Михайлович Неверов, выдающийся педагог и просветитель. Выпускник Московского университета, он был близко знаком со многими выдающимися людьми того времени – В.Г. Белинским, А.М. Герценом, Н.В. Станкевичем и разделял их взгляды. Неверов стремился воспитать у учащихся способность размышлять, работать не памятью, а умом.

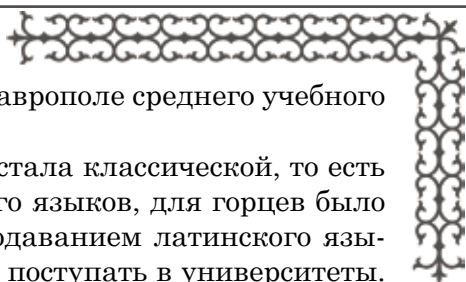
«Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть,
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь...
Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь,
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш «Кровь за кровь».
Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей...
Я знал его...Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей»,

– писал об учителе К.Хетагуров.

В гимназии были созданы два дополнительных класса – университетский – для подготовки к поступлению в вузы и педагогический – для подготовки учителей. Неверов был сторонником распространения просвещения среди горских народов, при нем в гимназии сложилась замечательная традиция: ежегодно проводить конкурс лучших сочинений на русском языке. Нередко высших наград удостоивались кавказцы. Преподаватель русской словесности Ф.В.Юхотников писал в 1858-м году: «Из 20 горцев, учеников этой гимназии, большинство не только начало соперничать с русскими, но и заметно выдаваться вперед. На горцев посыпались награды и поощрения. Они являлись в родной аул с новыми познаниями и в родном языке».

Ставропольская гимназия долгое время оставались единственным ближайшим учебным заведением, где получали образование дети дворян, чиновников, казаков и горцев. Большое воздействие на выпускников гимназии оказывала атмосфера общественной и культурной жизни города Ставрополя, которая создавалась под влиянием передовых офицеров, в том числе декабристов, интеллигенции. Учащиеся гимназии сами принимали активное участие в этой жизни. Столичный журнал «Русский педагогический вестник» писал в 1858 г.: «На Ставропольском театре дан был воспитанниками губернской гимназии публичный спектакль, который устраивался с благотворительной целью и прошел с большим успехом; в заключение состоялся концерт с участием горской молодежи. Сбор с этого спектакля в сумме 545 рублей сере-

бром предназначался на устройство в Ставрополе среднего учебного заведения для девушек всех сословий».

В 1866 г. Ставропольская гимназия стала классической, то есть с преподаванием греческого и латинского языков, для горцев было утверждено реальное отделение с преподаванием латинского языка. Окончив это отделение, горцы могли поступать в университеты. С 1871 г. с введением у горских народов гражданского управления, был введен следующий порядок распределения казеннокоштных мест: от горцев Кубанской области – 15, от Терской – 21, Дагестанской – 35, Сухумского отдела – 10, Закатальского округа – 4, всего 85 мест. В Ставропольской гимназии учились представители всех народов Северного Кавказа, Так, в 1883 году в пансионе гимназии проживали 20 осетин, 4 аварца, 3 абхаза, 3 ингуша, 3 кабардинца, 5 кумыков, 5 лезгин, 4 черкеса, 2 ногайца, 1 карачаевец и 1 чеченец. В гимназии учились и дети кочевых народов – ногайцев, калмыков. Например, в 1891 году царь Александр III отдал распоряжение о приеме в пансион калмыка Сандже, сына Мусы Немгирова.

Тяга к обучению у горцев и кочевников была велика. Поэтому нередко установленные нормы приема значительно превышались. Так, в 1890 году в гимназии обучалось 43 горца из Дагестана, 18 – из Кубанской области. Желающих учиться всегда было больше, чем установленных вакансий. Например, в 1894 году на 4 вакантных места от Кубанской области было подано 12 заявлений. Даже с открытием Екатеринодарской, Владикавказской и других гимназий на Кавказе Ставропольская гимназия оставалась главным учебным заведением для горских народов. В ней было больше горских вакансий, чем в других гимназиях. На содержание Ставропольской гимназии выделялись наибольшие суммы по сравнению с другими учебными заведениями. Желание получить хорошее образование у многих народов Кавказа было столь сильно, что при нехватке казенных мест многие общества посылали детей учиться за счет аульных средств.

На горском отделении гимназии преподавались татарский и черкесский языки. Первым учителем черкесского языка был Омар Берсей – составитель черкесской азбуки, образованнейший человек своего времени, который знал также французский, татарский, персидский и турецкий языки. В начале XIX века в гимназии обучались, в основном, дети знати и офицеров, но к концу XIX века значительно расширился социальный состав учащихся, среди которых стало немало детей простых горцев. Дети горцев учились в гимназии весьма успешно, несмотря на трудности обучения на неродном языке, они не только не отставали от русских гимназистов, но нередко и превосходили их. Так, в 1875 году были награждены серебряными медалями Магомед Кундухов и Ислам Дудов. Например, в 1896 году успеваемость русских гимназистов равнялась 80 %, а горцев – 82 %; в 1899 году – русских – 75 %, горцев – 80 %.

Эта провинциальная гимназия выпустила из своих стен многих выдающихся людей своего времени. Одним из первых горцев, закончивших гимназию с золотой медалью и поступившим в Петербургский университет был абазинец А.-Г. Кешев – талантливый литератор, прогрессивный общественный деятель и просветитель народов Кавказа. Потом некоторое время он работал переводчиком в канцелярии начальника Ставропольской губернии и преподавал татарский язык в гимназии.

Ставропольскую гимназию окончил видный этнограф, первый учёный и просветитель ингушского народа Чах Ахриев.

Выпускником гимназии был основоположник осетинской литературы и художник Коста Хетагуров. После окончания гимназии К.Хетагуров был направлен в Петербургскую Академию художеств.

Для подготовки специалистов высокой квалификации горцам предоставлялись вакансии и в других учебных заведениях. В 1949 году правительством было принято Положение о воспитании кавказских уроженцев, по которому было учреждено 148 стипендий, преимущественно в московских и петербургских вузах. Для наиболее способных детей из небогатых семей по этому Положению выделялись даже деньги на проезд и возвращение. Многие горцы после окончания Ставропольской гимназии стремились поступить в высшие учебные заведения. Так, в 1875 году такое желание изъявили 11 выпускников горского отделения. Бей-Булат Датиев, Ислам Дутов и Магомед Кундухов решили поступать в Петербургский институт путей сообщения, Хаджи Мурат Тавкешев и Айтек Шамхалов – в Петровскую сельскохозяйственную академию, Казбек Кусов – в горный институт. Многие горцы поступали в высшие военные заведения. Военное образование считалось у горцев особенно престижным.

Осознавали необходимость хорошего образования не только отдельные семьи горцев, но и многие аульные общества.

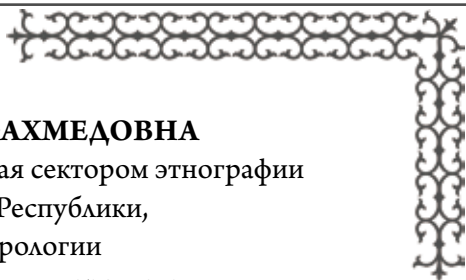
Таким образом, несмотря на удаленность Ставрополя от центра страны, этот регион стал очагом культуры не только для славянского, но и для горского населения.

ЧЕЧЕНЦЫ

БЕРСАНОВА ЗАЛПА ХОЖ-АХМЕДОВНА

кандидат исторических наук, заведующая сектором этнографии
Академии наук Чеченской Республики,
доцент кафедры культурологии
Чеченского государственного университета

«Как вода, просачиваясь в землю, находит себе естественный путь, так естественным путем складываются у любого народа его традиции. Они оттачиваются веками... Рождение традиций подсказано самой природой. Они появились не вдруг, не с неба упали – они вырабатывались, шлифовались, как и зоркость глаз, чуткость пальцев. Их рождение диктуют условия жизни», – писал чеченский этнограф, писатель и поэт Ахмад Сулейманов.

В многовековой истории чеченцев было много трагических и сложных периодов. Традиции, унаследованные от предков, помогали пережить эти тяжелые времена, помогали сохраниться как этносу, помогали не утратить свою богатую культуру. При внимательном изучении национальных традиций и обычаев, дошедших до наших дней, становится понятным тот рациональный смысл, который заложен в них. Традиции – это не только красивые ритуалы. Это тот материал, из которого формируется духовный стержень каждого представителя этого этноса. Ведя себя в соответствии с духовными установками, заданными его национальными традициями, человек создает в обществе атмосферу миролюбия, гармонии, толерантности.

Проявление толерантности в этикете чеченцев. Не зная слово «толерантность», чеченцы с раннего детства воспитывали своих детей именно в духе толерантности.

Сама атмосфера в чеченской семье должна была быть направлена на мир, согласие, предотвращение конфликтных ситуаций. Именно отсюда – культ старшего. Как старший сказал, так и должно быть. Слово старшего было равно силе закона.

Это исключало бесконечные споры вокруг тех или иных жизненных ситуаций или важных для семьи решений, которые могли привести к ссорам и конфликтам.

Убеленные сединой «большие люди, пожилые люди» (*бакхий нах*), имеющие богатый жизненный опыт, пользовались большим уважением и почетом. Старики – воплощение мудрости, носители высокой культуры, нравственности. Хранители традиций, люди, которые являются живой нитью между прошлым и будущим.

Существует много этикетных норм, вытекающих из почитания старших по возрасту. Например, когда в пути встречаются разные по возрасту люди, то младший путник приветствует старшего, затем спрашивает: «Нужна ли ему какая-то помощь». И это не просто слова, а готовность оказать услугу. Если же пожилой человек, поблагодарив за внимание к себе, отвечает: «Да будет доволен тобою Аллах! Следуй по своим делам!» (Дела реза хуьлда! Хьай г1уллакхе хьажа!), путник желает ему доброго пути и продолжает свой путь.

Если младший при встрече ехал верхом, то он обязательно должен был спешиться (в современных условиях выйти из машины) и ждать приветствия старшего (или старших). При этом он должен был стоять, повернувшись правым (правая сторона – почетная) плечом к старшим. В старину при встрече со старшим молодой человек должен был сопровождать первого до тех пор, пока ему не разрешат следовать своим путем.

Если в дороге едет пожилой мужчина на лошади и его догоняет младший по возрасту, последний должен приветствовать старшего, подъезжая с правой стороны по направлению следования. После приветствия он обязан держать свою лошадь, пропуская старшего, а сам – занять положение с левой стороны. В случае если едет или идет целая группа людей, то приветствие старшего считается достаточным для всех остальных.

При прощании младший не должен первым отвернуться и отойти от собеседника: следует дожидаться, пока это сделает старший.

Если встречались две группы всадников, то они после приветствия разъезжались, уступая друг другу правую сторону дороги. При этом концы сабель должны были быть обращены к середине проезжей части улицы.

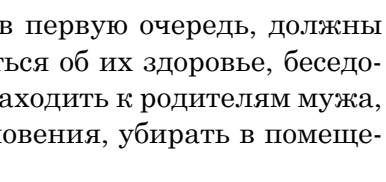
В том случае, когда в одну сторону ехала целая группа людей, старший по возрасту должен был находиться в центре, и в одном ряду с ним слева и справа те, кто чуть помладше. А молодые люди должны были находиться на некотором расстоянии впереди и позади.

Если старший по возрасту следует впереди, то молодые ни в коем случае не должны обгонять его. Следует медленно идти следом до тех пор, пока старший, видя, что молодой куда-то спешит, опаздывает, не скажет ему настойчиво, уступив при этом дорогу: «Я никуда не спешу, иди по своим делам» (*Со сиха вац. Хьай г1уллакхе д1а г1о*).

Данное этикетное правило направлено на то, чтобы пожилой не почувствовал свою слабость, немощность по отношению к младшему, который может идти гораздо быстрее. Ни в коем случае нельзя пересекать дорогу старшему, как бы настойчиво он ни уступал дорогу.

«Не переходи дорогу старшему, уступи дорогу спешащему, не останавливайся, преграждая путь другим!», – учат чеченцы своих детей.

Отличительной чертой этикета чеченцев является не только почти-тельное отношение к престарелым. Заботой, вниманием и бережным отношением к ним бывает пронизана вся атмосфера в семьях чеченцев.

Сыновья, возвращаясь с работы домой, в первую очередь, должны заходить в комнату родителей, справляться об их здоровье, беседовать с ними. Каждое утро сноха должна заходить к родителям мужа, ставить кувшин (*кумган*) и тазик для омовения, убирать в помещении, где они проживают.

«В прошлом народы Кавказа, в том числе и чеченцы, считали себя обязанными заботиться об одиноких; чеченец-старец никогда не просил милостыню и не потому, на наш взгляд, что наши предки жили лучше, чем сегодня, а потому, что это считалось позором для всех его родственников», — пишет этнограф З.И.Хасбулатова.

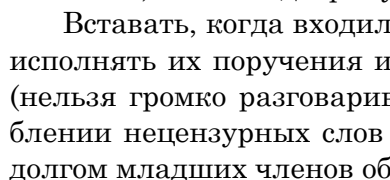
Обязанностью старших перед младшими было создание и поддержание атмосферы согласия и взаимопонимания в семьях своих сыновей, разрешение конфликтных ситуаций, если они возникали.

«Старик в доме — это источник благодати и счастья в доме», — говорили чеченцы. Надо отметить, что нарочитое подчеркивание роли старших, почтительное отношение к ним — все это направлено на то, чтобы они не чувствовали себя лишними, ненужными не только в семье, но и в обществе. К старцам, даже если в этом нет никакой потребности, обращаются за советом, чтобы подчеркнуть, что последнее слово в решении того или иного вопроса принадлежит именно ему.

Пожилым отводят самую почетную роль при совершении различных обрядов, например, обряда сватовства, свадебного обряда, обряда примирения кровников, при проведении похоронных мероприятий и т.д. Сознание своей нужности, своего бесценного практического опыта придает старикам особую выносливость, не только физическую, но и моральную. Помощь и внимание, идущие от членов семьи и всего общества, вселяют в них уверенность не только в своей полноценности, но и полезности. Это обязывает их быть всегда в форме, не опускаться, не жаловаться на здоровье и разные недуги.

Призывы почитать родителей и стариков часто встречаются в произведениях религиозного содержания, в том числе и в Коране: «...Если один из них (родителей) или оба близ тебя достигнут старости, не кричи на них, а говори им слова уважения и преклоняй перед ними обоими крыло смирения и говори: «Господи, будь милостив к ним, они воспитали меня...» — написано в одной из сур Корана.

Сам порядок устройства семейной жизни (управление семьей, организация труда, прием гостя, организация досуга, трапезы и т.д.) был направлен на то, чтобы подчеркнуть уважение к старшим.

Вставать, когда входили старшие по возрасту, незамедлительно исполнять их поручения и сдержанно вести себя в их присутствии (нельзя громко разговаривать, смеяться, не говоря уже об употреблении нецензурных слов и выражений и т.д.) — все это считается долгом младших членов общества.

Пожилой человек, каким бы он порочным ни был (например, пьяницей), никогда не становился предметом насмешек младших.

При пожилых не обсуждаются такие вопросы, как ухаживание за девушкой, чувства к ней. Не говоря уже о том, что молодые не должны стоять на свидании на том месте, где может оказаться старший. Зная об этом, пожилые люди не появлялись в тех местах, где традиционно проходили свидания молодых людей, например у родника (*хин йистехь*) или на *белхи* (праздник трудовой взаимопомощи).

В семейном или свадебном застолье пожилым лицам, а тем более престарелым, предоставлялось самое почетное место.

С уважением принято относиться не только к лицу старшего возраста, но и к его вещам, важнейшими из которых являются головной убор и посох.

В юности человек осознавал, насколько важно заслужить доброе мнение о себе, высокую оценку людей почтенного возраста. Именно старшие являлись авторитетом для всей общины, рода, а дальше – всего общества.

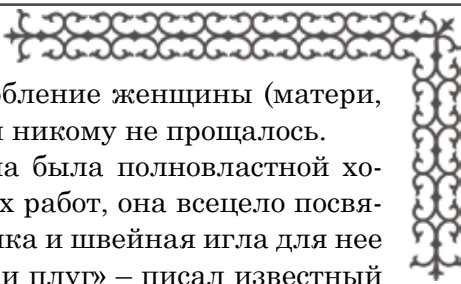
Обычай запрещал молодым бывать в одной комнате со старшими без особого приглашения последних. Этот обычай избегания молодые строго соблюдали не только в кругу своих старших родственников, но и вообще пожилых людей.

Уважение к старшим проявляется и в обычае гостеприимства. Как известно, гостю, как уважаемому лицу, перекладывают в отдельный поднос (*шун*) голову, грудинку и курдюк барана, зарезанного в его честь. Гость отрезает кончик уха (*лерг*) и передает его младшему из присутствующих, что означает: «Слушай старших!»

Другой традицией, где проявляется толерантность чеченцев, является почтительное отношение к женщине. «В прошлом женщины-чеченки в иерархическом раскладе, который мы сделали искусственно, занимали достойное место, – пишет З.И.Хасбулатова. – На высшей ступени стояла мать рода, семейства, дальше особое место принадлежало женщине многодетной; молодой женщине, ждущей младенца, исключительное внимание».

Девушка в отцовской семье была самой оберегаемой и вольной личностью. Женщина (в сознании народа) – идеальная и созидаящая сила, чуткая к любым проявлениям горя и радости. Потому все душевные переживания в чеченском фольклоре показываются через образы женщин, а не мужчин.

Женщине, особенно в преклонном возрасте, в чеченском обществе выказывали и выказывают всяческое уважение: когда она входит в дом, то все мужчины обязательно приветствуют ее вставанием; при следовании куда-либо, обязательно уступают ей место старшего (по правую сторону). Уважающий себя горец не только брани или сквернословия, но даже двусмысленности не допустит при женщине, иначе он рискует потерять ува-

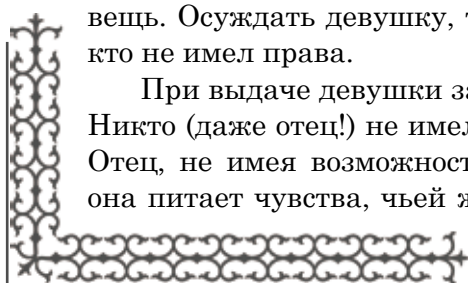
жение окружающих. И более того, оскорбление женщины (матери, сестры, жены) – даже словом – никогда и никому не прощалось.

«В доме чеченца замужняя женщина была полновластной хозяйкой. Свободная от тяжелых и опасных работ, она всецело посвящала себя семье, воспитанию детей, прялка и швейная игла для нее были то же самое, что для мужа – топор и плуг» – писал известный чеченский писатель и ученый Магомед Мамакаев.

Женщина в чеченском обществе не была принижена настолько, что нуждалась в защите. Вполне возможно, что её не всегда могли устраивать условности адата. Но, проверенные тысячелетним опытом, они (адаты) были всегда мотивированы и оберегали честь и достоинство, прежде всего, женщин. Примеров тому множество. Согласно этикету, знакомиться где попало с девушкой – с целью ухаживания – в чеченском обществе считалось предосудительным. Знакомство должно было происходить не у родника, где по вечерам собиралась молодежь, не во время «коллективной взаимопомощи» (*белхи*), а только на вечеринке (*синкѣраме*) перед сельчанами, открыто.

«От знакомства до женитьбы юноша и девушка проходили до семи стадий «проверки» своих чувств, намерений, каждая из которых связывалась обещанием девушки (разрешением ухаживать), именуемым – «дать слово» или «клятвенно обещать» (*дош далар*). Первая стадия – дать слово от имени гостя (*хъешан цIарах дош далар*); вторая – дать слово от имени сельчанина (*юьртахочун цIарах дош далар*); третья стадия – дать обещание, позволяющее ухаживать за собой с целью развлечения (*дуйненан синкѣраман дош далар*); четвертая – дать слово, свидетельствующее о переходе отношений на более серьезную основу (*дуйненан тIаьхьалонан дош*); пятое – дать слово, с назначением времени выхода замуж (*хан йиллар*); шестая – дать на руки что-либо из вещей (золотое кольцо, платок и т.п.) в подтверждение серьезности намерений (*кара хIума ялар*); седьмая – назначение конкретного срока выхода замуж (*ара йолу буйса йиллар*). Добиваясь «слова» от девушки, жених каждый раз, спросив на вечеринке (*синкѣрам*) разрешения у тамады, принародно заверял свою избранницу в серьезности своих чувств», – пишет чеченский этнограф Саид-Магомед Хасиев.

Надо отметить, что чеченская девушка была вольна давать разрешение ухаживать за собой скольким угодно юношам, вплоть до обещания выйти замуж, дав при этом на руки, в знак подтверждения, какую-либо вещь. Осуждать девушку, тем более – упрекать или ревновать, никто не имел права.

При выдаче девушки замуж решающее слово оставалось за ней. Никто (даже отец!) не имел права выдать ее замуж против ее воли. Отец, не имея возможности напрямую спросить у дочери, к кому она питает чувства, чьей женой хотела бы стать (это противоречит

чеченским этическим нормам), просит жену, выяснить у дочери эти деликатные вопросы. По свидетельству С.-М.Хасиева, старики пытались по возможности устроить брак дочери таким образом, чтобы у девушки были чувства к избраннику. То есть приоритет отдавался именно чувствам молодых, особенно девушки.

В случае умыкания, если девушка ответила отказом, то она должна быть возвращена в дом родителей до наступления темноты. Все это строго определенные правила, которые должны были обязательно соблюдаться всеми членами чеченского общества, и направлены были на защиту чести и достоинства девушки.

Женщины имели в доме свою половину (*зударий агло*). К ним без особой нужды никто не мог войти. Если же отец или брат вызывал кого-то из представителей женской половины, то через старшую женщину-мать или тетушку, братья – через детей или подростков. Выросшие в условиях чеченского менталитета горцы вряд ли решались нарушить мир женщины.

Мужчинам не принято прилюдно говорить о своей жене, особенно хвалить ее. Муж не имеет право поднимать руку на жену. У чеченцев никогда родители не выясняют свои отношения в присутствии детей.

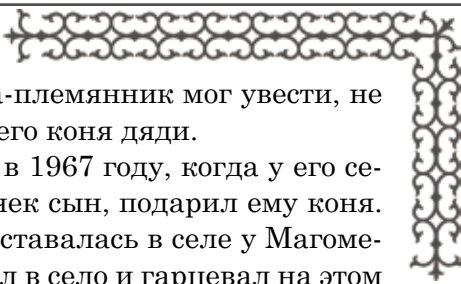
Издревле на Кавказе с женщиной считались. Любой спор или поединок прекращались, если женщина бросала платок между соперниками. Преследуемый кровниками мужчина находил спасение только в комнате женщины.

Некий Х.С. из чеченского селения Автуры Шалинского района, за которым числился кровный долг за убитого им человека, был достигнут кровниками в пути из Ведено на Сержень-Юрт. Смерть Х.С. была бы неизбежной, если бы рядом не оказалась случайно какая-то женщина (заметьте, совершенно незнакомая ни ему, ни его недругам). Обреченный бросился к ней с криком: «Я отдаюсь в твои руки, женщина, спасай меня!» Женщина, поняв, в чем дело, прикрыла несчастного своей спиной и, сняв с головы платок, обратилась к преследователям с мольбой пощадить его на этот раз ради нее.

Родичам убитого ничего не оставалось сделать, как уповая на более удачную обстановку в будущем и дав об этом знать кровнику, удалиться (свидетельство писателя Халида Ошаева).

Этот пример характеризует влияние женщин на самый акт осуществления родовой мести. В старину у чеченцев и ингушей существовал обычай, согласно которому между племянником и дядей по матери не могли быть никакие долговые взаиморасчеты. Все, что брал племянник у дяди и дядя у племянника, оставалось за ними безвозвратно.

На этот счет у чеченцев существует поговорка: «Говорят, конь, на который сел сын сестры, остался за ним» (*Йишин к1ант хина дин цунна бисна боху*). Дядя был обязан по совершеннолетию своего племянника – сына сестры – одарить его верховым конем. Подарок этот считался настолько

обязательным, что нетерпеливый юноша-племянник мог увести, не спрашивая разрешения, на выбор, лучшего коня дяди.

Магомед Эдаев из селения Рошничу в 1967 году, когда у его сестры родился первый после девяти девочек сын, подарил ему коня. Сестра жила в городе. Поэтому лошадь оставалась в селе у Магомеда. Когда племянник подрос, он приезжал в село и гарцевал на этом коне, с гордостью заявляя всем, что это подарок дяди по матери.

При встрече с женщиной, как пешей, так и на подводе, ей всегда уступали правую сторону. Когда женщина ехала на подводе, то, как правило, встречный верховой поднимал слегка руку, как бы делая ей знак, чтобы она не поднималась. Женщины старшего поколения и даже среднего возраста первыми приветствуют группу мужчин или отдельного путника. Девушку или молодую женщину должен был приветствовать встречный мужчина, а если их несколько, приветствует старший по возрасту.

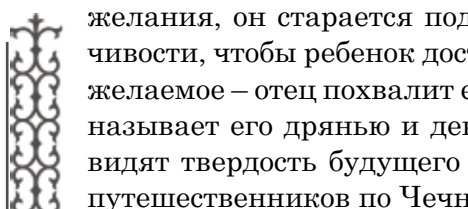
У чеченцев бытовал (да и сейчас существует) обычай, по которому группа мужчин приветствовала проходящую мимо пожилую женщину вставанием. Приветствуют вставанием женщину, которая ждет ребенка. Свекор также встает, когда входит сноха, которая ждет ребенка (хотя она старается как можно реже попадаться на глаза старшим членам семьи). Нельзя также пересекать дорогу женщине, которая ждет ребенка. «Возможно, она носит под сердцем святого (*эвлия*)», — считали чеченцы.

И сейчас существует обычай, когда женщине, которая идет с тяжелой ношей, должны помочь молодые, даже если она им незнакома.

Особым вниманием и заботой пользуется женщина-вдова. Сельчане стараются помочь ей при сборе урожая, помогают в хозяйстве делать работу, которая не под силу женщине. По свидетельству нашего информатора Бийболаева Командира (1933 года рождения) из селения Дарго Веденского района, для мужчины считалось позором привезти из леса на дрова сваленное ветром или животным дерево.

Такие деревья обычно оставлялись для женщин-вдов, так как им тяжело самостоятельно срубить дерево.

Гуманное отношение отмечалось у чеченцев и по отношению к детям. «Родители никогда не бьют и почти не бранят своих детей, считая их даром Божьим и предоставляя развитие характера и способностей их самой природе. Если дети иногда слишком надоедают и огорчают, мать слегка журит их, сама плачет, но не бьет их. Отец всегда в общении с детьми ровен, суров и молчалив. Заметив в мальчике какие-нибудь капризные желания, он старается поддержать в нем столько упрямой настойчивости, чтобы ребенок достиг цели. Если ребенку удалось получить желаемое — отец похвалит его, а в противном случае трунит над ним, называет его дрянью и девчонкой. В этом развитии настойчивости видят твердость будущего характера», — писал в XIX веке один из путешественников по Чечне.

В чеченских семьях у детей с детства воспитывались сдержанность, выдержка, разумное терпение (*собар*). «Кто имел терпение, свернул горы» (*Собар динчо лам баьккхина*); «Терпение – это ум» (*Собар – хьекъал ду*); «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (*Ворхаза дуста, цкъа дIахададе*).

О роли сдержанности свидетельствует следующая чеченская притча. Некий юноша после учебы возвращался домой. По дороге встретил старца, который спросил его, откуда он идет и т.п. Старец спросил его, чему он научился, на что юноша ответил – наукам. Старец сказал, что его образование недостаточно, надо продолжить учебу еще год.

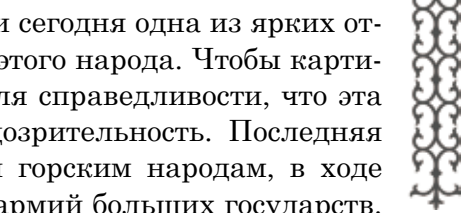
Через год старец снова встретил его и спросил о его успехах и предложил продолжить учебу еще один год. А на третий год юноша ответил старцу, что вместе с науками приобрел терпение. Старец одобрил его знания, и юноша вернулся домой. Дома он увидел, что на одной кровати спала его мать, а на другой – юноша. Его первым порывом было тут же убить его. Но здесь победило его терпение (*собар*). А юноша оказался его братом, который был ребенком, когда он уходил из дома.

«*Собар*» является частью этикета (*гIиллакх-овздангал*). «Чеченцы внушали, что суть «*гIиллакх-овздангал*» составляет особо уважительное отношение между людьми, можно сказать, тонкое искусство понимать, чувствовать другого человека, умение войти в его положение, оказаться на его месте, не позволять себе ни жалеть, ни делать ничего такого, что не пожелаешь себе, что «*гIиллакх-овздангал*» служит формирующим началом счастья человека, определяет его человечность и порядочность», – пишет этнограф З.И.Хасбулатова.

Основу общения у чеченцев составляли культурные образцы поведения – нормы, ценности, обычаи, обряды, ритуалы, церемонии, направленные на мир и согласие во взаимоотношениях. Этот же смысл заложен и в словах приветствия: «Да будет мир Вам и милость божья и его благодать!», и слова прощания: «Да будет путь ваш с миром!», «Мир вам и изобилие!»

«Благодаря своему этикету чеченцы более органично воспринимали окружающий мир. В их этической культуре нашли выражение сопереживание, сотрудничество, равенство с природой, а не насилие над ней», – пишет доктор педагогических наук Ш.М.-Х.Арсалиев.

Культура общения, как совокупность регламентированных норм поведения индивидов, выполняла важнейшую для общества задачу обеспечения взаимопонимания и взаимодействия людей. Культура общения служила жизненно важным целям – установлению взаимоотношений людей, основанных на принципах толерантности – терпимости, деликатности, уважительности. Иначе и не могло быть, ведь без соблюдения регламентированных правил поведения, «работающих» на созидание, сохранение и выживание этноса, были немыслимы ни процесс труда, ни проведение досуга, ни процесс воспитания, и многое другое, что необходимо для функционирования общества.

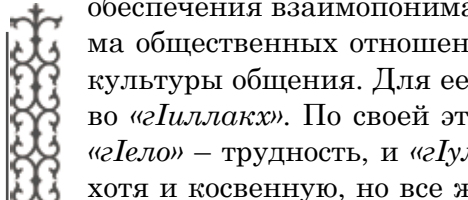
«Открытость чеченцев для общения и сегодня одна из ярких отличительных черт психического склада этого народа. Чтобы картина не была залакированной, отметим для справедливости, что эта открытость может резко перейти в подозрительность. Последняя черта, в известной мере, присуща всем горским народам, в ходе истории своей познавших цену и напор армий больших государств. Но открытость – преобладающая сторона в культуре и тоне чеченского общения... на личностном уровне чеченец склонен проявлять человечность и ожидать ее от других. Поэтому ясно, что подозрительность является принесенной чертой, появившейся в связи с тяжелыми условиями выживания», – пишет этнограф Я.В.Чеснов.

Общение – это, прежде всего, сотрудничество людей. Совместная деятельность предполагала согласованность действий, и, соответственно, понимание каждым, что может быть во вред другим членам общества. То есть, нормы общения чеченцев были рассчитаны на то, чтобы поддерживать сбалансированные отношения между всеми членами рода, родами между собой, семьями, общинами. Поэтому чеченское общество, хотя и составляло яркую мозаику тейпов, представлявших разнообразие этнических менталитетов, не знало внутренних противоречий и борьбы за превосходство. Считая эту тему весьма деликатной, собеседники обычно стараются узнать, с представителем какого тейпа он имеет честь общаться. Этим он старался оградить себя от какой-либо оплошности в высказываниях, которой мог задеть самолюбие собеседника.

В целом, нравственные традиции чеченцев ориентированы на компромисс и приспособление к ситуации. Недаром у чеченцев говорят: «Пой песню тех, на арбе которых ты едешь». Нетрудно разглядеть глубоко заложенный смысл толерантных взаимоотношений, которые прививались в чеченском обществе.

Продиктованные самой практикой общественной жизни, образцы поведения члена традиционного чеченского общества были полезными как для отдельного человека, так и для всего общества – эта гармония личного и общественно-значимого соблюдалась не только в правилах общения, но и всем содержанием нравственного регулирования. Каждый член общества, получивший «образцы» и навыки поведения, находил их полезными для себя, но они были востребованными и для общества в целом.

Культура общения, как совокупность регламентированных норм поведения, в чеченском обществе выполняла важнейшую для общества задачу обеспечения взаимопонимания и взаимодействия людей. Вся система общественных отношений этноса ориентировала на воспитание культуры общения. Для ее обозначения у чеченцев существует слово «*Гиллакх*». По своей этимологии оно близко таким словам, как «*Гело*» – трудность, и «*Гуллакх*» – дело. В этом можно проследить хотя и косвенную, но все же связь значений таких слов, как «труд-

ность» и «дело». Действительно, его содержание включало в себя требования этикета общения, предполагавшие полную самоотдачу в их соблюдении. Кодекс этих требований, заложенный в этом слове, охватывал жизнь человека в семье и обществе, в каждом слове, жесте, мимике, смехе, и, тем более, помыслах и поступках.

Это определило характерную черту поведения чеченцев – исключительную продуманность и даже несколько торжественную церемониальность общения. Соблюдение церемоний являлось обязательным правилом достойного поведения – признаком хорошего тона. Порицались такие качества, которые могли унизить собеседника. Это – спесивость, высокомерие, щегольство, чванливость, поскольку они не способствовали взаимопониманию людей и их взаимодействию в коллективе. Тем более что для демонстрации своего превосходства здесь не было социальных оснований – все были равны и свободны.

Поэтому эти качества были приравнены к проявлению глупости (*сон-талла*). Специфика характера и общественного поведения чеченцев, по мнению некоторых исследователей, – это следствие гористости, труднодоступности сел.

Эти факторы действительно повлияли на образ жизни, склад мышления, привычки чеченцев, определили специфику психического склада этноса, а именно, чрезвычайная общительность характера. Так, известный чеченский этнограф С.-М.Хасиев пишет: «... общительность вызвана, как ни странно, условиями горного полунатурального хозяйствования: недостаток ресурсов вызвал необходимость товарного обмена, без которого невозможно было выжить в горах. Отсюда и способность к общению, требующая открытости и обходительности».

Принципы коллективизма определяли всю совокупность общественных отношений, нормы поведения. Поэтому наибольшее признание и всестороннее обоснование в духовной культуре чеченцев находили те нормы коллективного поведения, которые способствовали поддержанию духа коллективизма. Это, прежде всего, дружелюбие, приветливость, что должно было выражаться в обязательном соблюдении этикета взаимных приветствий, обязательность заботы о больных со стороны не только близких родственников, но, при отсутствии таковых, со стороны представителей соответствующего рода и т.д.

Коллективная жизнедеятельность людей требовала избегать в общении нанесения людям любого оскорбления или вреда (физического, морального или психологического), говорить или делать что-либо, не учитывая интересов других людей.

Например, уделяя большое внимание речи, общественная мораль учитывала, насколько важную социальную функцию она выполняет в общении людей. Так, мораль предписывала, чтобы речь была неутомительной для окружающих, поэтому поощрялась ее краткость, с элементами юмора,

который в необходимых случаях мог смягчить обстановку во взаимоотношениях людей.

Неприемлемо в общении, не только в семье, но и в общественных местах, употребление нецензурных или бранных слов. Смех не должен быть громким и неуместным, а негодование истеричным и самозабвенным. А с приходом ислама насмешки над другими людьми, обсуждение чужих ошибок, даже если поступки и заслуживают этого, были возведены на уровень тягчайшего греха.

Осторожность в высказываниях в чеченском обществе относилась к обязательным нормам взаимоотношений. По обычаю чеченцев, каждый, считающий себя достойным человеком, должен был говорить только правдивые слова, не пустословить, не говорить необдуманно, слова, о которых можешь пожалеть.

Огромное значение, которое придается в чеченском обществе осторожности в высказываниях, нашло отражение в устном народном творчестве: «Доброе слово гору сдвинуло» (*Дикчу дашо лам бухабаккхина*), «Красивое слово лед растопило» (*Хазчу дашо лам башийна*), «Доброе слово змею из норы выманило» (*Хазчу дашо Ёургара лаьхъа баккхина*), «Лучше сосед поблизости, чем родственник вдали» (*Генарчу йиш-вешел гергара лулахо тоьлу*), «Худой мир лучше доброй ссоры» (*Дикачу девнал вон машар тоьлу*), «Несдержанность – глупость, терпение – воспитанность» (*Сихалла – сонталла, собар – кхетам*).

О кровной мести. «Чем жить курицей, лучше умереть петухом», – говорили чеченцы. Но мужество разумное, без драк и ссор, ибо в случае смерти противника на весь род падает кровная месть или месть вообще, поэтому чеченцы говорят: «Вражда не каша с пахтаньем» (*Дов – шархудар дац*). О том же свидетельствует писатель Муса Ахмадов: «...Словесное оскорбление расценивалось наравне с насилием, произведенным при помощи оружия. Поэтому любой человек держал данное слово и даже в разговоре со своим врагом избегал грубых слов и оскорблений...».

Как известно, в чеченском обществе убийство человека влечет за собой неотвратимое возмездие – кровную месть (*чIур*).

Объектом кровной мести не может быть малолетний, женщина, немощный или слабый человек. Нельзя убивать кровника, когда он спит или болен, нельзя стрелять ему в спину или из-за угла. Табу на осуществление кровной мести накладывалось на период сбора урожая, то есть на то время, когда все рабочие руки на вес золота. Также во время общенародного бедствия, например, в период депортации кровная месть была приостановлена, а большинство чеченцев и ингушей в массовом порядке прощали своих кровников.

Согласно чеченскому обычаю, жертвой мщения мог стать не только сам убийца, но и любой из его родственников. Сдерживаю-

щая сила кровной мести состояла в неотвратимости ее осуществления. Благодаря этому обычаю конфликтные ситуации не заходили далеко. Осознавая, что отмщение неизбежно, каждый опасался совершить убийство или нанести кому-либо оскорбление, которое могло привести к кровавой схватке.

Причем выяснение отношений может происходить не только на уровне конфликтующих, но и на уровне тайпов, которым они принадлежали. Старейшины, по мере возможности, пытались примирить конфликтующие стороны. Первые действия по примирению сводились к тому, чтобы добиться прощения для родственников убийцы, не принимавших участия в убийстве и даже не способствовавших его совершению. Затем уже речь идет о полном примирении. Процедура прощения проходит очень деликатно.

Обряд примирения заканчивается рукопожатием между убийцей и потенциальным мстителем. После этого кровник не имеет права мстить.

Этикет. Многие исследователи и путешественники, посещавшие Чечню в прошлом, указывали, что чеченцы отличаются своими особыми правилами приличия и вежливыми манерами.

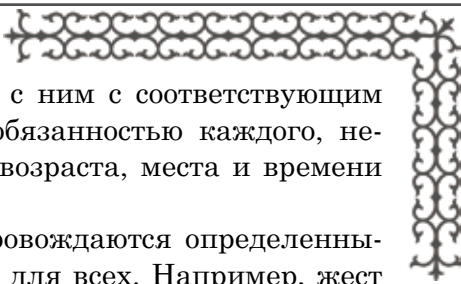
В повседневной жизни чеченцев бытует много способов общения, имеющих место среди населения независимо от пола, возраста, социального положения и в основном являющихся общечеловеческими нормами поведения.

Одной из наиболее элементарных и распространенных форм этикета являются приветствия. Те или иные формы приветствий встречаются у всех народов Земли и отражают особенности речевой культуры данного народа. У чеченцев эта особенность заключается в том, что в приветствиях находит отражение традиционная культура равенства.

«Чеченская традиционная культура общения основывается на принципиальном равенстве всех людей и на неиспользовании, неподчеркивании своего превосходства. Поэтому тот, кто ехал верхом, первым приветствовал пешего; тот, кто шел с горы вниз, – того, кто поднимался и т.д. Знаки внимания оказывались слабому, бедному, чтобы те не почувствовали своего ущербного положения.

Народная мудрость гласит, что если ты на коне, конь может пасть через несколько шагов, а тот, кто был пеший – завтра может оказаться верхом на скакуне. Недаром в чеченском фольклоре красной нитью проходит мысль, что среди людей всегда находятся сильнее сильного, умнее умного, богаче богатого, поэтому проявление кичливости недопустимо», – пишет С.-М.Хасиев.

Наиболее общим местным приветственным обращением людей друг к другу является «Марша вог'ийла!», которое дословно переводится «Приходи свободным!»

Обращение к человеку при встрече с ним с соответствующим приветствием является элементарной обязанностью каждого, независимо от степени знакомства, пола, возраста, места и времени встречи.

Некоторые формы приветствия сопровождаются определенными жестами, которые предусмотрены не для всех. Например, жест рукопожатия.

У чеченцев рукопожатие – это не просто приветственный жест. В него вкладывается определенный смысл, так как с древнейших времен рукопожатие означает примирение между двумя врагами, между враждующими сторонами, а также враждующими тайпами. До сих пор бытующий у чеченцев ритуал называется «*куьйге дахар*» (дословно, «сошлись руками»). После свершения этого ритуала враждующие стороны или кровники уже не имеют права поднимать друг на друга руку.

Надо отметить, что в древности жест рукопожатия служил только для примирения. И только с принятием мусульманской веры этот жест стал использоваться как форма приветствия. При этом чеченцы сохранили в данном ритуале первоначальный оттенок.

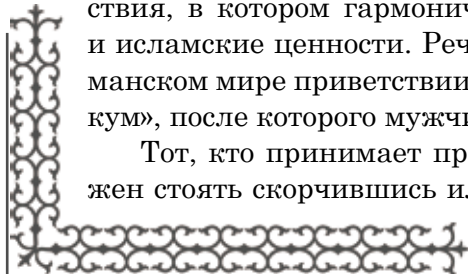
Поэтому рукопожатием в виде приветствия не обмениваются два человека, между которыми потенциально не может быть никакой вражды или мести, например, близкие родственники, особенно родственники жены. Поэтому, если кто-либо задумал жениться, он заранее избегает родственников своей избранницы, чтобы не впасть в неловкое положение, если ему подадут руку.

Не подают руки подростку, не достигшему возраста, когда можно носить оружие (примерно до 15 лет). Исключительным случаем может служить факт, когда юноша в чем-то проявил себя, например, совершил ратный подвиг. В этом случае с ним здороваются даже взрослые, подавая в знак уважения руку.

В равной мере табуировано рукопожатие между мужчиной и женщиной, а также старшим и младшим по возрасту. Хотя в этой сфере существуют исключения, когда старший сам подает руку младшему. По народным представлениям, инициатива младшего рассматривается, как недопустимая фамильярность и невоспитанность. Для каждой из указанных групп людей существует своя отдельная форма приветствия, тщательно регламентированная народным обычаем.

Рационально и эстетично смотрится классический ритуал приветствия, в котором гармонично сочетаются национальная традиция и исламские ценности. Речь идет об общепринятом во всем мусульманском мире приветствии в форме миропожелания «Ассалам алейкум», после которого мужчины пожимают друг другу руки.

Тот, кто принимает протянутую для приветствия руку, не должен стоять скорчившись или озираясь по сторонам. Он должен вы-

прямить осанку, смотреть прямо в глаза тому, кто его приветствует. При этом протянутая рука не должна быть согнута в локте. Нельзя протягивать или принимать протянутую для рукопожатия руку ниже уровня пояса.

Если кто-то подошел со словами приветствия, сидящий обязан встать, полностью распрямив свое тело, тем более, если подошедший моложе, вежливость требует встать перед ним или хотя бы привстать.

Тот, кто вошел в дом, должен первым протянуть руку для приветствия. Если два человека встретились на дороге, то первым руку подает тот, кто верхом или на машине. Тот, кто спускается с горы – тому, кто поднимается; ученый тому, кто неучен; идущий налегке – тому, кто идет с поклажей.

Тот, кто занимает высокий пост; тот, кто богат; тот, кто здоров телом первым должен протянуть руку для приветствия, подчеркивая тем самым, что он не кичится своим превосходством.

Если встретились на дороге два человека, из них первым должен протянуть руку тот, кто на данный момент менее уставший, тем самым выражая свое уважение к труду другого.

Если надо поздороваться с группой людей, то после слов приветствия, как правило, руку подают от старшего к младшему, слева направо, по часовой стрелке.

Определить возраст, если в среде приветствуемых людей отсутствуют видимые возрастные различия, несложно.

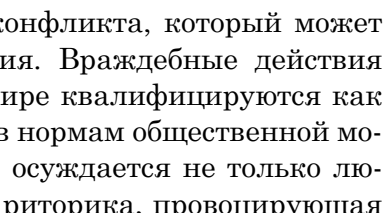
По чеченскому обычаю младший должен всегда находиться по левую сторону от старшего по возрасту. В таком случае приветствующий в точности сможет исполнить все требования культурной нормы и подаст руку от старшего к младшему.

Если кто-либо подошел к группе людей, количество которых превышает число пальцев на одной руке, то этикет позволяет не здороваться с каждым персонально. Можно ограничиться общим приветствием «Асса-лам алейкум».

Считается большим оскорблением не принять протянутую для рукопожатия руку. Это приводит к серьезным последствиям вплоть до выяснения отношений между двумя тайпами. Связано это с тем, что у чеченцев не принято здороваться за руку с теми, кто совершил какой-либо антиобщественный проступок.

Согласно традициям кровной мести считается позором не принять протянутую со словами приветствия руку кровника в случае непредвиденной встречи. Обычай обязывает чеченца пожать руку кровника и в этом эпизоде исключить любую форму агрессии.

«Издrevле чеченское общество, пользуясь современным языком, осуществляло строгий мониторинг за сохранением и упрочением мира и общественной стабильности. После ссоры мужчин, которые повздорили и передрались, но не находятся в состоянии кровной мести, примиряют посредством рукопожатия. Этот обычай направлен на то, чтобы на почве

прежних обид предотвратить рецидив конфликта, который может иметь гораздо более тяжкие последствия. Враждебные действия после рукопожатия в чеченском микромире квалифицируются как циничное вероломство, коварство и вызов нормам общественной морали. После примирения рукопожатием осуждается не только любая форма агрессии, но в равной мере и риторика, провоцирующая повторение конфликта», – пишет С.-М.Хасиев.

Самыми распространенными традиционными формами приветствий для всех возрастных категорий служат: «Доброе утро!» (*Иуйре дика йойла!*); «Добрый день!» (*Де дика дойла!*); «Добрый вечер!» (*Суйре дика йойла!*); «Доброй ночи!» (*Буйса декъал йойла!*). Ответной формой на все эти приветствия является: «Живи долго с добром!» (*Диканца дуккха вехийла (ехийла)!*), «Пусть тебя любит Аллах!» (*Дала воъзийла (йовзийла)!*)

Для каждого значимого случая домашней, общественной или хозяйственной жизни существует своя форма приветствия и благопожелания.

Например, занятому какой-либо работой человеку желают: «Пусть будет счастливым твой труд!». Обычно в соответствии с выполняемой им работой должна меняться и форма приветствия. Скажем, человеку, занятому покосом, говорят: «Пусть будет солнечно для тебя!»; занятому посевом или прополкой: «Пусть вырастет все у тебя в изобилии!»; рубящему дрова: «Пусть горят на радость тебе!»; принимающему пищу: «Ешь на радость!»; тому, кто приобрел обновку: «Носи на радость!» Отведав пищи в гостях, обычно говорят: «Пусть не иссякнет благодать в этом доме!» или «Пусть тебе зачтется милостыней то, что я отведал в твоём доме!»

На свадьбе чеченцы выражают такое пожелание: «Пусть Бог даст благополучия! Пусть бог даст согласия!». Родственникам невесты (чаще всего матери) желают: «Пусть Бог наградит ее! Последствия пусть будут благополучными!». При рождении сына: «Пусть Бог сделает его полезным членом семьи! Да продлит Бог его жизнь!», а при рождении девочки, помимо сказанного, добавляют еще: «Да сделает ее Бог сестрой семи братьев!»

Проявление толерантности в обычаях и традициях чеченцев.

Белхи. Среди лучших традиций, унаследованных чеченцами от предков, продолжает жить и обычай коллективной взаимопомощи.

Чеченцы считали и считают до сих пор своей нравственной обязанностью помочь одинокому или больному односельчанину, вдове или сиротам построить дом, собрать урожай и т.д.

Иногда «белхи» созывался по решению сельского схода – обычно при строительстве после пожара (*ц1е яьлча*) или другого стихийного бедствия. Иногда – и в случае внезапной смерти кормильца и т.п.

У чеченцев не было обязательным правилом принятие приглашения на «белхи». Если кто-либо и не являлся на «белхи», его не наказывали, но его осуждало общественное мнение.

Поэтому даже в случае крайней невозможности прийти и поработать некоторое время, необходимо было явиться к хозяину и объяснить ему уважительную причину неявки. Таким образом, сильна нравственная обязательность участия в «*белхи*», которая до настоящего времени осознается чеченцами.

Интересно, что представление о моральной ответственности за участие в «*белхи*» было особенно выражено в том случае, когда помощь организовывалась общиной для нуждавшейся в поддержке семьи, потерявшей кормильца, или семьи крестьянина при стихийных бедствиях, падеже скота и т.д. Конечно, и у других народов принято оказывать помощь в таких случаях. «Но среди чеченцев это закон, – пишет знаток чеченских традиций писатель Султан Яшуркаев. – Не поступающий так, становится как бы «обнаженным» – общество реагирует на это сразу же. Никто не хочет выглядеть «обнаженным», и никто не застрахован, что в такое же положение завтра не попадет сам.

Практикой было, что и в соседних аулах, узнав о бедственном положении человека, собирали пожертвования и передавали их через других. Так делалось, чтобы человек не чувствовал себя униженно. Такая гуманитарная акция проводилась без рекламы – входила в образ жизни общества, в систему его социального обеспечения, которое было незримо растворено в ряде его нравственных ценностей.

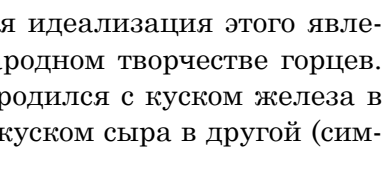
О такой общественной поддержке попавших в беду люди старшего поколения помнят до настоящего времени. Поэтому, по многочисленным свидетельствам долгожителей, на их памяти среди чеченского сельского населения никогда не встречались люди, просящие милостыню. В селах, нуждающиеся в помощи люди, не просили об этом сами, а ждали и были уверены, что каждый из сельчан по мере возможности придет к ним на помощь.

Гостеприимство, куначество, побратимство. Необходимые правила человеческого общения в условиях Кавказа были закономерными явлениями того времени, хотя часто вызывали недоумение европейцев своими специфическими формами.

Так, общечеловеческая черта гостеприимства считалась горцами одной из важнейших добродетелей. Гостеприимство, согласно вековым народным понятиям чеченцев, – священный закон, обязательный для всех. Человек может обладать всякими добродетелями, но достаточно ему не быть хлебосольным и гостеприимным, чтобы оказаться морально осужденным и в какой-то мере ущербным в своем обществе.

В патриархальном обществе обычай гостеприимства прочно держался вследствие необходимости оказывать друг другу услуги при отсутствии организованной общественной безопасности.

Гостеприимство кавказцев вошло в мировую сокровищницу народной

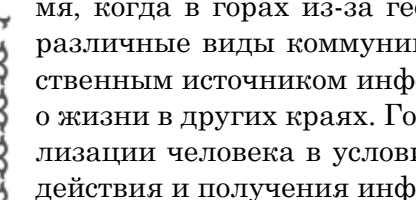
культуры. Поэтизация и художественная идеализация этого явления нашли свое отражение в устном народном творчестве горцев. Легендарный пращур чеченцев Попчо родился с куском железа в одной руке (символ воинственности) и с куском сыра в другой (символ гостеприимства).

Возникнув в древности, обычай гостеприимства у народов Северного Кавказа дошел до наших дней. Этот обычай является важнейшей нормой общественной жизни народов. Народная мораль признает гостеприимство основной нормой достойного поведения и относит его к священной обязанности, и даже долгу каждого человека. К этому понятию относятся бережно, почтительно и эмоционально.

Обычай гостеприимства давал возможность путнику остановиться в любом ауле, не заботясь о месте для ночлега, о питании и т.д. как пишет А.П. Берже. Чеченец «... всегда чтит нравы гостеприимства. Если странник, даже и незнакомый, проездом остановится у чеченца на ночлег, то хозяин не преминет в честь гостя зарезать одного или нескольких баранов... Чеченец обязан проводить своего гостя до безопасного места или передать другому чеченцу и вообще заботиться о личной безопасности и неприкосновенности своего гостя. Если гость ограблен, оскорблен или убит вследствие нерадивости чеченца, или невыполнения им обязанностей гостеприимства, то он подвергается остракизму всего общества до тех пор, пока нанесенная гостю обида не будет им отомщена. Остракизм выражается следующим оригинальным образом: на дворе виноватого насыпают бугор, который он, разумеется, сносит днем, но в следующую ночь делается то же самое, и это до тех пор, пока он не смоет с себя пятна за оскорбление гостеприимства». Далее он подчеркивает, что это гостеприимство более всего соответствует таким понятиям, как «аристократизм», рыцарская воспитанность, но не как отражению первобытного состояния общества».

К тому же, в этом обычае, кроме общего этикета уважения, проявилась также защита слабого и незащитного, каковым был человек, попавший в чужое, незнакомое село. Он был бессилен перед любой проблемой, у любого нашлись бы силы, чтобы причинить ему зло или обиду, поскольку он был одинок. Общественная мораль делала эти проявления невозможными, ограждая от опасностей жизнь и честь человека, где бы он ни оказался.

Гость выполнял и своеобразную коммуникативную функцию: в то время, когда в горах из-за географических условий не были развиты различные виды коммуникаций, по существу, гость являлся единственным источником информации об окружающем мире, сведений о жизни в других краях. Гостеприимство давало возможность социализации человека в условиях отсутствия иных источников взаимодействия и получения информации, расширения кругозора.

Хозяин дома первым встречал гостя, сам выходил ему навстречу, здоровался, принимал коня и привязывал его к столбу.

«Пригласив гостя в гостевую комнату, хозяин в дверях принимал, по обычаю, передаваемое ему гостем оружие. После этого на него возлагалась ответственность за безопасность гостя, и вместе с тем обязанность оказания самого изысканного гостеприимства. Несмотря на жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, чеченцы отличаются самым радушным гостеприимством. Каждый старается окружить гостя тем материальным довольством, какого сам не имеет ни в годовые праздники, ни в торжественные минуты для своего семейства», – пишет Н.Дубровин.

На свадьбах, вечеринках любая девушка, будь она даже засватанная невеста, должна принимать ухаживания гостя, отвечая благосклонно, хотя бы для видимости, на все его знаки внимания. Интересно, что как гость, так и гостья здесь должны быть в паре лишь с представителями местной молодежи, а последние обязаны, в первую, очередь уделять внимание гостям, согласно традиционной формуле «*хъеиана хъаиша ца кхочу*» – гостю гость не положен.

В народном сознании чеченцев, как и у других народов, на протяжении веков формировались традиции добрососедских дружеских отношений с другими народами, которые постепенно сложились в обычаи «побратимство и дружба» (*вежарал, доттаг1ал*).

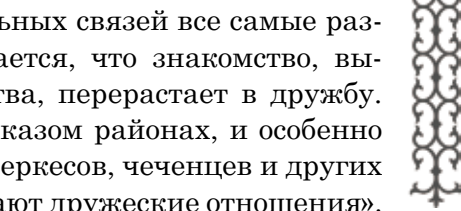
Существовал четко разработанный кодекс правил, установок, критериев поведения и взаимоотношений, основанных на традициях *вежарал* и *доттаг1алла*.

Его основой и жизненно важной целью было создание такого благоприятного климата нормальных взаимовыгодных отношений между представителями разных народов, который сводил бы к минимуму возникающие ссоры, конфликты и вражду, который находил бы пути мирного решения возникающих проблем.

Особой эмоциональностью наполнены поэтизированные образы побратимства чеченцев с «казачьими молодцами» – *г1алг1азкхий* (казачьи) *къентий* (парни) из казачьих станиц. Возможно, это было обусловлено тем, что такие побратимства, заключаемые между людьми разных вероисповеданий, были явлением не совсем типичным и поэтому пользовались особым почитанием.

В 1834 году К. Бларамберг, офицер Генерального штаба, служивший в Отдельном Кавказском корпусе, писал о чеченцах: «Законы куначества у этого народа соблюдаются строже, чем у других горцев. Кунак не позволит оскорбить своего друга на протяжении всего того времени, что он живет у него, защищает его от грозящей опасности даже ценой собственной жизни...».

И далее: «Если один кунак гостит у другого, его угощают самым наилучшим образом, в его распоряжение предоставляется все что только есть

у хозяев... посредством этих индивидуальных связей все самые различные народы сближены. Часто случается, что знакомство, вытекающее из обязательств гостеприимства, перерастает в дружбу. Русские, живущие в пограничных с Кавказом районах, и особенно казаки на линии, имеют кунаков среди черкесов, чеченцев и других народностей, с которыми они поддерживают дружеские отношения». Еще до начала Кавказской войны чеченцы охотно принимали беглых русских крестьян, роднились с ними. Не раз вместе с русскими чеченцы отражали нашествия турок, крымских татар, персов.

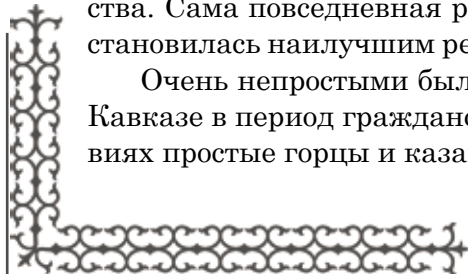
Л.Н.Толстой в своей повести «Казаки» писал о старинных взаимоотношениях между чеченцами и казаками: «Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились на Тереке между чеченцами на Гребне... Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Предание ... говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня к своему лицу стариков, дарил им землю по сю сторону реки. Увещевал жить в дружбе и обещал не принуждать их ни к подданству, ни к перемене веры. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченцами...».

О взаимоотношениях горцев и казаков В. Дегоев пишет: «Возникали и ширились торговые связи. Горцы стали использовать тот же сельскохозяйственный инвентарь и те же земледельческие приемы, что и казаки. Было оценено удобство русских изб. Часто именно такой тип жилища с соответствующим внутренним убранством предпочитали горцы, переселявшиеся на равнину. Казакам, в свою очередь, пришлось по душе очень практичная, приспособленная к местным природно-климатическим условиям горская одежда. В будущем, особенно в период Кавказской войны, это приведет к трагикомичным ситуациям, когда казаки и горцы, не разобравшись, кто перед ними, открывали огонь по своим товарищам.

Широко практиковались и заимствования нематериального характера. Горский обычай куначества стал очень важным институтом межэтнического общения, обладавшим миротворческим потенциалом и приносящим большую пользу в сложных, остро конфликтных обстоятельствах.

Причем даже в условиях противостояния элементы взаимопонимания и “дипломатические” контакты возникали между русскими и горцами стихийно, вне зависимости от официальных действий российского правительства. Сама повседневная реальность с ее житейским прагматизмом становилась наилучшим регулятором “международных” отношений.

Очень непростыми были политические отношения на Северном Кавказе в период гражданской войны. И даже в этих сложных условиях простые горцы и казаки приходили на помощь друг другу.

О дружбе. Следует отметить, что для народов Кавказа характерно особое отношение к дружбе, особенно дружбе мужской. Престиж верности дружбе, ее ценности отражен в многочисленных пословицах чеченцев – «Оставшийся без друзей споткнется тысячу раз»; «Сто друзей – мало, один враг – много»; «Если у тебя есть друг, следи, чтобы тропа к его дому не заросла травой»; «У кого хорошие друзья, у того родник любви не иссякнет».

У чеченцев существовал целый свод неписаных этических норм куначества и побратимства. Заключение куначеских отношений закреплялось клятвой и определенным ритуалом. Например, побратимы делали на руках надрезы и смешивали капли крови или пили молоко из одной чаши, в которую как символ верности клали золотое кольцо (чтобы дружба никогда «не ржавела»).

После совершения одного из этих символических действий названные братья обменивались шашками, башлыками, бурками и другими вещами, что также символизировало братские отношения. О совершенном обряде побратимства сообщалось семьям и близким родственникам обеих сторон. В честь этого большого события у одного из названных братьев устраивали обед, куда приглашались друзья побратимов и члены их семей. С этого момента обе стороны принимали на себя традиционные обязанности истинных родственников».

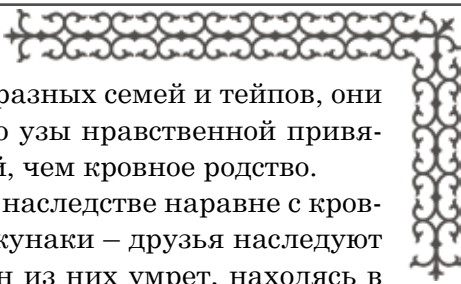
Широко было распространено клятвенное побратимство (*«дуй биана вежарий»*), которое, в свою очередь, также заключалось различным путем. Например, желающий обрести побратима устраивался у дороги, по которой часто ходили люди. Резал барана, варил в котле мясо и, поставив его перед собой, садился на шкуру этого барана. Тот, кто желал стать ему побратимом, садился рядом, чтобы разделить с ним трапезу. С этого момента они становились побратимами. Единственное условие – вместе защищать родную землю.

Побратимство заключалось клятвенно, на всю дальнейшую жизнь, с обязательствами в любых жизненных невзгодах оказывать друг другу помощь, даже если ради этого потребуется пожертвовать своей жизнью.

«Названные братья ближе всяких родственников, даже ближе, чем единокровные братья. В случае убийства одного из них другой обязан мстить за его кровь, как за родного брата», – писал Н.Ф. Яковлев.

Вот как оценивает куначество А.Зиссерман: «Братание – это когда два человека, оказавшие взаимную услугу или близко знакомые и желающие теснее сдружиться, совершают обряд братания... Клянутся быть братьями и не жалеть взаимно крови своей. Освященный временем, этот обычай, как всякие другие обычаи, соблюдается так строго, что друг за другом делались кровомстителями или совсем погибали, и это вовсе не редкость...».

Как пишет Б.Б.Нанаева, о силе кровнородственных отношений свидетельствует сама форма общения, называемая «кровным братством», то есть обязательное приравнивание к отношениям братьев по крови. Вместе

с тем, заключаемые между индивидами разных семей и тейпов, они свидетельствовали о том, что постепенно узы нравственной привязанности становятся более мощной силой, чем кровное родство.

Молочные братья и дети участвуют в наследстве наравне с кровными родными. В некоторых случаях и кунаки – друзья наследуют один после другого, например, если один из них умрет, находясь в гостях у другого, тогда хозяин пользуется всем имуществом, находившимся в то время при умершем.

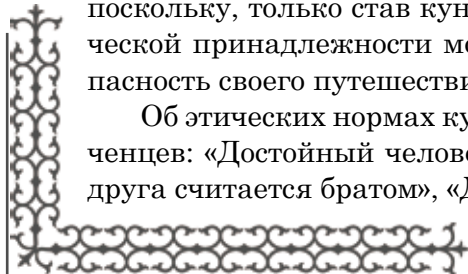
Истоки обычая побратимства и куначества народов Северного Кавказа К.Ф.Сталь видит в том, что «в прежние времена, когда междоусобные войны раздирали племена, каждый, вступив в границы земель чужого владения, считался неприятелем и подвергался опасности быть убитым, ограбленным и т.д. Чтобы не подвергаться этому, он должен был иметь в чужом обществе влиятельного кунака, то есть покровителя, на которого, в случае надобности, он мог положиться».

Неслучайно все чаще побратимов и кунаков чеченцы стали обретать на чужой стороне – среди других народов Кавказа. Обычным явлением было побратимство и куначество с кабардинцами, грузинами и представителями других народов Кавказа. К ним употреблялись такие выражения, как: «любимый больше, чем матерью рожденный брат», «верный мой товарищ».

Исследователи справедливо подчеркивают, что одно из основных значений обычаев гостеприимства и куначества – их роль в установлении добрососедских отношений и сохранения мирных отношений между народами, общинами. Ф.И. Леонтович в 1882 г. писал: «Куначество почитается у чеченцев наравне с родством». В доме своего кунака гость мог считать себя совершенно вне опасности. «Куначество способствовало укреплению и развитию культурно-исторических взаимоотношений нахов и грузин».

Героические фольклорные произведения чеченцев и ингушей «Илли» содержат массу примеров благородного поведения горцев по отношению, например, к своим кабардинским побратимам. Как отмечают исследователи, фольклор с большой художественной глубиной воспекает героев-побратимов чеченцев, ингушей, русских, грузин, кабардинцев, кумыков, представителей других народов.

Как видно из приведенных выше описаний, этнические и религиозные различия не препятствовали установлению куначеских отношений. Напротив, это в каком-то смысле даже способствовало их возникновению, поскольку, только став кунаком, человек иной веры или иной этнической принадлежности мог с уверенностью рассчитывать на безопасность своего путешествия и успех своей деятельности.

Об этических нормах куначества свидетельствуют пословицы чеченцев: «Достойный человек не бывает без друзей», «Понимающий друга считается братом», «Друг смотрит в лицо, а недруг – в ноги».

Можно с полной уверенностью говорить о том, что в современном мире, который захлестнули такие страшные явления, как экстремизм, терроризм, межнациональные конфликты, традиции и обычаи народов являются неисчерпаемым ресурсом формирования норм поведения людей, исключающих ненависть друг к другу, неприятие друг друга по признаку расовой, конфессиональной, национальной принадлежности.

Многовековой опыт мирного сосуществования чеченцев с другими народами подтверждает эффективность и действенность разрешения конфликтных ситуаций на основе использования народных традиций и обычаев. Этот опыт должен быть изучен, проанализирован и принят к использованию не только учеными, но и политиками, добивающимися установления стабильности не только в нашем регионе, но и во всем мире.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Гостиная в доме черкесского князя. Из книги Э. Спенсера. 1838

Кабардинская семья у арбы. Конец XIX века

Черкешенки. Начало XX века

Адыгские девочки

**Карачаево-балкарская княгиня Кябахан Урусбиева
в кругу своей семьи. Конец XIX века**

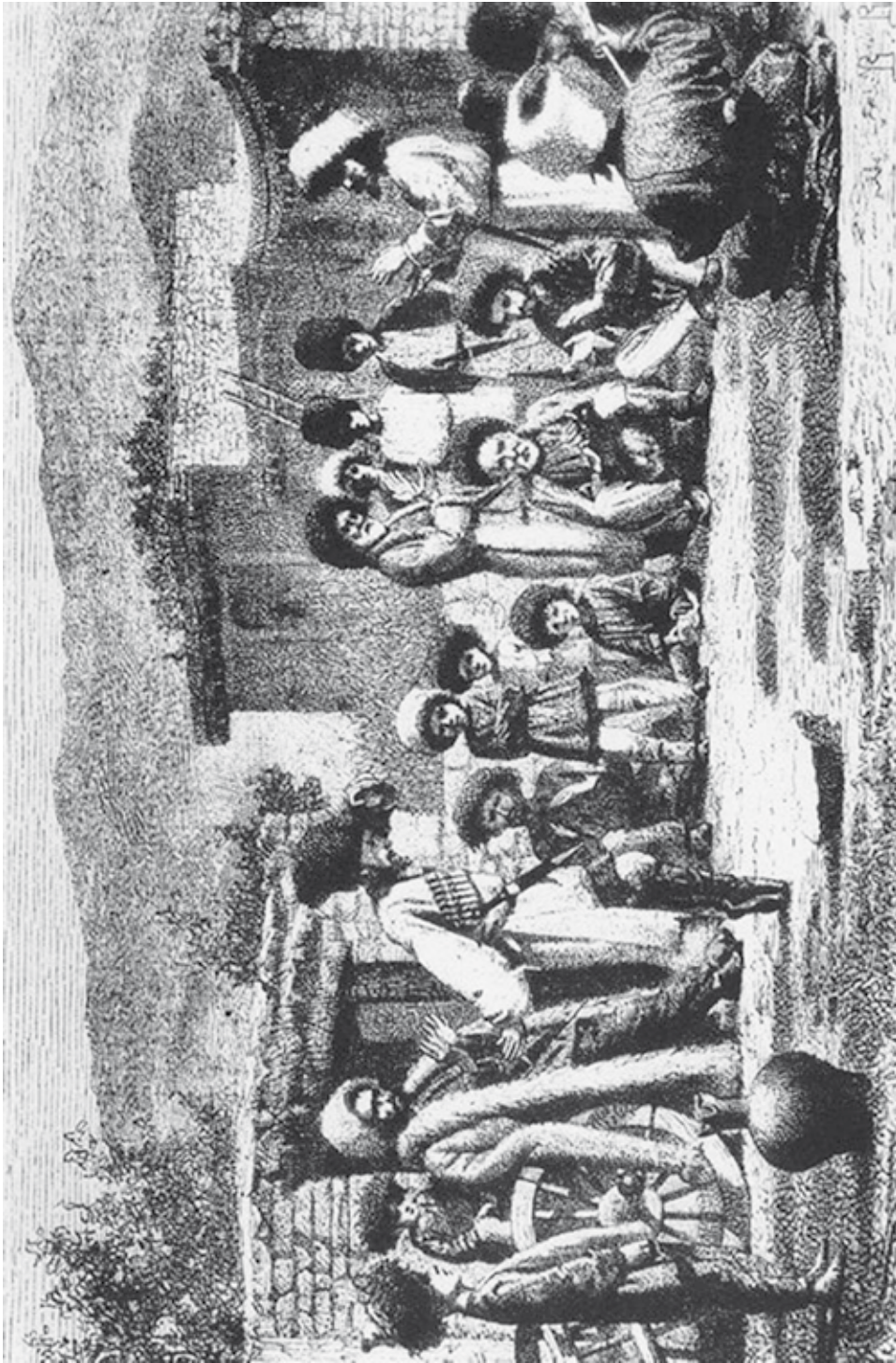
ФОТОГРАФИЯ

Балкарцы. Ныгыш сел. Шыкы.

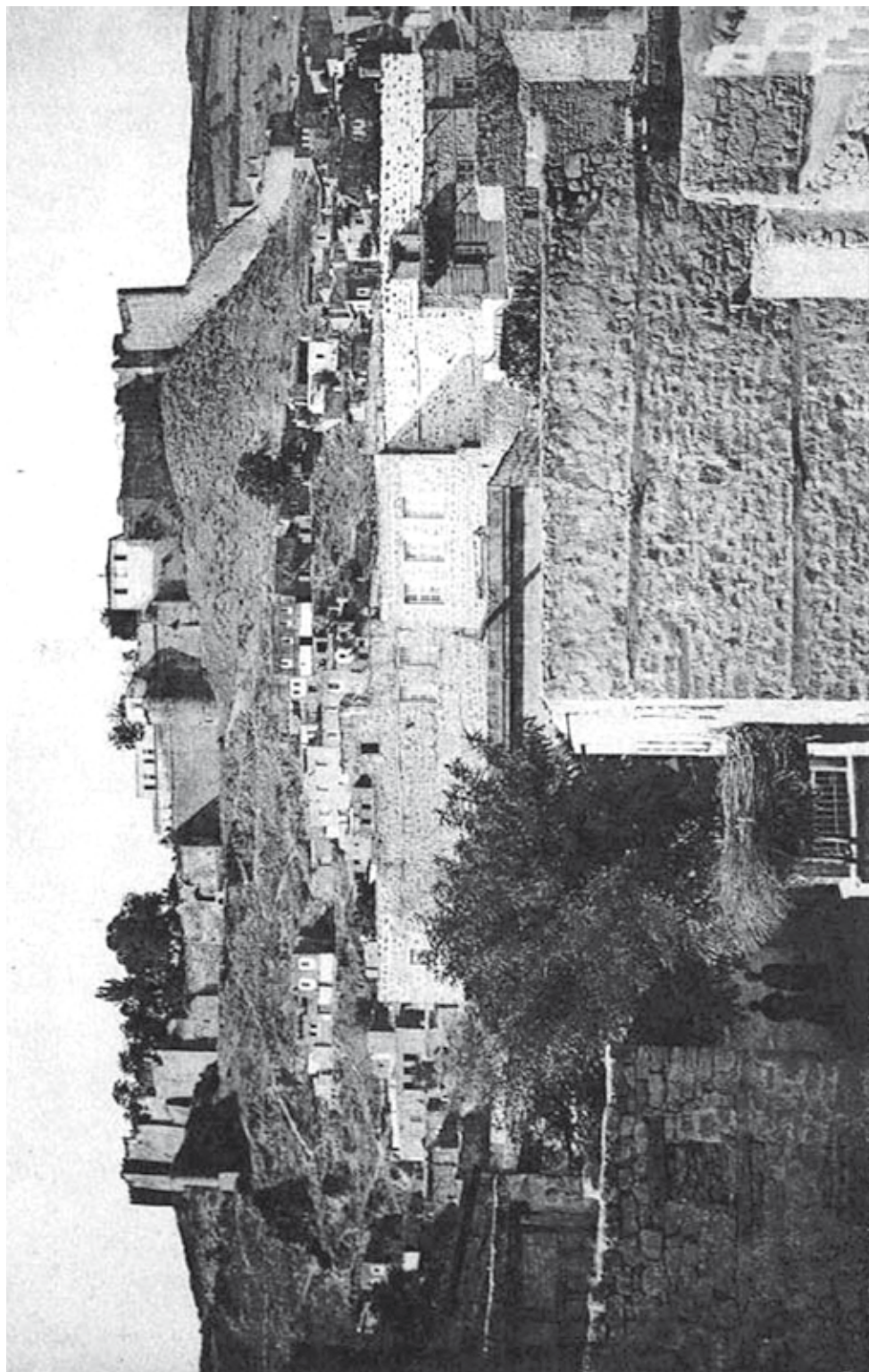
В центре балкарский Кязим Мечиев (религиозный деятель и поэт). 1920 год

Балкарцы-долгожители Урусбиевы

В.В. Верещагин. Лезгинка

Дербент. Общий вид крепости

Дагестан. Бытовая утварь XIX века в руках современных девушек

Дагестан. Канатоходцы из Цовкры

Ингуши. Начало XX века

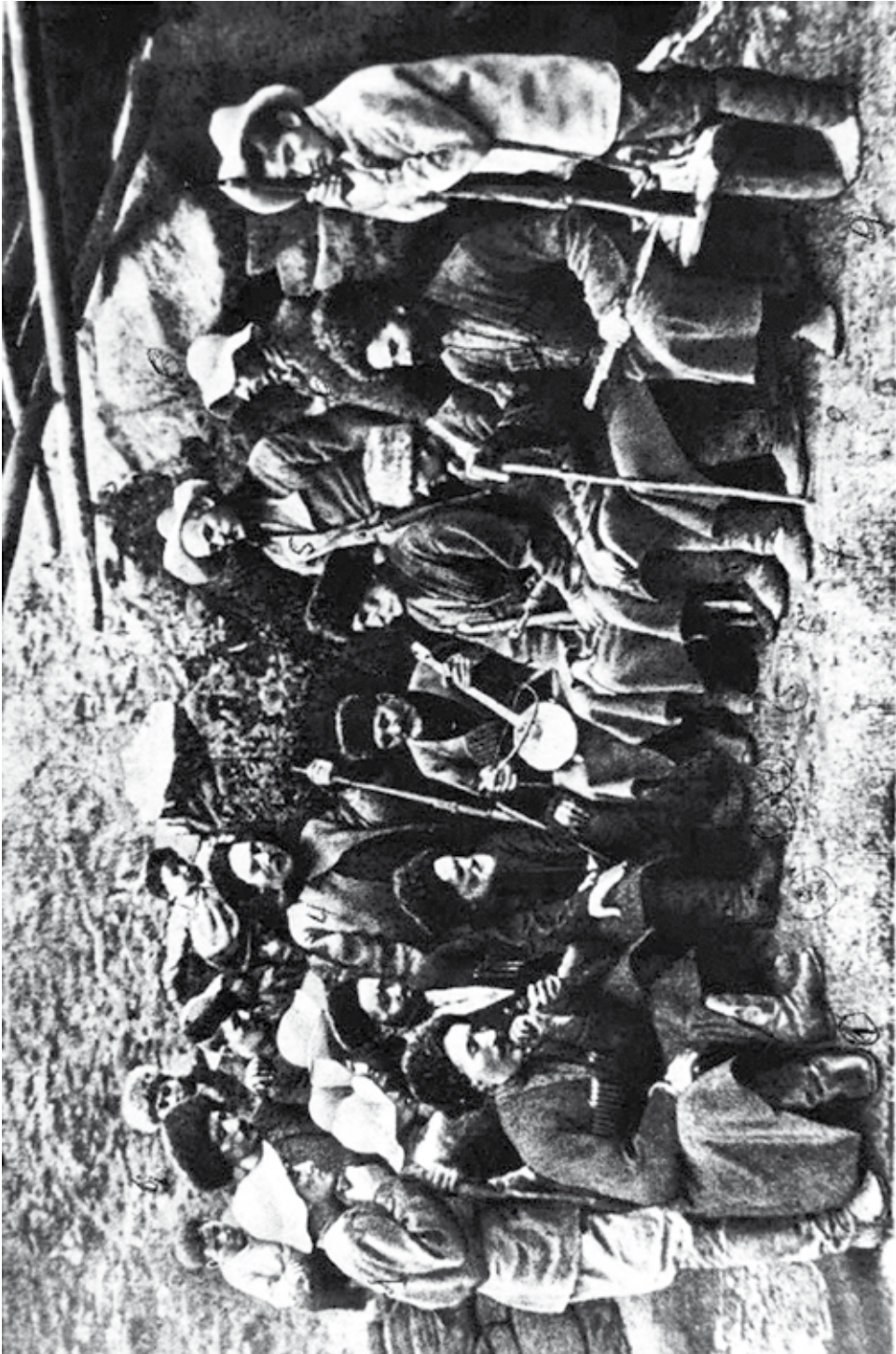
Ингушетия. Ловзар в сел. Фуртоуг. Дарьяльское ущелье. 1917 год

Имагожев Х.А. Сеска-Солса (ингушский нартский эпос)

Осетия. Асламурза Есиев с внуками

Исполнитель народных осетинских песен

Осетинки. 1881 год

Терские казаки

ФОТОГРАФИЯ

Юные казаки

Семья гребенских казаков

Г.Г. Гагарин. Семья Арнаутовых. 1840

Чеченские старейшины

Двор чеченского дома. Конец XIX в.

Чечня. Примирение кровников. Конец 50-х годов

Белхи

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Агларов Мамайхан Агларович – доктор исторических наук, профессор, с.н.с. отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук, заведующая отделом социально-политических исследований Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

Берсанова Залпа Хож-Ахмедовна – кандидат исторических наук, заведующая сектором этнографии Академии наук Чеченской Республики, доцент кафедры культурологии Чеченского государственного университета.

Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна – доктор исторических наук, этнограф, профессор. Заведующая отделом этнографии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

Невская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета. Автор более 170 работ по истории и этнографии Северного Кавказа.

Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии, этнологии и истории КБР Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

Хадикова Алина Хазметовна – кандидат исторических наук, этнолог, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Текуева М.А. АДЫГИ. КАБАРДИНЦЫ	7
Аккиева С.И. БАЛКАРЦЫ. КАРАЧАЕВЦЫ	27
Агларов М.А. ДАГЕСТАНЦЫ.....	49
Дзарахова З.М-Т. ИНГУШИ	75
Хадикова А.Х. ОСЕТИНЫ.....	101
Невская Т.А. РУССКИЕ.....	123
Берсанова З.Х-А. ЧЕЧЕНЦЫ.....	147
ФОТОГАЛЕРЕЯ.....	171
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....	198

Научно-популярное издание

КУЛЬТУРА МИРА
в традициях и обычаях
народов Северного Кавказа

сборник авторских очерков

**Издано в рамках межрегионального образовательного проекта «Я – гражданин!»,
реализуемого Общественным фондом социального развития «Генезис» (Ингушетия)
при финансовой поддержке Международного фонда предотвращения
конфликтов (Великобритания)**

ДЛЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Сдано в набор 22.01.2013 г.
Подписано в печать 11.02.2013 г.
Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 65 г/м².
Гарнитура «Century». Печать офсетная.
Физ. печ. л. 100. Усл.-печ. л. 25.
Тираж – 800 экз.

Издательство ООО «КЕП»
386120, Республика Ингушетия,
с. Кантышево, ул. Джабагиева, 97.
E-mail: pilgrim-K@list.ru

Отпечатано в типографии ООО «Пилигрим»
386102, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Чеченская, 5.